

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.Д. Васильев

**ПРЕВРАЩЕНИЯ СЛОВ.
СОВРЕМЕННЫЕ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ**

Монография

КРАСНОЯРСК
2019

ББК 81.2
В 191

Рецензенты:

Доктор филологических наук профессор

Т.М. Григорьева

Доктор филологических наук профессор

Е.В. Осетрова

Васильев А.Д.

В 191 Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 316 с.

ISBN 978-5-00102-360-9

Монография посвящена рассмотрению современных эволюций ряда концептуально значимых элементов русской лексики и фразеологии. Исследование процессов и их результатов проведено на обширном фактическом материале.

Книга может быть использована в практике вузовского преподавания лингвистических и других гуманитарных дисциплин и представляет, кроме того, интерес для широкого круга читателей, неравнодушных к состоянию русской речи.

ББК 81.2

ISBN 978-5-00102-360-9

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2019
© Васильев А.Д., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Специфика слова как единицы языка	9
Уникальная роль Слова	9
Слова – импульсы поступков	19
Вербальная магия	28
Слово и миф	33
Метаморфозы слов	37
Что такое <i>контроль ситуации</i> ?	37
Болевые точки российского дискурса: современное половодье чувств	58
Извержение откровенности: чистосердечные <i>признания</i>	78
Слова-оборотни в погонах: от <i>милиции</i> к <i>полиции</i>	91
Лингвополитические фокусы: успехи (псевдо)эвфемизации	104
<i>Население</i> вместо <i>народа</i>	138
Современные <i>национальные</i> загадки	171
Регулируемое словоупотребление как инструмент этнополитики	218
Этноним и этнос	218
Национальные стереотипы и автостереотипы	222
Негативизация <i>русского</i>	231
Смутный облик <i>русскоязычного</i>	248
<i>Россияне</i> : материализация мифогена	253
Жонглирование <i>русским</i> / <i>российским</i>	269
Дерусификация	281
Заключение	296
Библиография	300
Специальные издания	300
Лексикографические и справочные источники	309
Литературно-художественные и публицистические тексты	310

Введение

Значимость слова как важнейшей единицы языка трудно переоценить. Вовсе не являются преувеличенными такие суждения: «Язык, слово – это почти всё в человеческой жизни... Возможности и перспективы, заложенные в слове, ... в сущности, бесконечны» [Бахтин 1986б: 313, 316]. Собственно, никакая более или менее успешная социальная деятельность людей без использования слов невозможна, и это касается любой сферы – будь то сугубо профессиональная, или межличностные отношения.

Слово – действенный инструмент, служащий для обеспечения и поддержания общественного бытия человека, которое весьма многообразно, а потому, «исследуя язык, мы не можем не выходить за пределы мира слов» [Дорошевский 1973: 18].

В любом живом языке постоянно происходят различные изменения, особенно заметные на уровне лексики – самого динамичного языкового уровня. Эти изменения выражаются в возникновении новых слов либо (гораздо чаще) в переосмыслении уже имеющихся, в варьировании частотности использования каких-то лексико-фразеологических единиц. Нередко подобные процессы свидетельствуют о трансформациях сознания этносоциума – носителя данного языка, причем о трансформациях весьма значимых, затрагивающих приоритетные ценности. Так, по данным исследований Парижского института газетоведения, в 1871 году наибольшей частотой употребления обладали (в русском переводе) слова *любовь*, *страсть*, *сердце*, *фривольность*, *рента*, а через сто лет, в 1971-м, – *автомобиль*, *скорость*, *женщина*, *война*, *Луна*, *наркотики*, *атом*, *политика* и лишь затем слово *любовь*

[Еленский 1980: 24]. Можно заметить, что этот пример демонстрирует роль СМИ не только в фиксации актуальных элементов лексического состава, но также и в тиражировании их и внедрении в общественное сознание. Конечно, следует обращать особое внимание на те случаи, когда такие феномены распространяются чрезвычайно широко, причем могут стимулироваться с помощью официозных средств массовой информации, то есть рупора наиболее влиятельных речедеятелей, и способны становиться инструментами вербально-манипулятивного мифотворчества. С другой стороны, и как будто спонтанные речекommunikативные акты большинства носителей языка, транслируемые телевидением, не менее интересны, поскольку позволяют делать достаточно обоснованные выводы о преобладающих умонастроениях социума и потенциально вероятных модусах его поведения. Об этом рассказывается в ряде публикаций автора, фрагменты которых включены в эту книгу.

Хорошо известно, что природа языка имеет социальный характер. Ряд исследователей обоснованно считает древнейшей и по сию пору кардинально важной манипулятивную функцию языка, то есть довольно очевидную возможность влиять посредством речевых актов (использованием определенных слов и словосочетаний) на поведение людей. Этому способствует дальнейшее отождествление реалии и лексемы, её называющей: «Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих слово и вещь, сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений» [Потебня 1976а: 173]. Ведь неслучайной считается этимология славянского *věctь (русское и церковнославянское *вещь*),

возводимая к индоевропейскому *uektos/ *uktos сказанное, изреченное'; таким образом, вещь – это 'то, что можно назвать' [Трубачёв 1988: 9]; следовательно, то, что имеет название (обозначается словом), получает право на существование как полноценный элемент реальной действительности. Иначе говоря, главная (номинативная) функция слова позволяет воплощать (буквально – превращая в словесную плоть, материю) представления человека о самом себе и окружающем его мире, причем представления весьма многообразные. Так, постулат: «Каждое слово (разрядка здесь и далее наша. – А.В.) является обозначением какой-то реалии» [Шмелёв 1977: 8] сам его автор комментировал следующим образом: «Иногда возникают сомнения, можно ли говорить о реалиях, коль скоро речь идет о существовании таких слов, как *ведьма*, *русалка*, *кентавр* и т. п. Сомнения эти необоснованны, поскольку в соответствующих словах также отражены определенные понятия, т. е. реалии нашего сознания. В этом смысле слово *кентавр*, по-видимому, не менее «реально», чем, например, *динозавр* и т. п.» [там же]. Именно эти имманентные свойства слова используются при создании вербальных артефактов – «лексических фантомов» (Б.Ю. Норман)¹, «симулякров» (Л.Н. Синельникова), «слов-мифогенов» (А.Д. Васильев), эксплуатирующих неразрывную связь между речевой способностью человека и его мышлением.

---

¹ Хотя, скорее, имеются в виду «с е м а н т и ч е с к и е фантомы», поскольку данный автор описывает слова и устойчивые словосочетания, активно использовавшиеся в пропагандистских целях и при этом имевшие либо весьма ослабленную или спорную семантику, либо (по его мнению) вовсе лишённые таковой, но как звукобуквенные комплексы существовавшие вполне реально.

«Слово... есть орган мысли и неперемное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя...» [Потебня 1976а: 196]. Совершенно справедливы и мнения современных лингвистов, которым «представляется серьезным методологическим заблуждением выделение отдельной категории языкового сознания... и противопоставление его феномену сознания в целом – по крайней мере, применительно к виду *homo sapiens*» (он же – и *homo loquens*) [Кравченко 2008: 158]. В том числе и поэтому операции с конкретными словами имеют выраженный манипулятивный характер и, воздействуя на мышление, а иногда – и всецело подчиняя его себе, способны управлять сознанием человека, следовательно – и его поведением.

На этом издревле строится вербальная магия, влияющая на индивидуума и социум через мифы и легенды, табу и эвфемизмы, колдовские заклинания и религиозные проповеди, ораторские речи и художественные тексты, политическую риторику и коммерческую рекламу. Понятно, что максимальную эффективность эти вербально-магические (они же – и вербально-манипулятивные) акты и их совокупности обретают с помощью средств массовой информации. Так производится новейшее мифотворчество и тиражируются очередные мифы. Они, непрерывно и постоянно модифицируемые в соответствии с меняющимися целями и обстоятельствами, вовсе не обязательно воспринимаются их современниками и даже следующими поколениями как мифы и далеко не всегда квалифицируются в этом качестве специалистами. В глазах последних мифологизированной обычно оказывается предшествующая эпоха или позднейшие представления о ней, которые и подвергаются увлекательному и увлеченному до ожесточенности

«разоблачению»² (наглядный пример – популярные в определенных кругах и до сих пор филиппики по поводу «советского новояза» как атрибута заклятого тоталитарного прошлого и проч., из-за чего вне поля зрения зачастую остаётся ничуть не менее интересная сегодняшняя речекоммуникативная ситуация, в частности – её официозная сфера).

«Реальная тотальная война стала информационной войной. В ней сражаются при помощи утонченных информационных средств как в условиях «холодной войны», так и постоянно. «Холодная война» является реальным военным фронтом – окружением, включающим всех во всё время и везде» (М. Маклюэн – цит. по: [Кукаркин 1974: 337]). Эта формулировка несомненно сохраняет свою актуальность. Более того: было бы глубоко наивным и столь же опасным заблуждением считать, что информационная война может быть обращена т о л ь к о вовне (или извне).

Совершенно справедливо, что «в задачи языкознания должно входить рассеивание мыслительной мути, которая может просачиваться из слов» [Дорошевский 1973: 56]. А «систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их сигнализируют, должно составлять одну из главных общественно-просветительских целей языкознания» [Дорошевский 1973: 15]. Поэтому данная книга может быть интересной не только для лингвистов и специалистов в других областях гуманитарного знания, но также и для более широкого круга читателей, склонных к анализу и осмыслению настроений и событий, обеспечиваемых интенсивным и целенаправленным употреблением слов.

² Ср.: «абличительная литература» [Достоевский 1956, 4: 28].

СПЕЦИФИКА СЛОВА КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Уникальная роль Слова

Лексические единицы фокусируют в себе черты всех уровней языковой структуры; выполнение словами их главной функции – номинативной – обусловлено наличием у них лексического значения. Поэтому и возможны следующие характеристики слова: «Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно» [Лосев 1991: 62]. – «С л о в а с у т ь с и м в о л ы ... Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков 1953: 26, 30]. – «Слова и формы как аббревиатуры или представители высказывания, мировоззрения, точки зрения и т. п., действительных или возможных. Возможности и перспективы, заложенные в слове; они, в сущности, бесконечны» [Бахтин 1986б: 316]. – «За словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие ... Все прочие уровни языка манифестируются только через лексику» [Трубачёв 2004: 154]. – «... Слово – единственная единица языка» [Руделёв 1995: 3].

Можно согласиться и с тем, что «слово – тот же текст, только обработанный, скомпрессированный и включенный в язык [что наглядно подтверждается, например, сопоставлением левой и правой частей статьи толкового словаря. – А. В.] ... Слово – не только преобразованный текст, это еще истоки совершенно новых, неожиданных текстов» [Руделёв 1995: 3].

Кроме того, «в каждом слове, кроме понятия, заключены еще образ и символ» [Колесов 1999: 222]. Особое место занимают слова-символы, издревле

прочно связанные с сакральной сферой общественного сознания; как полагают, примером этого может служить любое общее (т. е. родовое) слово Писания или народной поэтики (Бог, солнце и др.): «подобные слова – свернутый мир, вынесенный из прошлого» [Колесов 1990: 28]. Ср.: «Что такое все христианское непонимание? – Развитие музыкальной темы, которая есть ... догматика. А что есть догматика? – Да не что иное, как разросшаяся крещальная формула – «Во имя отца и Сына и Св. Духа». Ну, а последняя-то уж, несомненно, есть раскрытие слова *ομοούσιος*. Рассматривать ветвистое и широкосенное древо горчичное жизнеописания христианского как разросшееся зерно идеи «е д и н о - с у щ и я», – это не логическая только возможность. Нет, и с т о р и ч е с к и именно так и было» [Флоренский 1989: 54].

Слово способно вызывать обильные – и при этом устойчивые ассоциации: «Мы убеждены, что события, о которых теперь напомним нам слово *школа*, тождественны с теми, которые были и прежде предметом нашей мысли...» [Потебня 1976а: 106].

В значительной степени подобные феномены свойственны, как считают, прежде всего (западно)европейскому сознанию номиналистического типа: наличие термина предполагает присутствие соответствующей идеи или явления [Колесов 2004: 11-12]. В свою очередь, это позволяет не только конструировать нужные оценки словесно обозначаемого, но даже – при необходимости – наклеивать вербальный ярлык на заведомую пустоту. Ср.: «Гёте говорил: «Людям нечего делать с мыслями и воззрениями. Они довольствуются тем, что есть слова. Это знал еще мой Мефистофель: «Коль скоро надобность

в понятиях случится, Их можно словом заменить» (цит. по [Бунин 1988: 79]). – «У нас глубокая психологическая привычка искать за формой обычного для нее содержания. ... Если вы встретите осанистого старика с великолепной бородой, мудрыми бровями и репутацией крупного общественного или государственного деятеля – как трудно, как до жестокости тяжело будет вам признать, что перед вами просто старый дурак...» [Тэффи 1991: 396].

Может быть, при вербальном общении это происходит и из-за неспособности (или нежелания?) коммуникантов четко разграничить план содержания и план выражения речевого акта (в том числе и отдельного слова): «Выражение есть всегда синтез чего-то внутреннего и чего-то внешнего. Это – тождество внутреннего с внешним... Самый термин *выражение* указывает... на некое активное самопревращение внутреннего во внешнее... Выражение может быть символом» [Лосев 1991: 45, 48]. Иначе говоря, определенные слова как звукобуквенные символы сигнализируют и внушают адресату – еще раз подчеркнем, далеко не всегда склонному либо способному к анализу воспринимаемого высказывания («выражения»), – то, что считает необходимым адресант (например, владелец СМИ и глашатаи его интересов).

Большую роль в общении играет и «экспрессивный момент» высказывания, определяющий его композицию и стиль, то есть «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания ... Абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1986а: 278]; упомянутое субъективное отношение адресант и передает (более того: даже должен

передать, в соответствии с собственными установками, полномочиями и/или социальными и иными обязательствами) адресату. Это можно рассматривать как совершенно объективную и универсальную модель речевого поведения; ведь «прагматический фактор пронизывает всю речевую деятельность человека и предусматривается как в элементарных высказываниях, имеющих чисто утилитарные цели (приказание, просьба), так и в сфере широкой социальной жизни, где тесно переплетаются узкопрактические цели повседневной жизни, и крупномасштабные социальные акции» [Колшанский 1990: 100]. Справедливо, что «воздействие через язык осуществляется не простым путем оценочных высказываний типа: «это – хорошо», «это – плохо», а различными языковыми обозначениями, которые содержат социально обусловленный оценочный компонент. Применение подобных обозначений позволяет выразить оценки имплицитно, незаметно для коммуникантов [прежде всего, наверное, – для адресата. – А. В.] и вызвать у них соответствующее отношение и поведение. При этом имеется в виду не то воздействие, которое язык оказывает и распространяет сам по себе [все-таки, скорее всего, это делают носители языка. – А. В.], а то, что оценки и взгляды определенных социальных групп закрепляются в разных точках зрения на языковое употребление и в дальнейшем переносятся языком на специальное воздействие соответствующих социальных групп» [Матвеева 1984: 5-6].

Поэтому слово успешно выполняет функцию суггесторного воздействия, сила которого, как полагают, может быть сравнима с физиологическими факторами; «внушаемость посредством слова – глубинное

свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» [Кара-Мурза 2002: 84].

Оценку В. Гумбольдтом, который «замыкает мир в скорлупе национального языка», считают «стандартной, но всё же не совсем справедливой» [Комлев 2003: 95], однако при этом очевидным признают и «факт, что передача знаний, накопленных общественным опытом, может осуществляться главным образом через высказывания, т. е. в форме слов» [Комлев 2003: 92]. И именно язык самым активным образом участвует в сложении «социокода – основной знаковой реальности культуры»; социокод удерживает в целостности и различении «фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [Петров 1991: 39]. И «абстрактная форма отражения мира в сознании человека выступает материально в словесной форме и конкретно – в сложной динамике своих связей в бесконечном речевом процессе» [Колшанский 1990: 46].

Положение о бесконечности речевого процесса, непрерывности речевого потока подразумевает и то, что «каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин 1986а: 261]; причем причинно-следственные отношения между ними, а также, очевидно, вытекающими из них решениями и поступками, могут быть довольно разнообразными, как и формы, сроки и интенсивность возможных ответных реакций адресата на слова-сигналы адресата. Ими могут оказаться и непосредственная реализация действия – как выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды; и молчаливое ответное понимание,

которое остается таковым до какого-то момента: «рано или поздно услышанное и активно понятое откликнется в последующих речах или в поведении слышавшего. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны именно на такое активно ответное понимание замедленного действия» [Бахтин 1986а: 260]. Слово выступает как импульс поступка – пусть иногда и не сиюминутного.

На первый план, конечно, выходит вопрос о семантике лексем, используемых в манипулятивном акте коммуникации (информационно-психологическом выпаде, побуждающем к действию) в качестве ключевых: такие слова, которые способны перетряхнуть всю систему, заставить ее изменяться [Расторгуев 2003: 39]. Как ни парадоксально, но четко очерченные лексические значения подобных единиц могут быть и непонятны адресату. Тем не менее они способны вызвать у аудитории желательную адресанту реакцию:

«Есть речи – значенье

Темно иль ничтожно,

Но им без волненья

Внимать невозможно»

[Лермонтов 1970, 1: 342] (ср.: «...Наташа с бледным и серьезным лицом вошла в комнату... «Николенька, я тебе растолкую, ты уйди... Вы послушайте, мама-голубушка», – говорила она матери. Слова её были бессмысленны; но они достигли того результата, к которому она стремилась. Графиня, тяжело захлипав, спрятала лицо на груди дочери, а Николай встал, схватился за голову и вышел из комнаты. Наташа взялась за дело примирения и довела его до того, что Николай получил обещание от матери в том, что Соню не будут притеснять, и сам

дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей» [Толстой 1980, V: 303]).

Проблемы тождества слова и распознаваемости лексической семантики в процессе речевого общения продолжают оставаться весьма актуальными, несмотря на длительную историю их разработки. «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперцепировать содержание его мысли... Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях [...], но легко может быть осознано при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове» [Потебня 1976а: 139-140]. Ср. литературно-художественные осмысления подобных диалогов: «... И Щеголев пошел рассуждать о политике... Названия стран и имена их главных представителей обращались у него вроде как в ярлыки на более или менее полных сосудах, содержание которых он переливал так или этак... Совсем страшно бывало, когда он попадал на другого такого же любителя политических прогнозов. Был, например, полковник Касаткин, приходивший иногда к обеду, и тогда сшибалась щеголевская Англия не с другой щеголевской страной, а с Англией касаткинской, такой же несуществующей, так что в каком-то смысле войны международные превращались в межусобные, хотя воюющие стороны находились в разных планах, никак не могущих соприкоснуться» [Набоков 1990, 3: 142-143]. – Ср.: «Как, товарищ, у вас работа среди женщин? –

скороговоркой грянул столичный [ответственный работник] ... – Ничего, – добродушно ответил ему провинциальный, безответственный, беспартийный, дыхнув самогонкой, – у нас насчет этого хорошо. Я с третьей бабой живу» [Булгаков 1989, 2: 319].

Подобные приведенным примеры наглядно иллюстрируют положения о том, что даже использование коммуникантами одного общего для них естественного языка не обеспечивает тождественности кода, поскольку требуются еще и идентичность языкового опыта, и совпадение объемов памяти, и единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. «Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивидуальность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени. Из этого неизбежно вытекает относительность идентичности исходного и полученного текстов» [Лотман 1996: 13-14].

Интерпретации семантики слов, например, актуального для той или иной эпохи политического лексикона, могут быть отягощены коннотациями, возникающими в зависимости от различных экстралингвистических (условно) факторов – социального статуса, культурно-образовательного уровня и иных индивидуальных характеристик реципиента. Это можно иллюстрировать, например, следующими эпизодами романа, где отражено восприятие таких лексем двумя персонажами – Катей Смоковниковой, вдовой блестящего столичного адвоката (К.), – и Анисьей Назаровой, бывшей крестьянкой, затем – бойцом Красной Армии (А.).

К.: «Она ничего не понимала в происходящем! Революция представлялась ей грозовой ночью, опустившейся на Россию. Она боялась некоторых слов, например, совдеп казался ей свирепым словом, ревком – страшным, как рев быка, просунувшего кудрявую морду сквозь плетень в сад, где стояла маленькая Катя (было такое происшествие в детстве). Когда она разворачивала коричневый газетный лист и читала: «Французский империализм с его мрачными захватными планами и хищническими союзами...», ей представлялся тихий в голубоватой летней мгле Париж, запах ванили и грусти, журчащие ручейки вдоль тротуаров... «Ну, какие же они империалисты!», – думала Катя» [Толстой 1982, I: 294].

А.: «Она сидела, нахмуренная от внимания... Неприученный мозг с трудом впитывал отвлеченные идеи, – они, как слова чужого языка, лишь частицами, искорками проникали к ее живым ощущениям. Слово «социализм» вызывало в ней представление чего-то сухо шуршащего, как красная лента, цепляющаяся ворсом за шершавые руки. Эта лента ей снилась. «Империализм» был похож на царя Навуходноносора с лубочной картинки, засиженной мухами, – с короной, в мантии, окрашенной мазком кармина, – царь ронял скипетр и державу при виде руки, пишущей на стене: мене, текел, фарес... Но Анисья была трудолюбивая и упорно преодолевала эти несовершенные представления...» [Толстой 1982, II: 95-96].

Роль ассоциаций, подобных вышеприведенным, хорошо известна; не приближая реципиента к осмыслению лексических значений слов, они лишь играют роль некоего нимба; в других случаях не возникает и этого: ср. рассказ М. Зощенко «Обезьяний язык» 1925 г.,

малограмотные персонажи которого вполне уверенно – «вежливо», «небрежно», «интеллигентно» – употребляют «слова с иностранным, туманным значением» (вроде пленарное, кворум, конкретно, фактически, минимально, индустрия, президиум и т. п.), причем в составе штампов складывавшейся тогда официозной советской риторики.

Конечно, подобное легко объяснить низким культурнообразовательным уровнем основной массы носителей русского языка того времени. Любопытно, однако, что гораздо позже аналогичные пропагандистские формулы (но уже в период т. н. перестройки) высоко оценивались и некоторыми лингвистами.

Так, в одной из публикаций перестроечного периода после критики «темного языка бюрократов и догматиков, замысловатого и трескучего, составленного из клише и слов-паразитов», констатировалось возвращение русского языка «в лоно нормального использования и развития... Идет творение новой фразеологии, преодолевающей формализм и открывающей возможность прямого, демократического, открытого обсуждения сложившегося положения, реальных дел и задач: *убрать завалы, искать развязки, прибавить в работе, нужны прорывы, усилить поиск, оздоровить общество, воспитывать словом и делом, стратегия ускорения, нестандартно мыслить, ускорение социального и экономического развития, нравственная закалка кадров, человеческий фактор*. Все эти простые и честные, прямые выражения пробуждают творческое мышление, превращают самостоятельную индивидуальность в жизненную потребность людей... Даже неказистые сложения... (*самоуправление, самофинансирование,*

самоокупаемость, ресурсосберегающий, трудосберегающий, высокотехнологичный, наукоемкий, природоохранный) несут в себе заряд правды, момент истины, то есть то, что легло в основу перестройки» [Костомаров 1987: 3-5, 7]. Однако по истечении совсем непродолжительного времени стало ясно, что реальные плоды *нового мышления*, творчески примененного *прорабами перестройки с приоритетным учетом общечеловеческих ценностей*, оказались все-таки несколько иными, чем (может быть) предполагалось «не прогибавшимися под изменчивый мир». Впоследствии лексикографы оценили подобные «весьма посредственные штампы» как «негативный материал», который можно использовать при работе над Новым академическим словарем русского языка [Корованенко 1995: 42].

Следовательно, по-видимому, причина обаяния таких магически-манипулятивных словесных блоков заключается далеко не только в уровне образования или в характере профессиональной деятельности адресата.

Слова – импульсы поступков

«Слова языка ничьи», но «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т. п.» [Бахтин 1986а: 282, 283], которые, как провозглашалось исторически недавно, овладев массами, становятся материальной силой. Эти лексемы сменяют друг друга по мере необходимости, определяемой их творцами и проводниками – современными жрецами и проповедниками (в первую очередь, наверное, –

заказчиками общественных настроений и уполномоченными ими распорядителями). Особенно заметны подобные явления при радикальных политических, экономических, культурных и прочих трансформациях социума. Следует учитывать, что нужные слова и устойчивые словосочетания не просто манифестируют революционные катаклизмы, но и оказываются их импульсами и стимуляторами. Столь же важно иметь в виду специфику семантики таких слов и составных наименований: они, как правило, обозначают референты, либо заведомо отсутствующие в реальной действительности (ср. перифрастическое определение лжи в языке свифтовских гуингнмов: «утверждать то, чего нет»), либо воспринимаемые и оцениваемые разными носителями одного языка и их макрогруппами настолько различно, что это подчас заставляет усомниться в наличии обозначаемых явлений. Мощнейшие факторы, поддерживающие обращение этих слов в публичном дискурсе, – настойчивость штатных пропагандистов и иных распространителей семантических пустышек (чуть ли не парольно-фатического характера), с одной стороны; с другой – активно поощряемая вера в них аудитории, то есть совершенно некритичное, малоосмысленное отношение адресатов к навязываемым вербальным символам (ср.: «... Глупый наш народ Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне...» [Пушкин 1978, V: 282]).

Понятно, что и восприятие, и оценки конкретных примеров описываемого лингвопропагандистского феномена могут варьироваться в зависимости от позиций наблюдателя-аналитика, которые, впрочем, не так уж редко тоже меняются под влиянием причин не обязательно сугубо лингвистического толка; разно-

образной бывает и используемая при этом терминология. Рассмотрим здесь только несколько случаев.

Так, например, предлагают называть «лексическими фантомами» «слова, в значении которых отсутствует денотативный компонент. Проще говоря, это та ситуация, когда слово есть, а предмета, который оно обозначает, не существует» [Норман 1994: 53]. Хотя цитируемый автор и говорит о фантомах мифологических (*русалка, леший* т. п.), литературных (*Бармалей, Дядя Степа* и т. д.), научных (*теплород* и проч.), но основное внимание (да и обличительный заряд) обращает на фантомы идеологические, которые, оказывается, «значительно более многочисленны (и опасны!). Это случаи, когда отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной утопии, поддержанием определенных социальных иллюзий» [Норман 1994: 55]. Ясно, что, в полном соответствии с интеллигентскими умонастроениями тех лет, речь, конечно же, идет о лексико-фразеологических элементах компартийной пропаганды: «Если говорить конкретно об СССР, то социализм, который в течение 70 лет строился (и «был построен»), в значительной мере был социализмом на бумаге. Он обслуживался огромным количеством слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло (либо, что в данном случае то же самое, стояла их полная противоположность). В качестве примеров можно привести такие фантомы: *мир, равенство, братство; разоружение; диктатура пролетариата, социальная справедливость; слуги народа; развивающиеся страны* (а остальные страны – что, не развиваются?); *человеческий фактор; остров Свободы; Слава КПСС!; Народ и партия едины;*

Экономика должна быть экономной; союз нерушимый республик свободных; Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи; Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны и т. д. и т. п. Специально подчеркнем: речь идет не просто об использовании в идеологических и политических контекстах отвлеченной лексики, но о принципиальной оторванности данных номинаций от реальной действительности, об их «замкнутости» на себе (обусловленной тоже, можно сказать, своеобразным мифотворчеством)... Идеологические фантомы в опоре на реалии не нуждаются... Они представляют собой своего рода плетение словес, обретающее от бесчисленного повторения ... магическую силу» [Норман 1994: 55-56].

Собственно, это лишь одна из многих иллюстраций сугубо узкого – и как-то очень своевременного – понимания феномена. Его сущность следовало бы изучать на гораздо более разнообразном материале, а не ограничиваться тем, который в перестроечно-реформаторский период был обозначен как самая доступная мишень, причем попытки поразить её не только свидетельствовали о новейшей благонадежности авторов, но и предлагали некое научно-лингвистическое оправдание и обоснование развернутых экспериментов и трансформаций. Внезапное слаженное прозрение пандемического характера («послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры...» [Трубачёв 2004: 141-142]) выросло в продолжительную кампанию, крайности которой признавали даже некоторые ее активисты: «...Последние годы перестройки показывают, что именно радикалы зачастую лишают своих оппонентов права на «инакомыслие», а жесткие

возгласы с пеной у рта на иных ультраперестроечных митингах слишком похожи на уже известный человечеству призыв толпы: «Распни его!». То же порой происходит и в науке, и все мы – не без греха (в том числе и сам автор книги...)» [Горбаневский 1991: 186]. Усилия по разоблачению и искоренению тех лексико-фразеологических черт русского языка, которые в совокупности были удостоены ярлыка «советский новояз», получили долговременную инерцию: ведь и чуть ли не до сих пор «описания языка тоталитаризма в монографиях, научных и научно-популярных статьях вызывают у определенной части «лингвистов-пассионариев» желание бороться (опять!), обличать, громить остатки ненавистной социальной системы и ее языка» [Мокиенко, Никитина 1998: 6]. Может быть, колоссальные затраты энергии на производство безопасного пафоса и не дают многим специалистам заметить сегодняшние эволюции общественно-политического дискурса. А ведь известно, что «во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою позицию новому, идущему ему на смену классу, передает последнему... и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, – от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов 2001а: 331].

Кажется, явно преднамеренно, но столь же (с лингвистической точки зрения) и неоправданно «упускается из виду» другой аспект изучения: имеет смысл не только противопоставлять, но и пытаться увидеть то общее, что присуще русскому литературному языку советского и постсоветского времени. Это общее –

принадлежность литературного языка, языкового стандарта массовой культуре. Советский и постсоветский периоды истории литературного языка – это периоды развития литературного языка массовой культуры» [Романенко 2003: 116]. Тем более, что, как показывает тщательный анализ образцов советской словесной культуры, образ ратора – ее адепта и проповедника – характеризовался категорией партийности, адекватно доминирующим ценностям воплощавшейся в вербальной магии того периода: «это проявление действенности знака, основанное на принципе его мотивированности. Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются... Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным» [Романенко 2003: 222; также 74-79 и др.] (это присуще и последующему времени), а в условиях приоритета документной коммуникации возникает и документная герменевтика, интерпретирующая имена как вещи [Романенко 2003: 226]. Собственно, это довольно традиционный феномен: «Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих слово и вещь, сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений. Слово, как сущность вещи, в молитве и занятии получает власть над природою» [Потебня 1976а: 176].

Нельзя оставлять без внимания ни несомненную преобладание тенденций речевой коммуникации в пределах одного языка, ни – в то же время – почти (?) повсеместную их распространенность в типологически разных языках и в условиях различных социально-политических систем. Достаточно вспомнить хотя бы

о *political correctness* – «политической корректности» (переводят также как «культурная корректность», «коммуникативная корректность»), сконструированной и культивируемой в США и в полном соответствии с практикой глобализации экспортируемой повсюду.

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «правильный» (видимо, «политкорректный», судя по приводимым примерам) язык Запада создавался – и продолжает совершенствоваться – следующим образом: «Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*). Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, – и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети, – связи и сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире. Важный признак этих слов-амеб – их кажущаяся «научность». Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия» [Кара-Мурза 2002: 90]. Отметим, что выбор метафорического именованья в данном случае весьма точен: амеба – существо не только простейшее (в роли лингвоментального элемента), но и аморфное (как и слово, не имеющее строго оконча-

тельных, завершенных семантических очертаний), а часто – и паразитирующее (на индивидуальном и общественном сознании – и в качестве непродуктивной частицы языковой картины мира).

Почти аналогичные наблюдения делались и на материале других языков: «Самым, вероятно, страшным врагом разговорного английского является так называемый «литературный английский». Сей занудный диалект, язык газетных передовиц, Белых книг, политических речей и выпусков новостей Би-би-си, несомненно, расширяет сферу своего влияния, распространяясь вглубь по социальной шкале и вширь в устную речь. Для него характерна опора на штампы – «в должное время», «при первой же возможности», «глубокая благодарность», «глубочайшая скорбь», «рассмотреть все возможности», «выступить в защиту», «логическое предположение», «положительный ответ» и т. д., когда-то, может, и бывшие свежими и живыми выражениями, но ныне ставшие лишь приемом, позволяющим не напрягать мысль, и имеющие к живому английскому языку отношение не большее, чем копытль к ноге [Оруэлл 1989а: 332]. – «Меня вызвали в военное министерство, опросили и внесли в список на случай национальной опасности ... Всё лихорадочно подготавливалось к национальной опасности. В этом темном министерстве слово «война» не произносилось, на нем лежало табу; нас должны были призвать, если возникнет «национальная опасность» – не военная смута, которая есть акт человеческой воли, не такие ясные и простые вещи, как гнев и расплата, нет, национальная опасность – нечто являющееся из глубины вод, чудовище с безглазым ликом и хлещущим хвостом, которое всплывает со дна морского» [Во 1974: 484].

Кроме того, употребление слов-амеб – одно из слагаемых престижности речедеятеля, залог его жизненного успеха (особенно в современном понимании) и высокого статуса (во всяком случае, владеющего набором слов-амеб трудно упрекнуть в нонконформистском вербальном поведении: он – такой же, «как все», соблюдает установленные правила игры в слова). «Слова-амебы – как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды. Это и объясняет их «пожирающую» способность. В «приличном обществе» человек обязан их использовать» [Кара-Мурза 2002: 90]. Ср. пример воспроизведения одного из характерных лексических фрагментов культурно-речевой ситуации начала 20-х годов XX в. – в реплике персонажа, который «про совесть чего-то не помнит», зато «может угодить любому начальству» и, по-видимому, способен сделать удачную служебную карьеру: «Вы скажите *конкретно*: чего я напорол? – взъярился Зайцев. – *Конкретно* скажите...» Оно тогда только входило в моду, это слово «конкретно», пришедшее в быт от политики, от яростных митинговых речей. Не всем еще ясен был его точный смысл, но почти все хотели его произносить. И Зайцеву нравилось это слово...» [Нилин 1990: 494-495]. В сегодняшнем российском словоупотреблении приблизительно таковы *эксклюзивный, креативный, позитивный, элитный, гламурный и инновационный* – индикаторы «продвинутости» адресанта, т. е. его соответствия самым современным критериям поведения, причем не только речевого (почти парольную функцию в официозе в то же время выполняют *инновационные технологии, амбициозный* – как мелиоративное [!], *оптимизация* – когда имеется в виду нечто прямо противоположное, и проч.).

Говоря о «модных словах, или словах-метеорах», отмечают, что они не появляются в одиночку, а влекут за собой другие подобные не только в тексте и абзаце, но даже в одной фразе; «такие речевые обороты приобретают характер эпидемии... Примитивизация стиля и обеднение выбора слов создают видимость языкового комфорта и ... фатально снижают культурно-интеллектуальный уровень общения» [Комлев 2003: 107]. Скажем, основные причины повального распространения иноязычных заимствований в современной русской речи объясняют либо необходимостью выразить нечто новое, либо «обезьяньим пристрастием самозванных «элит» к самолюбованию» [Колесов 2004: 206] (ср. там же: «А если ... человек в состоянии повышенного комфорта и безделья превратится в обезьяну? Тепло, обилие пищи, все удобства под рукой – евростандарт... Сегодня на переход в обезьянье царство претендуют многие лощеные джентльмены» [Колесов 2004: 39]).

Вербальная магия

Весьма интересны случаи (вовсе не редкие) отсутствия лексического значения у слова либо составного наименования, причем отсутствия программируемого и преднамеренного. Иначе говоря, коммуникативная ценность таких языковых единиц должна быть равной нулю, но в культурологическом отношении и они становятся значимыми. «Полный отказ от разумного смысла – уже характерный признак языка жрецов и оракулов у первобытных народов, языка, порою впадающего в совершеннейшую бессмыслицу» [Хёйзинга 1997: 140]; ср.: «Глухо стала вор-

чать она [панночка-ведьма] и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло вспыхивали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинания» [Гоголь 1952, 2: 185].

И. Хёйзинга, характеризуя язык магических построений, вещаний оракула, колдовских заклинаний, называет его «лирическим»: «...Лирика [в очень широком смысле] в наибольшей степени пребывает в первоначальной сфере игры... Поэт наиболее приближается к наивысшей мудрости – но и к бессмыслице. ...Сама сущность лирики состоит в том, что она вырывается за пределы сковываемого логикой разума» [Хёйзинга 1997: 140].

Впрочем, «хоть это и безумие, но в нем есть последовательность» [Шекспир 1960, 6: 53]. Таким образом по-своему логично организован «заумный язык»; ср.: «Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов... Рассказ есть зодчество из слов ... [Зангези:] Пойте все вместе за мной! Гоум. Оум. Уум. Паум. Соум меня И тех, кого не знаю. Моум. Боум. Лаум. Чеум. – Боум! Бим! Бам!» [Хлебников 1986: 473, 482], с последующей авторской дешифровкой; «*Выум* – это изобретающий ум... *Гоум* – высокий, как эти безделушки неба, звезды, невидные днем. *У* падших государей он берет выпавший посох. *Го*. *Лаум* – широкий, разлитый по наиболее широкой площади, не знающий берегов себе, как половодье реки. *Оум* – отвлеченный, озирающий все кругом себя, с высоты одной мысли... *Чеум* – поднимающий чашу к неведомому будущему. Его зори – чезори. Его луч – челуч.

Его пламя – чепламя. Его воля – чеволя. Его горе – чегоре. Его неги – ченеги» и т. п. [Хлебников 1986: 483].

См. также следующее теоретическое обоснование этих изощрений: «Г о в о р я т, что стихи должны быть понятны. ... С другой стороны, почему заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти «шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу» – суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета, и являются заумным языком в народном слове. Между тем этим непонятым словам приписывается наибольшая власть над человеком, чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара. Им предписывается власть руководить добром и злом и управлять сердцем нежных ... Волшебный язык заговоров и заклинаний не хочет иметь своим судьей будничным рассудок» и проч. [Хлебников 1986: 633-634].

Конечно, возможны и иные оценки таких экспериментов, например: «... Хотят сбросить бремя слова как воплощенного смысла, ринуться в непроглядную ночь звука ... Но в этом и коренятся главные недоразумения и фиаско, ибо все-таки хотят говорить, не хотя слова, его низвергая в дословный хаос звуков ... Футуристы правы: заумный, точнее доумный язык есть, как первостихия слова, его материя, но это – не язык... Это такое хвастовство хаосом...» [Булгаков 1953: 42].

При этом некоторые нововводимые элементы общественно-политической лексики и фразеологии неоднократно также рассматривались и оценивались как выполняющие исключительно магическую функцию. Это относится, в частности, к сложносокращенным словам советской эпохи. Конечно, следует пред-

варительно заметить, что распространение явления аббревиации в русском языке специалисты приурочивают еще к дореволюционному периоду, когда многочисленными были названия синдикатов (Продуголь, Ростоп, Продаруд, Юротат, Продамет, Лензото и др.), а также сокращения устойчивых военно-профессиональных именовании, актуализированных во время первой мировой войны (вроде *дегенрум* – «дежурный генерал армии», *штабад* – «адъютант штаба», ГАУ – «Главное артиллерийское управление» и т. п.) [Лексика 1981: 201-202]. Однако процесс аббревиации чрезвычайно активизировался особенно после октября 1917 г.; еще раз скажем, что некоторые (по крайней мере) современники этих событий усматривали в советских аббревиатурах черты вербальной магии. Ср.: «*Чека, цик, ревком* и огромная масса других, не менее диких сочетаний, совершенно невразумительных для непосвященных: ... «всем губпотелькомам цекапот», *наркомпочтель*. В наше время нельзя взять в руки газету или брошюру последнего времени, прочесть объявление или вывеску, чтобы не натолкнуться на десяток, а то и сотню подобных м а г и ч е с к и х слов» [Баранников 1919: 77] – и: «...Иные могут похвалиться еще и тем, что теперь «куются» совсем новые слова, например, все эти б о г о м е р з к и е *совдепы, викжели, земгоры* [между прочим: «Земгор», объединенный комитет Земского и Гор. союзов. созд. 10. 7. 1915 для помощи пр-ву в орг-ции снабжения рус. армии. Ведал мобилизацией мелкой и кустарной пром-сти. Окт. рев-цию встретил враждебно, в янв. 1918 упразднен декретом СНК». – СЭС 1983: 458 – А. В.] и под. ... Образуются новые манекены слов. Однако (и это м и с т и ч е с к и есть самая

тяжелая сторона дела), такие слова-манекены становятся в а м п и р а м и , получают свою жизнь, свое бытие, силу. Образуется целое облако таких мертвых слов-л а р в , в а м п и р о в , которые сосут кровь языка и служат черной их магии . Таков о к - к у л ь т н ы й с м ы с л этого сквернословия» [Булгаков 1953: 32]. Заметим, что и в послесоветское время аббревиация по-прежнему продуктивна.

По-видимому, если «слова-амёбы» (в понимании С. Г. Кара-Мурзы) характеризуются отсутствием связи с конкретной реальностью и минимальной, вплоть до нулевой, семантической валентностью, то симулякры (в терминологии Л. Н. Синельниковой) – «результат трансформированной реальности», хотя и уже трансформированной посредством симулякров: «Реальность трансформируется разнообразными способами, в числе которых языковые средства занимают едва ли не ведущее место... Результатом симулякризиса общества... является уменьшение числа субъектов влияния» [Синельникова 2003: 216]. Еще раз подчеркнем высокую степень преемственности таких социолингвистических феноменов – вне зависимости от типа государственно-политического устройства, во многом ими порожденного и ими же обслуживаемого: «особо живучи и неистребимы политические симулякры ... «Химерические конструкции» тоталитарного прошлого спокойно перекечевали в демократическое настоящее, что дает основание говорить о симулякрах как инвариантных признаках языка власти. *Радикальные социальные преобразования, сотрудничество со всеми здоровыми силами...* Новомодный политический лексикон продолжает культивировать мнимые денотаты, разрывать, отдалять друг от друга

вербальный и предметный мир (достаточно посмотреть на многообразие контекстов употребления и коннотаций слов *лоббировать, цивилизованный, коррупция, популизм* и мн. др. или попытаться с некоторой степенью точности определить содержание понятий *экологически чистый продукт, либерализация цен, новый формат*)» [Синельникова 2003: 221-222].

В качестве не менее адекватного определения для таких «лингвистических фокусов политиков» [Осипов 2000: 211] – скорее всего, изобретаемых их подручной службой – можно предложить обозначение мифоген, поскольку с помощью интенсивного внедрения слов, словосочетаний, словесных блоков, лишенных денотативной основы и виртуализирующих действительность, порождаются новейшие мифы, которые, в конечном счете, лишают индивидуальное и общественное сознание способности к полноценной самостоятельной ориентации, всецело подчиняя его воле мифотворцев, транслируемой через все подвластные им каналы.

Российская перестроечно-реформаторская речевая практика в этом отношении предоставляет внимательному наблюдателю весьма обширный иллюстративный материал.

Слово и миф

Исходя из того, что «всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [Хёйзинга 1997: 24], Й. Хёйзинга предлагал обратиться к мифу, «который тоже есть образное претворение бытия, только более подробно разработанное, чем отдельное слово. С помощью мифа люди пытаются объяснить земное, помещая основание

человеческих деяний в область божественного. В каждом из тех причудливых образов, в которые миф облекает всё сущее, изобретательный дух играет на грани шуточного и серьезного»; то же относится к области религиозного культа: «Раннее общество совершает свои священнодействия, которые служат ему залогом благополучия мира, ... – в ходе чистой игры в самом прямом смысле этого слова. В мифе и культе начинаются, однако, великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, учёность, наука. И все они, таким образом, уходят корнями в ту же почву игровых действий» [там же].

Справедливо, что «сейчас в науках о культуре и в исследованиях о культуре, советской в частности, принято трактовать миф как искажение, извращение реальной картины мира (подлинно научной); или как примитивную донаучную форму сознания; или как заблуждение, обман» [Романенко 2003: 220]. Подобные трактовки и интерпретации отечественными мыслителями, и особенно руководителями значительного и значимого периода истории, и не только собственно российской, но мировой, в общем-то, неудивительны: в их поведении есть своя логика – логика отступников. Кстати, любопытно, что до сих пор не получили широкой огласки случаи возврата в государственную казну дивидендов, ранее полученных прорабами перестройки и чернорабочими реформ за их прежнее активное участие в строительстве коммунизма и пропаганду соответствующих идей; равным образом деятели искусств (шоу-бизнеса), ныне известные как стойкие антикоммунисты, по каким-то причинам не возражают, когда их публично предс-

тавляют, например, как «народных артистов СССР» (не именуемого в таких случаях «бывшим»)... С другой стороны, в процессе этой перманентной кампании как будто не замечается сотворение новых мифов (в том числе и о современности), ничуть не более соответствующих действительности, чем какие-нибудь голливудские «байки из склепа».

Очевидная сложность и весьма относительная возможность однозначной и адекватной квалификации понятия «миф», вероятно, стали причиной вариативности мнений ученых об этом феномене. Ср.: «Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня и миф – выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям в культуре, исповедующим ту или иную мифологию. <...> Словом, миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности, а не наименее реальное, или фантастическое, и не наименее полное, или пустое» [Лосев 1993: 772-773]. – «Что такое творчески данное и активно выраженное самосознание? Это есть *слово*. В слове сознание достигает степени самосознания... Слово есть не только понятая, но и понявшая себя сама природа... Миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть *слово*...» [Лосев 1991: 133-134]. «Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно. Таков же и миф. Миф или прямо словесен или словесность его скрытая...» [Лосев 1991: 62] – «...Богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое» [Афанасьев 1988: 50, 39]. – «Словесный знак

скрывает за собою самые различные оттенки выражения мысли (в значении *mens, mentis*), и не только символы, но также образы, понятия, мифы и т. п.» [Колесов 1995: 15].

Образно описывая реалии современной России, в том числе – и культурно-речевую ситуацию, В. В. Колесов замечает: «Культура обычно определяется как информационно-мифологизированное поле сознания и подсознания. Сегодня это поле захвачено и перепахивается чуждой культурой другой цивилизации, засеивается сорняками, заболачивается и окисляется с особым усердием... Нынешний мир интеллигенции виртуален: в действительности, в явленности своих проявлений нет ни культуры, ни самой интеллигенции. Культура и идея представлены в идее, идеальны. Сущность без явления, – миф ... Сущности нет – остается одна идея, или ... миф» [Колесов 1999: 214-215, 223].

Известны и другие определения, например: «Миф – обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. ...Мифы ... становятся частью традиции и играют важную роль в легитимации общественного строя в идеократических государствах. Однако миф... и в современном обществе не утратил своего значения как важной формы общественного сознания и представления действительности» [Кара-Мурза 2002: 205].

МЕТАМОРФОЗЫ СЛОВ

Что такое *контроль ситуации*?

Совет на завтра Водолеям:
контролируйте ситуацию!
(гороскоп)

Мифологизация индивидуальных и коллективных представлений о действительности эффективно обеспечивается использованием лексико-фразеологических мифогенов – слов и устойчивых словосочетаний (иногда – и многокомпонентных словесных блоков), семантика которых крайне расплывчата и зачастую приближается к нулю. Не в последнюю очередь поэтому они активно используются в агитпропагандистских вербально-магических играх.

В речевом потоке мифогены обычно не семантизируются, вероятно, по двум основным причинам. Во-первых, в силу имманентной специфики мифогенов это преимущественно заведомо невозможно (если использовать известное сравнение значения слова и его звукобуквенной формы соответственно с ядром ореха и его скорлупой, то мифогены – именно пустая скорлупа, или шелуха). Во-вторых – и, может быть, это главное, – адресант-манипулятор вовсе не заинтересован в том, чтобы смысл его высказываний воспринимался аудиторией четко и адекватно. Известны лишь очень редкие попытки семантизации мифогенов адресантом-мифотворцем, обычно не стремящимся к публичному обнаружению своих интенций.

За счет лавинообразного внедрения мифогенов через каналы СМИ и постоянного их присутствия в ре-

чекоммуникативном потоке, особенно в официальном дискурсе, они становятся почти незаметными для аудитории, воспринимаются ею как семантически полноценные и равноправные фрагменты. Ср.: «Где умный человек прячет камешек?» ... – «На морском берегу» ... – «А где умный человек прячет лист?»... – «В лесу» [Честертон 1980: 77]. При этом используются и приемы, основанные на привлечении объективных лингвистических феноменов, например метонимии. Так, сравнительно недавно лексикография определяла семантику существительного *проект* следующим образом: «*проект* – 1) разработанный план сооружения, постройки, изготовления или реконструкции чего-л.; 2) предварительный, предположительный текст какого-л. документа; 3) план, замысел» [МАС₂ 1983, III: 483]. Однако (и, возможно, не без американо-английского языкового влияния) с помощью игры компонентами семантической структуры многозначного слова была произведена весьма символическая метонимизация, породившая еще один реформаторский мифоген. Сконструирована и навязана аудитории иррациональная ассоциативно-нивелирующая цепочка: *проект* – «замысел, направленный на создание чего-либо» → *проект* – «деятельность, проводимая для осуществления этого замысла» → *проект* – «результат (воплощение) замысла»; в конечном счете *проект* (замысел, умозрительная фикция) стало допустимым приравнять к его материальному результату (нечто вроде: петух прокукарекал, а там хоть не рассветай). Таким образом, оказывается возможным подменить практическое действие, производимое с целью воплощения замысла, а заодно – и реальный результат этого

действия, широковещательными сообщениями о каком-то смутном *проекте*, по сути – замысле, подчас, кажется, не вполне понятном и самим его инициаторам, но призванном заменить в общественном сознании плоды его реализации. Возникающая невинятица заметно усиливается построением словосочетаний с прилагательным *национальный*, которому уже успели привить семантическую диффузность; последняя была умножена частичной аббревиацией, превратившей *национальный проект* в *нацпроект*. О каких-либо реальных социально-экономических достижениях говорить излишне – тем более, что авторы, инициаторы и верховные руководители *проектов* («топ-менеджеры») не несут никакой ответственности за их результаты.

Среди словесных штампов, играющих заметную роль в процессе мифологизации окружающей действительности, к числу наиболее активных в телевизионном дискурсе принадлежат *ситуация под контролем, взять (брать) ситуацию под (чей-л.) контроль, контролировать ситуацию, выйти из-под контроля* и подобные.

Предварительно заметим, что существительное *ситуация* в последние годы, выступая во многих случаях для обозначения трагических, криминальных и т. п. негативно воспринимаемых и оцениваемых явлений (что иллюстрируется и приводимыми ниже цитатами из телепередач), обрело устойчивый шлейф соответствующих созначений. Это уже нашло отражение в лексикографии; например, в [Толковый словарь 2001], где при толковании *ситуация* – «обстановка, положение» приводится «максимально полный набор речений, в пределах которого можно обнару-

жить более тонкие, чем значение слова, смысловые переходы и сдвиги»: «Стрессовая с. Конфликтная с. Ценовая с. Взрывоопасная с. Непрочная экономическая с. в стране. Дестабилизировать социальную ситуацию. Усугубить экологическую ситуацию» [Толковый словарь 2001: 29, 726]. Наиболее концентрированно отрицательно-оценочная окрашенность слова *ситуация*, вероятно, запечатлелась в названии одного из самых востребованных ведомств реформаторского периода – министерства по чрезвычайным ситуациям, постоянно пропагандистски подтверждающего свою высокую эффективность (например, во время тушения лесных пожаров летом 2019 г., да и во многих других случаях – тоже).

В соответствии с семантическими оттенками, возникающими у сочетания *контролировать ситуацию* и подобных ему в зависимости от контекстуального окружения, можно сгруппировать наиболее типичные случаи его употребления. Конечно, такая тематически ориентированная классификация будет иметь довольно условный характер (как и названия рубрик), поскольку в сюжетах теледискурса микротемы почти постоянно переплетаются и пересекаются, но вообще без какой-либо классификации демонстрация эмпирического материала, причем семантически диффузного и зачастую противоречивого, будет менее иллюстративной.

1. «Контроль над собственным организмом».

«Безникотиновый препарат [...] *Контроль над ситуацией*» [реклама, RenTV, май 2002]. «[Новое средство] *контролирует* потоотделение» [реклама, июнь 2002. ОРТ]. «[Новая бритва] *лучше контролирует* процесс бритья» [Реклама. СТС. 29.10.02] и т. п.

2. «Контроль над техническим устройством».

«Если мне удастся *контролировать* [воздушный] шар, я его посажу; если нет – придется прыгать» [пер. с англ. – RenTV. 22.09.02]. «Полет [каждого самолета] *берется под контроль* центром воздушного движения» [Доброе утро. ОРТ. 12.02.03]. «Красноярцы смогут *проконтролировать* строительство, например, узнать [!], что построят в их районах лет этак через пять» [Новости. 7 канал. 30.10.07] и др.

3. «Контроль над территорией».

«Над Грозным водружен российский флаг. Это символ контроля над столицей Чечни» [Новости. RenTV. 24.02.00]. «Когда-нибудь [!] российские войска *возьмут под свой контроль* территорию Чечни...» [RenTV. 14.05.01].

4. «Контроль над группой людей, коллективом».

После скандала на борту украинского судна, находившегося в круизе, «капитан «Тараса Шевченко» сказал, что всё *под контролем*: на 573 пассажира приходится почти 300 членов экипажа» [Время. ОРТ. 08.06.98]. «Начальник управления кадетских корпусов Миронов сейчас на больничном, у него сломана нога, но он приходит на работу и *контролирует ситуацию*» [Новости. ТВК. 19.03.02]. «Новое оборудование [в исправительно-трудовой колонии] позволяет полностью *контролировать ситуацию*» [ИКС. КГТРК. 18.04.01].

5. «Контроль над экономикой, финансами».

«*Ситуацию* [после финансового кризиса] *может взять под контроль*, и то без каких-либо гарантий, только какой-то тяжеловес» [А. Лебедь. Новости. ОРТ. 24.08.98]. «Глава [украинского] Центрального банка, хотя и говорит, что *ситуация под контролем*,

прогнозировать развитие событий не берется» [Вести. РТР. 31.08.98]. «В былые времена [при резком росте курса доллара] виновных бы уволили, а президент *взял бы ситуацию под личный контроль*» [Новости. ТВ-6. 12.01.99]. «Центробанк уверяет, что *ситуация под контролем*» [Новости ТВ-6. 09.07.98]. «Коммерческие банки ... ощущают, что *ситуация взята под контроль* [Центробанком]» [Вести. РТР. 18.09.98]. «Мы контролируем *ситуацию* в области экономики, не допустим экспроприации экспроприаторов» [Б. Грызлов. Вести. РТР. 25.01.00].

6. «Контроль над социальными явлениями».

Жители одного из боливийских городов после разрушительного землетрясения громят уцелевшие магазины, а «властям пока не удалось *взять ситуацию под контроль*» – хотя в город направлены войска [Новости. ОРТ. 30.01.99]. «Чтобы избежать этого [рэкета], надо обращаться в милицию, не дожидаясь, пока ситуация выйдет из-под контроля» [Дежурная часть. РТР. 27.05.99]. «Теперь [!] распространение наркотических веществ среди молодежи [в Красноярске] приобрело характер эпидемии и *вышло из-под контроля*» [Вестник «Союза дела и порядка». Афонтово. 26.06.99]. «Пытаясь *взять ситуацию под контроль*, латвийское правительство решило ограничить проституцию» [Новости. ТВ-6. 01.02.99]. «Спрут снова бросает вызов. Международная наркомафия выходит из-под контроля» [анонс российского телесериала «Дронго». – ОРТ. 24.09.02]. «Сотрудники милиции собирают первый урожай [конопли]. Контроль над садовым участком на этом не заканчивается. Свои проверки милиционеры продолжают» [Новости. Афонтово. 14.09.10] и т. п. «Все громкие

преступления *берутся под личный контроль* президентом нашей страны» [Л. Шебаршин. Парламентский час. РТР. 29.11.98]. По-видимому, имелось в виду, что «берутся под контроль» именно раскрытие и расследование преступлений, хотя фраза оказалась довольно двусмысленной, как и следующая: «Именно УВДТ контролирует нелегальный вывоз металлов с комбината «Норильский никель» [Новости. ТВК. 02.02.99]. Подобные оговорки вовсе не единичны, ср.: назавтра после пожара, полностью уничтожившего здание Самарского областного УВД, в Самарской области (которую, кстати, журналист тут же назвал «губернией») «ничего [т. е. громких преступлений] не произошло. Ситуация остается под контролем... По словам представителя УВД, осложнение криминальной ситуации не наступило» [Вести. РТР. 12.02.99]; о том же событии: «подразделения внутренних дел области оперативно *контролировали обстановку*, несмотря на пожар» [Время. ОРТ. 25.02.99].

Убийство одного из депутатов Государственной думы вызвало чрезвычайную активность милиции и других ведомств; «[по словам премьера], несмотря на события последних дней [т. е. убийство Г. Старовойтовой и бурное публичное обсуждение его возможных причин], *ситуация полностью контролируется*» [Новости. ОРТ. 24.11.98]; это же происшествие послужило импульсом к лихорадочному оживлению борьбы с преступностью, причем глава правительства заявил о необходимости «физически уничтожать тех, кто убивает женщин и детей» – последовал комментарий журналиста: «Это значит, что *ситуация вышла из-под контроля* и ее нужно переломить» [Вести. РТР. 28.11.98] (почему-то ни политики, ни журналисты, чрезмерно

увлеченные мыслью об отмщении за смерть горячей любимой соратницы, не вспоминали ни о необходимости законного расследования преступления, ни о правосудии и прочих конституционно-декоративных атрибутах демократического правового государства).

7. «Контроль над внешней и внутренней политикой».

«По словам министра [внутренних дел], ситуация на Северном Кавказе *взята под контроль*. Однако [!] ни один из субъектов региона не застрахован от возникновения очага напряженности, нарушения стабильности» [Время. ОРТ. 04.07.98]. «Если в России *ситуация выйдет из-под контроля*, то в Китае это обязательно аукнется» [Новости. ОРТ. 25.02.99]. «*Ситуация [в Югославии] выходит из-под контроля дипломатов*» [Вести. РТР. 06.10.98]. «Главная задача похищения [генерала Шпигуна] – подорвать авторитет президента Масхадова, продемонстрировать, что он *не может контролировать ситуацию*» [Н. Сванидзе. Зеркало. РТР. 14.03.99]. «В Кремле не верят в способность Масхадова *контролировать ситуацию*» [Новости. RenTV. 09.03.99]. «Президент [России] *держит под постоянным контролем* ситуацию вокруг Ирака» [Доброе утро. ОРТ. 19.11.98] – через несколько дней начались американо-английские бомбардировки Ирака. Небезынтересно сопоставить разные точки зрения: «Очевидно, Ельцин сегодня уже никак *не контролирует ситуацию*» [Что случилось. RenTV-7 канал. 27.03.99] – и: «Ельцин *держит под контролем* доставку всех гуманитарных грузов в Югославию» [Новости. RenTV – 7 канал. 15.04.99]. «Замена Примакова на Степашина показала, что именно Ельцин *контролирует ситуацию* в стране» [Обозреватель. ТВ-6. 16.05.99]. Ср., впрочем, слегка

ироническое вступление С. Доренко: «Неделя была ирреальной.., [но показала], что президент есть и что он *контролирует ситуацию*», после чего приводится фрагмент интервью О. Сысуева: «Он – активно действующий президент, который *держит под контролем* все процессы» [Время. ОРТ. 24.01.99]; а также «сказку», рассказанную одним из ведущих программы «Человек и закон»: «Правил один человек... Он в силу здоровья часто просто не мог *контролировать ситуацию* [далее – пояснение, что имелся в виду Л. И. Брежнев. – ОРТ. 10.02.99]. «Игорь Иванов успокаивал депутатов. Он сказал, что его министерство [иностраных дел] *держит* внешнеполитическую *ситуацию под контролем*» [Сегодня. НТВ. 13.03.02]. «Надеюсь, что временное правительство Киргизии, которое сейчас *контролирует ситуацию*, возьмет власть в свои руки» [Д. Медведев. Новости. Звезда. 16.04.10] и мн. др.

8. «Контроль над здравоохранением».

«В Омске каждые сутки – 6 тысяч заразившихся. Впервые эпидемия [гриппа] объявлена так рано, чтобы *удержать ситуацию под контролем*» [Новости Сибири. Прима-ТВ. 23.01.03]. «Новый закон ... даст право страховым компаниям *контролировать* качество лечения, за которое они [?!] платят» [Утро России. РТР. 20.08.10]. «Весь полет состояние девушки [травмированной спортсменки] контролировали врачи» [Вести. РТР. 14.09.10] и проч.

9. «Контроль над стихией».

«*Ситуация* на Янцзы всё более *выходит из-под контроля*, хотя борьба со стихией не прекращается» [Новости. ОРТ. 08.08.98]. «Сотрудники МЧС считают, что им удастся *удержать ситуацию под контролем*

[о паводке в Новосибирской области]». – Время. ОРТ. 20.04.99]. «*Всё там под контролем, МЧС ситуацию полностью контролирует*» [вице-премьер М. Касьянов – о том, что более пятисот рыбаков на Ладожском озере унесло ветром на льдине, причем есть человеческие жертвы. – Новости. ОРТ. 28.02.00]. «[Жительница поселка в ожидании паводка] каждый день ходит смотреть на дамбу, а потом сообщает большим начальникам, обещает *держат всё под контролем*» [Новости. ТВК. 25.04.02]. «Единственное, что беспокоит [«мэра» Красноярска] Пимашкова, – это прогнозы синоптиков на сильные морозы. Обещал лично контролировать» [Новости. ТВК. 28.01.04] (здесь, правда, не совсем ясно, кто или что станет объектом личного мэрского *контроля* – синоптики или морозы). «Паводковая *ситуация* на Енисее *под контролем*. Вследствие ровной холодной погоды заторы на Чулыме с а м о л и к в и д и р о в а л и с ь ...» [Новости. ПримаТВ. 23.04.04] (ср. «*Угрожающая ситуация* на реке Чулым из-за ледниковых заторов» [Обозрение 7. 7 канал. 23.04.04]). «Снегопад *вышел из-под контроля*. В Красноярске снег идет уже неделю. Завалены улицы...» [Новости ТВК. 28.11.09]. «Пожарные уверяют, что торфяные пожары удалось *взять под контроль*» [Новости дня. Звезда. 09.08.10]. «*Ситуацию* с пожарами удалось переломить» [Р-1. 19.08.10]. «Путин поручил губернатору Магаданской области лично *контролировать ситуацию* с паводками» [24. RenTV. 25.08.10] и т. п.

Заметим, что о безнадежности контроля над стихией сообщается довольно редко, например: «Вулкан требует бдительности, ведь мы *не контролируем ситуацию*» [Звезда. 29.08.10].

10. «Всеобъемлющий контроль».

В России, как сказал вице-премьер Ю. Маслюков, «в с ё должно быть под контролем» [Вести. РТР. 04.03.99]. «Ситуация в стране может стать неподконтрольной» [Вести. РТР. 15.07.98]. «Разговоры о том, что в республике [Чечня] всё под контролем, больше не впечатляют» [Время. ОРТ. 14.12.98]. «Чтобы держать всё под контролем, губернатор даже назначил своего представителя (в Таймырский округ)» [ИКС. 04.09.00]. «Совет на завтра Водолеям: контролируйте ситуацию» [Гороскоп. КГТРК. 27.02.99]. «ОВНЬ: ... в с ё под контролем – вот ваш девиз!» [Гороскоп. РТР. 10.11.09].

К вышеперечисленному можно также добавить, что некий «контроль» способны осуществлять не только люди – по крайней мере, некоторые («известный российский путешественник Федор Конюхов подал кодированный сигнал, означающий, что он жив и контролирует ситуацию» [Вести. РТР. 06.11.02]), но и другие представители земной фауны: «У азиатской землеройки один из самых странных способов *держат* детенышей *под контролем*» [Живая природа. ОРТ. 20.10.02].

Как уже было сказано, изредка в теледискурсе проskalъзывают единичные попытки семантизировать словосочетания *контролировать ситуацию* – обычно на уровне авторефлексии, при уточнении смысла высказывания: «Ситуация контролируется... То есть анализируются, сопоставляются данные, информация» [командующий группой федеральных войск в Чечне. – Время. ОРТ. 09.01.95]. В других же случаях (вследствие желания адресанта уточнить смысл своего высказывания либо многословием замаскировать оценку положения и собственную роль в его возникно-

вении) смысл высказывания размывается. Ср. декларацию директора одного из лесхозов в Хабаровском крае, охваченного лесными пожарами; после сообщения о том, что очаги пожара пока не могут локализовать (т. е. ограничить определенным местом, не допустить их дальнейшего распространения), говорится: «*Ситуация* практически [т. е. по существу] *контролируется*, но она очень тяжелая. ...Речь идет уже [!] не о борьбе с лесными пожарами (в крае), а о *контроле за ситуацией*» [Новости. ОРТ. 15.08.98].

Однако самыми примечательными, на наш взгляд, являются те эпизоды теледискурса, в которых о *контроле ситуации* и т. п. оптимистически сообщается *post factum*, т. е. *ситуацию берут под контроль* после того, как что-то произошло – и это делают обычно те, кто в силу своего должностного статуса и функциональных обязанностей должны были не допустить возникновения *ситуации*. Такие микросюжеты довольно часты и интересны, конечно, не только в лингвистическом отношении, но и с точки зрения обыденной логики.

Например, «московские власти после провала (части мостовой на Большой Дмитровке) заявляют, что *ситуация под контролем*. К месту провала съехались всевозможные комиссии» [П. Гутник. 6 новостей недели. ТВ-6. 03.08.98]. После того как в одном из спортивных залов г. Котласа во время соревнований обрушился балкон, что повлекло за собой человеческие жертвы, «группы спасателей работали слаженно. *Ситуация находится под контролем*» [Вести. РТР. 20.12.97]; ср.: «заместитель главы администрации района заявил, что он *держит ситуацию под контролем*» [по поводу того, что несколько

детей получили ожоги от золы, тлеющей на т. н. самовольной свалке одного из красноярских заводов; здесь же было сказано, что ранее руководству завода уже делались предупреждения. – Новости. Афонтово. 12.05.98]. После информации о взрывах в четырех административных зданиях в Ташкенте, в результате чего пятнадцать человек погибли и около ста пятидесяти были ранены, сообщается, что «с е й ч а с *положение* в городе полностью *контролируется*. В обычном режиме работают учреждения, предприятия» [Вести. РТР. 17.02.99]. Ср. информацию о попытках тушения пожара на грозненском нефтеперерабатывающем заводе: «П о ж а р н ы е н и ч е г о н е м о г у т с д е л а т ь : у н и х н е т н и с и л , н и с р е д с т в . Е с л и о г о н ь п е р е к и н е т с я н а с о с е д н и е з д а н и я , *ситуация* о к о н ч а т е л ь н о [!] *выйдет из-под контроля*» [Вести. РТР. 09.01.99] и близкий последнему пример: «Будет установлено табло, глядя на которое, жители сами смогут *контролировать* радиационную *обстановку* в районе (подъема атомной подлодки «Курск»)» [Вести. РТР. 21.08.01]. «*Ситуация* у н а с с е й ч а с *под контролем* [замначальника погранотряда – по поводу ареста пограничника, застрелившего четверых сослуживцев. – Время. ОРТ. 10.04.02]. После скандала на борту украинского судна, находившегося в круизе, «капитан «Тараса Шевченко» сказал, что *всё под контролем*: на 573 пассажира приходится почти 300 членов экипажа» [Время. ОРТ. 08.06.98]. В первые дни финансового кризиса 1998 г. мэр столицы заявляет: «Призываю к спокойствию, мы *контролируем ситуацию*... С а м о е г л а в н о е с е й ч а с – п о н и м а н и е с л о ж н о с т и *ситуации*» [Ю. Лужков. Новости. НТВ. 28.08.98]. Ср. тематически

связанное с этим: «С прилавков Красноярска стали исчезать продукты. Городские власти заявили, что *ситуация находится под контролем*» [Новости. ТВК. 08.09.98]. См. также свежие примеры явно запоздалого контроля: «На полигоне в Башкирии н о в ы е взрывы... Ситуация на полигоне в Башкирии под контролем» [Утро России. РТР.31.05.11]. «Геннадий Онищенко проконтролирует ситуацию с детьми, заболевшими менингитом [в Ростове-на-Дону]» [Вести-утро. РТР.10.06.13].

Иногда видеоряд вступает в полное противоречие с вербальным текстом сообщения; так, для фразы журналиста, ссылающегося на официальный источник: «Президент России полностью *контролирует ситуацию* на таджикско-афганской границе» – визуальным фоном являются кадры видеохроники, запечатлевшие разрушенную накануне заставу; кроме того, здесь же говорится о захвате боевиками на этом участке границы двух заложников [Останкино. 15.07.93].

Можно сказать, что *контроль ситуации* властями предержажими и их подчиненными *п о с л е* случившихся чрезвычайных происшествий приобрел некий ритуально-символический характер.

Причем зачастую, говоря о запоздалом введении *контроля ситуации*, речедеятель тут же – в виде своеобразного модного «бонуса» – прямо или косвенно дает аудитории понять, что этот *контроль* весьма непрочен. Ср.: а) «контроль над финансами» после кризиса: «*Ситуацию может взять под контроль, и то без каких-либо гарантий, только какой-то тяжеловес*» [А. Лебедь. Новости. ОРТ. 24.08.98]. «Глава [украинского] Центрального банка, хотя и говорит, что *ситуация под контролем*, п р о г н о з и р о в а т ь развитие событий не

берется» [Вести. РТР. 31.08.98]; б) «контроль над политикой»: «По словам министра [внутренних дел], ситуация на Северном Кавказе *взята под контроль*. Однако ни один из субъектов региона не застрахован от возникновения очага напряженности, нарушения стабильности» [Время. ОРТ. 04.07.98]; ср. на первый взгляд неожиданный, но в действительности совершенно предсказуемый результат *контроля*: «Президент [России] *держит под постоянным контролем ситуацию* вокруг Ирака» [Доброе утро. ОРТ. 19.11.98] – через несколько дней начались американо-английские бомбардировки Ирака. Что же касается высказываний по поводу *контроля* над стихией, природными явлениями и т. п., то они производят просто комичное впечатление. В самом деле, каким образом власти и подчиненные им ведомства могут *контролировать* паводки, наводнения, морозы, снегопады и т. д.? Разве что либо предоставив *ситуации* развиваться естественным путем («паводковая *ситуация* на Енисее *под контролем*. Вследствие ровной холодной погоды *заторы* на Чулыме *самоликвидировались*» [Прима ТВ. 23.04.04]), либо, как, очевидно, и положено в светском государстве, призвав на помощь небесные силы («на 2 августа, день святого Ильи-громовержца, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назначил общероссийское моление о дожде» [Польгуева 2010: 1] – чтобы справиться наконец с пожарами, охватившими летом 2010 г. центральноевропейские области России. По-видимому, такие тематические радения становятся традиционными: «Сегодня в храмах Красноярской епархии приступили к молебнам о даровании дождей» [Новости. Прима ТВ. 02.08.12]).

При всём изобилии в дискурсе российских СМИ словосочетания вроде *контролировать ситуацию* и его лексико-фразеологических вариантов так и остается непонятным, какие именно действия производят персонажи, у которых *ситуация под контролем*. В некоторых случаях на это обращают внимание и самые высокие государственные руководители. Например, В. В. Путин «в ходе рабочей поездки в Коломну ... провел совещание с членами правительства Московской области и Москвы по *ситуации с пожарами*. На совещании глава Рослесхоза Алексей Савинов пробовал бодро доложить главе правительства, что *ситуация с пожарами находится под контролем*. «Проблема в том, что такой *контроль* никого не устраивает. Москва задыхается... Конечно, могло быть хуже», – буркнул премьер» [Бобров 2010: 2].

Таким образом, семантика сочетаний контролировать ситуацию, держать ситуацию под контролем и подобных, обычно содержащих слово контроль и однокоренные ему, а зачастую также и существительное ситуация, оказывается довольно нечеткой. Более того: во многих случаях она вступает в противоречие с фактическим содержанием излагаемого сообщения. При явном подразумевании управления ходом событий, предвидения происшествий, намерения предотвращать их и не допускать их последствий, или, по крайней мере, уменьшать их тяжесть – контексты сообщений, однако, противоречат этим интенциям говорящих, опровергая их.

Приведем лексикографические данные о наиболее типичных случаях сочетаемости существительного *контроль* в относительно еще недавнее время:

контроль – «проверка, а также наблюдение с целью проверки». «Строгий, сильный, слабый, особый, ослабленный (*книжн.*), постоянный, усиленный, рабочий, партийный, народный... *контроль*. *Контроль* к о г о - ч е г о : (о том, кто или что осуществляет *контроль*) ~ рабочих, родителей, старших, партии, государства...; *контроль* ч е г о : (о том, над чем осуществляется *контроль*) ~ работы, продукции, качества... *Контроль* з а ч е м ~ за качеством, за выполнением чего-л., за работой, за посещением чего-л. (занятий...), за производством, за потреблением... *Контроль* н а д ч е м : ~ над производством, над потреблением... *Контроль* со стороны к о г о - ч е г о : ~ со стороны родителей, со стороны старших, со стороны директора, со стороны учителя, со стороны партийного комитета (*сокр.* парткома), со стороны администрации... Осуществление, задача – *контроля*. Организовать, наладить, осуществлять, ослабить... *контроль*. *Из-под контроля* (выйти ~ ...). *Под контроль* (взять что-л. ~ ...). Под контролем (держать что-л. ~, находиться ~, работать ~,). «Контроль за качеством продукции на предприятии осуществляет специальный отдел». «Дети должны находиться под постоянным контролем взрослых» [Словарь сочетаемости 1983: 235].

Как видим, контроль в советский период был весьма многосторонним и разноаспектным. Существовала также специальная государственная организация – «*Народный контроль* – в СССР система органов, сочетающих гос. контроль с обществ. контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и орг-циях. Органы Н. к. контролируют выполнение гос. планов и заданий; ведут борьбу с нарушениями

гос. дисциплины, проявлениями местничества, ведомств. подхода к делу, с бесхозяйственностью и бюрократизмом; способствуют совершенствованию работы гос. аппарата» [Советский энциклопедический словарь 1983: 860].

Однако до перестройки и реформ, несмотря на, казалось бы, всеохватывающий *контроль*, т. е. «проверку», «наблюдение с целью проверки», лексикография не отмечает сочетания *ситуация под контролем* – в том числе и как устойчивого. Хотя известны хронологически совпадающие *взять под контроль, выйти из-под контроля*, но примеры показывают, что речь тогда не шла о *контроле ситуации* в сегодняшнем понимании этой почти магической формулы.

Этимологически слово контроль в русском языке М. Фасмер возводит «через нем. Kontrolle (XVIII в.) или непосредственно из франц. *contrôle* от * *contrerôle* – к *rôle* «список» [Фасмер, 1967, II: 314]. По мнению П. Я. Черных, в русском языке слова этой группы вошли в употребление в разное время в течение XVIII в.; раньше других, по-видимому, появилось слово контролёр или, как его тогда писали, контролор: «контролор повинен смотрет(ь) правду в цене» (Указ Петра I от 13.12.1720 г.); остальные вошли в употребление несколько позже «из французского или голландского. Ср. франц. *controle* – из *contre-rolle* – «книга приходов и расходов, реестр, ведомость и пр., которые ведутся двумя лицами», в этом знач. с XIV в. [Черных 1993, I: 424].

В [Сл. Даля] *контроль* – «учет, поверка счетов, отчетности; присутственное место, занимающееся поверкою отчетов»; *контролировать* что, кого – «поверять, проверять»; «контролироваться – «быть

поверяему). [СУ] предлагает дефиниции: *контроль* (фр. *controle*) – 1) «наблюдение, надсмотр над чем-н. с целью проверки»; 2) «учреждение, контролирующее чью-н. деятельность»; 3) *собир.* «лица, занимающиеся контролем, контролеры»; *контролировать* – «проверять, наблюдать за правильностью чьих-н. действий или прав держать контроль над кем-н.»

В [СИС 1979: 256] *контроль* (фр. *controle*) – 1) «проверка, а также наблюдение с целью проверки»; 2) «те, кто занимается такой проверкой, контролеры»; здесь *контролировать* – «производить контроль, проверять».

Согласно [МАС₂], *контроль* – 1) «наблюдение с целью проверки; проверка»: «Контроль за качеством работы». «Контроль над производством». «Взять под контроль»; 2) «учреждение, проверяющее чью-либо деятельность» 3) «контролеры», а *контролировать* – «подвергать контролю» (в знач. 1); проверять. «Контролировать чью-л. работу».

В [Сл. Ожегова] *контроль* – 1) «проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора»; 2) «лица, занимающиеся этим делом, контролеры»; *контролировать* – «осуществлять контроль или надзор».

В английском же языке семантическая структура многозначного слова *control* является разветвленной и, что представляется особенно важным, иерархия значений выстраивается лексикографами совершенно определенным образом. Существительное *a control* семантизируется как: 1) «управление, руководство»; 2) «власть»; 3) «надзор, контроль, проверка; дисциплина, сдерживающее влияние»; *to be in control, have control* – «управлять, контролировать»; *to be beyond* (или *out of control*), – «выйти

из-под влияния , из подчинения»... ; 4) «регулировка» ... Глагол *to control* объясняется как 1) «управлять, распоряжаться»; 2) «контролировать, регулировать, проверять; обуславливать, нормировать (потребление); 3) «сдерживать (чувства, слезы)» [АРС]. Подобные толкования, аналогично характеризующие структуру значения английского *control*, содержатся и в других словарях: (a) *control* – 1. 1) «управление, руководство»; 2) «контроль, проверка, надзор, сдержанность, самообладание»; 2. 1) «регулировка, управление»; 2) ~ of epidemics – «борьба с эпидемическими заболеваниями»; 3. 1) *радио* – «регулировка, модуляция»; 4. *спец.* «рычаг управления; рычаги, ручки настройки»... 6. «пробный удар» (*фехтование*)..., ~ wheel ав. «штурвал» ~ lever ав. «рычаг управления»; (to) *control* – 1. «управлять, руководить»; 2. «контролировать; проверять»; 3. 1) «регулировать, контролировать»; 2) радио «настраивать»; 4. «сдерживать»; 5. «делать пробный удар» (*фехтование*) [БАРС]. Ср.: *control* – 1) «power or authority to direct, order or restrain»; *be in control (of)* – «be in command, in charge»; *be/get out control* – «in a state where authority, etc. is lost»; *have/get/keep control (over/of)* – «have, get, keep authority, power, etc»; *lose control (of)* – «be unable to manage or contain»; *take control (of)* – «take authority. «We must find someone to take control of the situation» [!]; 2) «management, guidance»; 3) «means of regulating, restraining, keeping in order»; 4) «standard of comparison for results of an experiment»; 5) (usually pl) «means by which a machine etc. is operated or regulated»; vt – *to control* – 1) «have control of: to control expenditure/ one's temper»; 2) «regulate» (prices, etc.) [Hornby: 128].

Таким образом, если в русском языке издавна привычными для его носителей являются существительное *контроль* (заимствованное, вероятно, из французского) со значением «проверка, наблюдение с целью проверки» и производный от него глагол *контролировать* – «подвергать контролю, проверять», то в английском языке *a control* – прежде всего «управление, руководство»; «власть» и под. По-видимому, приведенные нами примеры употребления сочетаний *контролировать ситуацию, взять ситуацию под контроль* и т. п. являются неполными (частичными) кальками английских выражений вроде *to take control of the situation*, подразумевающих именно власть над происходящим, способность полностью и безраздельно управлять событиями, направляя их по своему усмотрению.

Одной из причин внутренней противоречивости, смысловой невнятицы, бессодержательности сегодняшних высказываний, включающих сочетания *контролировать ситуацию, взять ситуацию под контроль, ситуация под контролем* и подобные, очевидно, является неразличение давнего и хорошо освоенного заимствования, с одной стороны, и современной неполной кальки, с другой. Такие устойчивые сочетания можно рассматривать и как один из многих штампов, вошедших в активное употребление не в последнюю очередь под влиянием синхронных переводов с английского. При использовании подобных выражений говорящий пытается имитировать слышанные им иноязычные образцы, вряд ли заботясь о смысловой точности высказывания, которое оказывается поэтому семантически неполноценным и коммуникативно малопригодным, зато, вероятно, манипулятивно эффективным.

Болевые точки российского дискурса: современное половодье чувств

Овощи в шоке!
(телереклама замороженных продуктов)

Известно, что словарный состав является системой, но весьма своеобразной, по сравнению с другими уровнями языка, прежде всего в силу незамкнутого множества входящих в него единиц (например, [Трубачёв 2004: 154]). Однако последнее обстоятельство вовсе не исключает наличия многообразных парадигматических отношений между ними, позволяющих вычленять и объединять на тех или иных основаниях группы слов – лексико-семантические, тематические и проч., среди которых можно было бы выделить такие, которые выступают с вариативной частотностью, будучи востребуемыми в разной степени. По-видимому, к числу заметно употребительных принадлежат слова и устойчивые словосочетания, манифестирующие довольно широкий диапазон эмоций, – и, следовательно, вероятно, что таких лексем и фразем должно быть, по крайней мере, немало.

Лексика выражения эмоций представляет собой весьма интересный объект для изучения во многих отношениях – прежде всего как вербальных проявлений психического мира человека. Эти вербализации традиционно функционируют как более или менее стандартизированные экспликации чувств, ощущений, переживаний, то есть определённым образом адекватные столь же стереотипизированным ситуациям. Хотя, конечно, надо иметь в виду и не столь уж редкую амбивалентность оценок, сопровождаю-

щих высказывание (или, точнее, может быть, включаемых в него на правах коннотативного элемента). Так, М. М. Бахтин, категорически отрицая принадлежность экспрессивного момента речи языку как системе, писал, в частности: «Слово... только языковое средство для возможного выражения эмоционального отношения к действительности, но... действительную оценку может осуществить только говорящий в своем конкретном высказывании. ...И предложение как единица языка нейтрально и не имеет само по себе экспрессивной стороны; оно получает её... только в конкретном высказывании... Такое предложение, как «Он умер», по-видимому, включает в себя определенную экспрессию... В зависимости от контекста высказывания предложение «Он умер» может выражать и положительную, радостную, даже ликующую экспрессию» [Бахтин 1986а: 278-279]. Несмотря на некоторую парадоксальность последнего постулата, он вполне может быть подтверждён примерами из современного российского телевизионного дискурса: «Смерть Сталина пришла в очень нужное время для евреев России, а также, наверное, всего советского народа» [РТР. 12.02.99]. – «Умер Сталин – в с е м с р а з у с т а л о в е с е л о !» [«Роман с Карцевым. Грустный клоун. РТР. 16.07.09]. – «Сначала плакали: «На кого [Сталин] нас покинул?!». Потом поняли: н а м л и ч н о о н н е о ч е н ь н у ж е н – в с е с т а л и с м е я т ь с я» [М. Жванецкий. РТР.28.03.10] и т.п. Ср.: «У Бовина в мемуарах... все приличествующие моменту случаи: и убийство Мейерхольда, и суд, и расстрел Еврейского антифашистского комитета; даже говорит о существовании будто бы плана «уничтожить или заключить в огромное гетто

всю еврейскую общину Союза». А абзацем ниже этот опытный журналист пишет: «К с ч а с т ь ю , умер Сталин...» [Есин 2002: 442].

Таким образом, «в разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но он есть повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1986а: 278]. При этом, конечно, большое значение имеет учет контекста, включающего рассматриваемое слово или устойчивое словосочетание; ведь «слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин 1984: 171]. Это, в свою очередь, позволяет заметить важные семантические сдвиги, которые могут сигнализировать о переменах в общественном мироощущении и хотя бы приблизительно диагностировать его динамику.

Наблюдения за частотностью массового использования тех или иных слов и устойчивых словосочетаний являются весьма значимыми в социолингвистическом аспекте. Предпочтения конкретных лексико-фразеологических единиц – это наглядные воплощения избирательного отношения речекоммуникантов к ресурсам, предоставляемым языком. Изменения в употребительности определенных слов во многих случаях могут свидетельствовать о трансформациях сознания социума. Несомненна роль в этих процессах так называемых средств массовой информации (особенно – телевидения), тиражирующих приоритетные лексемы в речевых актах, адресованных широкой аудитории. Собственно, здесь можно увидеть некое диалектическое двуединство: факты телевизионного дискурса способны служить примерами актов повседневной устной словесности, обычных для данного языкового коллектива (прежде всего,

когда исследователь наблюдает более или менее спонтанные высказывания телеперсонажей, особенно интервьюируемых в выпусках новостей и т. п.), но они же иллюстрируют и сложные процессы формирования узуса. Так, в ряде стандартизованных ситуаций используются соответствующие клишированные обозначения реакций на них.

Весьма показательной в этом отношении представляется актуализация слов гнезда корня *шок*- примерно в течение последнего двадцатилетия.

Впрочем, для более широкого представления их этимологии и истории, а также сложившейся стереотипизации ситуаций использования в период начала реформ предварительно приведем некоторые лексикографические данные.

М. Фасмер выводит *шокировать* из нововерхне-немецкого *schokieren* или французского *choquer* от средненидерландского *schokken* «толкать, сталкивать» [Фасмер 1973, IV: 465]; существительное *шок* здесь не указано.

По мнению П. Я. Черных, глагол *шокировать* – «ставить кого-л. (в компании, в обществе других людей) своим присутствием, поведением или высказываниями в неудобное, неловкое или даже оскорбительное положение» в русском языке известен с середины XIX в. – со ссылкой на письма А. И. Герцена. «Например, в письме к М. А. Маркович от 27 (15) – XII – 1860 г.: «вы – как женщина – должны сказать, если что вас *шокирует*» [Черных 1993, II: 420]. Здесь указывается и первая фиксация в русской лексикографии – в Полном словаре иностранных слов 1861 г.

К источникам заимствования П. Я. Черных относит немецкое *schockieren*, восходящее к французскому

choquer – «толкать», «ушибать», потом «шокировать», в свою очередь, тоже заимствованное из голландского schokken – «тыкать», «трясти» [Черных 1993, II: 420].

Что же касается существительного *шок* – «состояние оцепенения, тяжелого расстройства функций организма вследствие психического потрясения или физической травмы», то оно – «позднее заимствование из западноевропейских языков, где источником распространения можно считать англ. to shock – «потрясать», «поражать», shock – «толчок», «удар» или голл. schokken – «толкать», «потрясать»; из англ. или голл.-франц. choquer ... и choc – «толчок», «удар», «рывок», позже «шок». Из французского – в других языках» [Черных 1993, II: 419].

По данным П. Я. Черных, существительное *шок* приходит в русский язык позже, чем глагол *шокировать*, а именно – в конце XIX века: «Ср. у Л. Н. Толстого в романе «Воскресение», 1899 г., ч. II, гл. 26: «первый *шок*», «если бы не тот нравственный *шок*» [Черных 1993, II: 419].

На рубеже XIX-XX веков в русском языке появляется еще одно слово того же корня; его называют среди ряда заимствованных лексем (с английским же формантом -инг-) *шокинг*: «Англичанка объявила, что это *шокинг* – девице ездить одной» [Эртель. Гарденины]... В 70-е – 80-е годы употребляется в английском написании: «кричать *shoking* [так! – А. В.], когда заговорят о панталонах» [Слово, 1878, 33, с. 55]» [Лексика 1981: 208].

Советские словари иностранных слов подают *шок* и *шокировать*, например, следующим образом: «*шок* [фр. choc – толчок, удар] – состояние резкой слабости и общего угнетения организма, обусловленное наруше-

нием деятельности центральной нервной, сердечно-сосудистой и других жизненно важных систем организма, вызываемое травмирующими внешними воздействиями (ранением, ушибом и т. д., психическими потрясениями)»; «шокировать [фр. *choquer*] – приводить в смущение своим поведением, несоблюдением общепринятых форм приличия» [Словарь 1954: 784]. В этом же словаре в разделе «Иностранные слова и выражения, употребляемые в литературе» дано «shocking англ. [шокинг] – неприлично, скандально» [Словарь 1954: 851].

Несколько иначе – но при той же этимологии – толкование семантики этих слов представлено в более позднем словаре того же жанра: «шок [фр. *choc* букв. удар, толчок] – своеобразная реакция организма на воздействие чрезвычайных раздражителей (при травме, ожоге, инфаркте миокарда, почечной колике, введении чужеродного белка, несовместимой крови, психической травме и др.), выражающаяся тяжелыми расстройствами кровообращения, дыхания, обмена веществ, обусловленными резким нарушением нервной регуляции жизненных процессов»; «шокировать [фр. *choquer*] – вызывать чувство неловкости, приводить кого-л. в смущение поведением, нарушением общепринятых норм поведения» [Словарь 1979: 578]. Здесь – также в особом разделе «Иностранные слова и выражения, встречающиеся в литературе в латинском написании» – приводится «shocking англ. [шокинг] – неприлично, скандально» [Словарь 1979: 619].

Толковый словарь, вышедший в свет почти одновременно с вышецитированным, предлагает для семантизации существительного *шок* (выводимого здесь так же – из франц. *choc*) гораздо менее про-

странную формулировку с пометой, указывающей на специальную сферу его употребления: «шок – мед. «угрожающее жизни человека состояние, возникающее в связи с реакцией организма на травму, ожог, операцию и т. д. *Травматический шок*» [МАС₂ 1984, IV: 725]. Толкование однокоренного глагола представлено здесь почти так же, как и в уже известных словарях: «*шокировать* – ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия» [МАС₂ 1984, IV: 725].

Лексикографическое издание, описывающее динамику лексических процессов конца XX века, указывает на актуализацию существительного *шок* (здесь возводимого уже к англ. *shock* – видимо, исключительно вследствие резко возросшего тогда американо-английского влияния), определяя его новое значение как переносное и сопровождая его иллюстрациями употребления в периодике начала 1990-х годов: «внезапное потрясение, нарушающее нормальное состояние, правильный ход чего-л., приводящее в смятение людей». «Представьте, атомные станции без обслуживающего персонала. Социальный *шок*, дезорганизация общества, волны насилия, массовые пожары, взрывы предприятий... И всё это без всяких государственных границ». КО, 26.04.91. «Введение военного положения явилось необходимым инструментом для охлаждения пыла противоборствующих сторон... События развивались лавинообразно, и обществу требовался *шок*». Огонек, 1991, № 34. «Наши сограждане – и в этом нет ничего удивительного – до сих пор не могут прийти в себя от *шока*, почти в одночасье вывалившись из колыбельки развитого социализма в омут незрелого капитализма, – цены скачут, деньги

обесцениваются, зарплата вовремя не выплачивается, работы завтра вообще может не быть». ЛиФ, 1994, № 21 (в этой же словарной статье приводятся устойчивые словосочетания *дефляционный шок* и *инфляционный шок*) [Толковый словарь 2001: 858].

Еще больший интерес в социолингвистическом аспекте представляют статьи того же словаря, посвященные также актуализированному ряду слов с корнем *шок-*: «*шоковый* – прил. к *шок*. «Почему неприемлем (так заявляет правительство) «*шоковый* вариант», то есть быстрый, бескомпромиссный путь к рынку?» ЛиФ, 26.05.90 – 01.06.90. «На рынке может возникнуть *шоковая* ситуация, резкое снижение покупательской способности населения». Ъ, 14.01.91». – «*шокотерапия* = шоковая терапия. «На повышение можно идти только в том случае, если обеспечишь полные прилавки. Скажем, как это было в Польше у Мазовецкого, когда была знаменитая *шокотерапия*». ЧП, 30.09.91 [ТС-2001: 858]. Ср. статью, описывающую упомянутый выше фразеологизм: «*шоковая терапия* – публ. (система чрезвычайных мер и мероприятий: либерализация цен, денационализация предприятий и т. п., имеющих целью оздоровление экономики и связанных с непосредственным резким падением уровня жизни и производства). «Перемены в стране, которые происходили после крушения КПСС и СССР, одни авторы называли «*шоковой терапией*», другие – структурной трансформацией общества, третьи с пафосом говорят о победе капиталистической революции в России». Медведев Р. Новый класс российского общества. «28 процентов петербуржцев уверены, что свободные цены поднимут экономику, а другие 22 процента отнеслись к «*шоковой*

терапии» без отрицательных эмоций». КП, 22.01.92. «Падение жизненного уровня значительной части людей, остановки производств и прочие тяжелые проблемы... [связаны] с попытками вылечить хронический, застарелый тоталитаризм с помощью *шоковой терапии*». Изв., 09.01.94 [ТС 2001: 778-779].

Таким образом, и *шок*, и *шокировать* относительно поздно появились в русском языке, но если второе из них сразу вошло в лексику морально-этической сферы, то первое, изначально бытуя в качестве медицинского термина, лишь впоследствии, однако исторически почти мгновенно, метафоризовалось и распространилось чрезвычайно широко. Об этом свидетельствуют, в частности, тексты так называемых средств массовой информации, в первую очередь – телевидения.

Телепередачи, в дискурсе которых активно используются слово *шок* и производные от него, в жанрово-тематическом отношении довольно предсказуемы: это прежде всего выпуски федеральных и региональных новостей, в том числе – и узконаправленных содержательно, то есть программы, специально посвященные криминальным событиям, чрезвычайным происшествиям и т. п. Впрочем, не являются уже исключениями и многочисленные сериалы, и ток-шоу на различные сюжеты – семейно-бытовые, медицинские, модные и проч. Поэтому обратим внимание на возможности классификации имеющегося в нашем распоряжении фактического материала с других позиций.

Начнем с некоторых особенностей сочетаемости. Оказывается, что можно *быть в шоке* или *быть шокированным* (ср.: «После этого [известия о том, что супруга истца – лесбиянка] все гости *были в шоке*» [Дела семейные. Домашний. 30.12.08]. – «Бытового мусора

предстоит вывезти гораздо больше, чем в прошлом году. Свалок стало больше. Городские власти просто *шокированы*» [Новости. 7 к. 06.04.09]); *испытать шок* – и *находиться в шоке* («Вся [?!] немецкая нация [узнав о преступлениях нацистов] *испытала шок*, в котором *находится* до сих пор [?!]» [24. RenTV. 28.08.09]); *кого-либо можно повергнуть в шок* («Кровавая бойня, которую устроил сержант милиции в харьковской подzemке, *повергла* оперативников *в шок*» [Частные истории. 03.01.09]. – «Сочетание Алтай Дмитриевич [в качестве имени, данного ребенку] родственников сначала *повергло в шок*» [Новости. Прима ТВ. 16.01.09]); можно *приходить в шок* («Просто молодые люди *в шок приходят*, когда видят женщин, занятых типично мужской работой» [ТВК. 04.03.09]) и др.

Состояние шока может быть градуировано на основании степени его проявления. Ср.: «Хозяин машины был *слегка шокирован*, когда позвонил в милицию, чтобы заявить об угоне, а ему сообщили, что машина уже нашлась» [Вести – Красноярск. 18.06.10]. «Я *немножко в шоке*... Женщину *искусал* громадный ротвейлер» [112. RenTV. 18.05.11]. «Такая *немного шокирующая* новость [о достоинствах какао]» [Утро России. РТР. 26.05.11]. «Я до сих пор *немного в шоке*» [До суда. НТВ. 11.07.11]. – «Журналисты были *действительно шокированы* увиденной картиной погрома в молдавском парламенте» [Время. 1 к. 08.04.09]. – «Взрыв в банке – *настоящий шок* для тихого Мелитополя» [Вести. РТР. 03.06.09]. – «*Больше чем шокирующие* результаты [проверки милицией пиротехнической продукции]» [Вести-Красноярск. КГТРК. 12.12.08]. – «Нельзя сказать, что милиционеры *сильно шокированы* результатами [сданных ими]

экзаменов по правилам дорожного движения; говорят: возьми любого другого – тоже вряд ли сдаст» [Новости края. Енисей-регион. 13.08.09] и проч.

Несколько особняком, наверное, стоят случаи гиперболизации пространственных масштабов шока – вплоть до глобальных. Например: «Тюремное заключение Пэрис Хилтон *повергло в шок весь мир*» [Доброе утро. 1 к. 03.08.07]. Подобный размах идиотизма может быть сопоставим разве что со столь же глубокомысленными суждениями и прогнозами в недавнем российско-телевизионном прошлом: «1 марта 1881 года убит император Александр II. Это событие на два десятилетия предопределило историю России.– 1 марта 1995 года был убит Владислав Листьев... Кто знает, какие последствия это вызовет?» [Б. Коптев. Не вырубить. РТР. 12.03.95] – и: «1 марта календарь прервался. Часы остановились... Убит Владислав Листьев» [С. Алексеев. Воскресенье. ОРТ. 05.03.95].

Как правило, существительное *шок* и другие слова гнезда этого корня обозначают чью-либо негативную реакцию на кого- или чего-либо. Побудительные причины такой реакции могут быть чрезвычайно разнообразными; приведем допустимо возможное число примеров.

«Оленевод – *в шоке* [от постоянных супружеских измен жены, которая объясняет их национальными традициями выживания малочисленного народа]» [Дела семейные. Домашний. 15.12.08]. «Когда мама Людмилы увидела ее избранника, она *была в шоке*: метр пятьдесят ростом, щуплый, в 2 раза старше Людмилы» [Частные истории. 03.01.09]. «У инвесторов – *шок*: падают цены на дома в Лонг-Бич» [Вести. РТР. 23.12.08]. «Теперь преподаватели могут зайти

на любой сайт, чтобы установить источники студенческих рефератов. Студенты в *шоке*» [Доброе утро, Россия. РТР. 23.01.09]. «Специалисты были *шокированы*, когда обнаружили в баночках [черной икры] целый букет микробов» [Доброе утро. 1 к. 17.12.08]. «*Шокирующая* статистика: детей-сирот в России сейчас больше, чем после Великой Отечественной войны» [Растем вместе. КГТРК. 30.08.08]. «Женщина до сих пор в *шоке*: вместо воды из крана пошла ртуть» [В час пик. RenTV. 21.02.09]. «*Шокирующие* итоги выборов в Европарламент: победили ультраправые партии» [Вести. РТР. 09.06.09]. «Жители в *шоке*: ни одного целого стекла в доме» [после предполагаемого взрыва бытового газа в г. Приамурске. – Время. 1 к. 20.08.09]. «Сотрудник ДПС в *шоке* [от ДТП]» [В час пик. RenTV. 20.02.09]. «У меня *шок*, естественно», – говорит обвиняемый в преступлении, которого не совершал» [В час пик. RenTV. 16.12.08]. «Одноклассники и учителя *шокированы* смертью 14-летнего школьника от кровоизлияния в мозг на уроке физкультуры» [Вести–дежурная часть. РТР. 25.12.08]. «Кладовщик в *шоке* после проверки фирмы «Астур», где обнаружены напитки с фальшивыми акцизными марками, пересчитывает коробки» [Новости. Афонтово. 29.12.08]. «*Шокирующий* случай в Новосибирске: 19-летняя студентка выбросила из окна собственную новорожденную дочь» [ЧП. НТВ. 25.12.08]. «*Шокирует* то, что она [женщина-водитель, при наезде убившая девушку-пешехода] была так спокойна» [Чрезвычайное происшествие. НТВ. 05.05.09]. «Через пять дней [после смерти домохозяйки] все узнали *шокирующую* новость: Лепешинской не стало» [Вести–дежурная часть. РТР. 17.02.09]. «Ольга [Кузнецова]

признаётся: находка [ее пропавшего бультерьера] произвела на нее *шоковое* впечатление – так была изуродована собака» [ЧП. НТВ. 23.08.10]. Ср. о том же происшествии: «Исход суда может *шокировать* Кузнецовых: многие после гибели собаки вздохнули с облегчением. По словам сотрудников УВД, она бегала за детьми, порвала щенка...» [ЧП. НТВ. 23.08.10].

Тем больший интерес на этом весьма малорадостном фоне вызывают пусть пока и единичные, но, кажется, становящиеся всё более распространенными примеры выражения позитивных эмоциональных всплесков при помощи тех же слов. Правда, поводы для такого полководья чувств могут быть квалифицированы и как амбивалентные. Ср.: «Кшиштоф Занусси *шокировал* ивановских студентов, пригласив их погостить к себе домой» [24. RenTV. 28.05.09]. – «[Родители нашли своего ребенка, которого долгое время считали умершим. Реакция директора школы:] Я была т о ж е *шокирована*» [Чрезвычайное происшествие. НТВ. 22.02.09]. – «*Шокированы* своим поступком и девчонки, задержавшие преступника» [5 историй. RenTV. 05.05.09]. – «Фанаты [«Ранеток»] в *шоке*: раньше этих девчонок видели только в сериале и на постерах, а тут – живые, настоящие!» [Новости. ПримаТВ. 15.06.09]. «Хозяин машины был слегка *шокирован*, когда позвонил в милицию, чтобы заявить об угоне, а ему сообщили, что машина уже нашлась» [Вести–Красноярск. 18.06.10]. «*Шокирующие* находки [российско-армянской археологической экспедиции]... заставят пересмотреть всю историю» [День военной тайны. RenTV. 05.05.13]. При чем следует заметить, что такой характер использования слов с корнем шок- имеет довольно почтенную

традицию – чуть ли не двадцатилетнюю. Ср. реплику некоей победительницы в конкурсе манекенщиц: «Я прямо была шокирована! Здесь говорили по-английски, по-немецки, по-чехословацки – на международных языках» [Мир. Останкино. 07.01.94] (конечно, в этом случае надо учитывать и довольно скромный интеллектуальный уровень речедеятеля).

По нашим наблюдениям, случаи употребления *шок* и его дериватов в подобных контекстах множатся – в том числе и в обыденной разговорной речи, вроде: *«Когда он признался мне в любви, я *была в шоке!*» (подразумевается – *счастлива*). Ср. также: «Татьяна Юмашева, советник Бориса Ельцина в 1996-99 гг., признаётся: *была в шоке* в каком-то радостном [по поводу его отставки] [24. RenTV.30.12.09]. «Мы *в шоке!*.. Вообще!.. Это супер!» [зрительница по поводу выступления авиагруппы высшего пилотажа на рок-фестивале. – Новости дня. Звезда. 10.07.11].

Конечно, среди импульсов всемирного (всемирного ли?) шока подчас обнаруживаются и подлинно трагичные, например: «Снимки [пыток американцами] заключенных из лагеря Абу-Грейд *шокировали весь мир*» [Время. 1 к. 14.05.09] (впрочем, ср.: «Журналисты утверждают, что министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил 16 нетрадиционных методов ведения допроса [в военной тюрьме Гуантанамо]... ГУЛАГ на Кубе...» [имеется в виду разрешение пытаться пленных, хотя и непонятно, причем здесь именно ГУЛАГ, да и Куба – вероятно, лишь потому, что на ее территории до сих пор находится американская тюрьма. – 24. RenTV. 14.06.05]).

Иногда остаются неупомянутыми подвергшиеся *шоку*: «В США оправдали виновных в смерти россий-

ского ребенка. Подробности этой *шокирующей* [кого именно? – А. В.] истории...] [Вести. РТР. 18.12.08]; иногда они обозначены предельно четко: «Родители погибших детей в шоке... Трагедия, *шокировавшая* в с ю Е в р о п у [убийство двух детей и женщины в детском саду], произошла в небольшом бельгийском городке» [Сегодня. НТВ. 24.01.09] (любопытно, что в непосредственно предшествовавшем этому сюжету были показаны выступления палестинцев после израильской карательной – на палестинской земле – операции «Расплавленный свинец», имевшей аналогичные последствия, но, кажется, никого не *шокировавшей*).

Во многих же случаях имеет место абсолютизация диффузности и аморфности эмоций, не поддающихся более или менее четкому определению адресанта. Ср.: «Что вы [проститутка] испытывали, когда убивали [клиента]? Какие эмоции? Страх?...» – «*Шок*» [ЧП. НТВ. 23.03.10] – и: «В Красноярске открылась биеннале... Художники со всего мира представили свои *шокирующие* арт-проекты» [Новости. 7 к. 02.09.09] и др.

Вероятные причины современной высокой употребительности существительного *шок* и других слов гнезда этого корня – за счет очевидного сокращения использования синонимов – следует рассматривать в ряде взаимосвязанных аспектов.

Несомненна роль клишированности ставших уже (увы) привычными ситуаций, приводящей к клишированности их словесного воплощения. Кроме того, вполне обоснованно суждение: «Как согласовать друг с другом слова и чувства – задача настолько трудная, что граничит с невозможностью её реализации» [Комлев 2003: 188] (ср.: «... Ведь многие из ощущений наших в переводе на обыкновенный

язык покажутся совершенно неправдоподобными. Вот почему они никогда и на свет не являются, а у всякого есть» [Достоевский 1957, 4: 16]).

Возможно, что одним из сопутствующих косвенных факторов – катализаторов распространения слова *шок* и под., при синхронном полузабвении семантически более точных и дифференцированных именованных переживаний, ощущений, чувств и проч., стал научно-технический прогресс, сужение профессиональной специализации и т. п. Персонаж советского писателя-фантаста, социолог-лингвист коммунистического будущего, констатирует: «... У каждого народа Земли с подъемом культуры шло обогащение бытового языка, выражавшего чувства, описывающего видимый мир и внутренние переживания. Затем, по мере разделения труда, появился технический, профессиональный язык. С развитием техники он становился всё богаче, пока число слов в нем не превысило общеэмоциональный язык, а тот, наоборот, беднел. И я подозреваю, что общеэмоциональный язык Торманса так же беден, как наш в конце ЭРМ [Эры Разобщенного Мира, т. е. капитализма, – когда были «чудовищные массовые психозы, приводившие к избиению культуры и уничтожению лучших»] ... Признаки плохой организации и низкого уровня общественного сознания» [Ефремов 1989, 5-2: 63].

По-видимому, последнее суждение может быть в значительной степени отнесено и к полуразваленному социуму перманентно и беспощадно реформируемой России. Непрерывающиеся эксперименты над населением, которые чем-то сродни вивисекции, может быть, призваны еще и поддерживать его в состоянии нескончаемого тревожного ожидания – шокового

ощепенения. Повторим: так формируется «гомо пост-советикус – человек недоумевающий», наиболее благодатный, безропотный объект управления: «Заставить основную массу людей, лишив их самого необходимого, судорожно искать способы выживания сегодня – вот кратчайший путь к введению единомыслия в России... Человек недоумевающий – замечательный материал для социально-нравственной инженерии» [Поляков 2005: 216, 218] (ср.: «*недоумевать* – испытывать недоумение, находиться в состоянии недоумения»; «*недоумение* – 1) состояние, вызванное непониманием, неясностью чего-л.; 2) затруднение, сомнение, возникающее из-за чего-то неясного, непонятного»; «*недоумок* – прост. неразвитый, глуповатый человек» [МАС₂ 1982, II: 440-441]).

Можно полагать, что примерно того же происхождения, что ступорное недоумение, – и непроясненность эмоциональных переживаний вкупе с неспособностью четко их дифференцировать и формулировать словесно. Это состояние хорошо выражено русским поэтом:

«Как беден наш язык! – Хочу и не могу, –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною...»
[Фет 1979: 263].

Подобные контаминации трудносоединимых чувств, используемые, как выразились бы сегодня, в целях эффективного менеджмента, описаны в известном трактате: «... Может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; ... если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. ...Страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно» [Макьявелли 1993: 289].

О таких инструментах управления хорошо известно и по более поздним источникам. «Один из основателей современной социологии... К. Манхейм специально отмечал, что в моменты глубоких кризисов происходит блокирование здравого смысла – способности человека разумно судить о положении дел и действовать исходя из этого суждения. Необходимость обдумывать и понимать происходящее превращается в это время в непосильную нагрузку... Психологическая защита против манипуляции сознанием резко ослабляется» [Кара-Мурза 2002: 371]. Ср. там же о традиционности конструирования аналогичных психосоциальных моделей: «Создание стресса в массовом сознании – испытанный прием. Для управления Парижем якобинцы тщательно культивировали *«нервозность»*. В 1790 г. Марат писал, что цель якобинцев – «постоянно поддерживать народ в состоянии возбуждения до того времени, когда в основание существующего правительства будут положены справедливые законы». Он отмечал, что влияние его газеты *«Друг народа»* обусловлено страшным скандалом, распространяемым ею в публике» [Кара-Мурза 2002: 371].

По выражению одного из персонажей Ф. М. Достоевского, «пожар в умах, а не на крышах домов» [Достоевский 1957, 7: 538] (хотя техногенных и прочих катастроф сегодня тоже хватает с избытком). Состояние непреходящего и по любым поводам *шока* – яркое тому доказательство. Кстати, слова эти уже несколько лет как стали общеупотребительными (есть основания считать, что они никогда и не были исключительно принадлежностью молодежной речи – поэтому вряд ли обосновано суждение Л. Вербицкой: «Это был, как теперь говорит

м о л о д е ж ь , шок» [Безрукова 2011: 26]. Тот же филолог, формулируя свою субъективную эмоциональную оценку слова – «ж у т к о е в ы р а ж е н и е , ставшее у нас, к сожалению, чуть ли не нормой» [там же], не предлагает, однако, никаких объяснений его широчайшего распространения).

Можно полагать, что активизация слов гнезда *шок-* – это и очень важный симптом состояния массового сознания, и ориентир вектора его динамики.

Следует также иметь в виду, что «словесный знак скрывает за собою самые различные оттенки выражения мысли (в значении *mens, mentis*), и не только символы, но также образы, понятия, мифы и т. п.» [Колесов 1995: 15].

Известно, что определенные слова используются в качестве целительного средства в различных методиках так называемой «нетрадиционной медицины» – в частности, в системах самовнушения (аутотренингах). Например, в одном из пособий по психологической самозащите, которое и называется «Магические слова», сообщается: «Слово нередко имеет тот же эффект, что и медикаменты, только куда более быстрый и сильный... Для души и тела слово становится предвестником позитивного будущего..., магическим словом» [Бессер-Зигмунд 1997: 8, 10]. Но здесь же приводятся примеры и «стрессовых слов»: «Иногда уже одно имя... может вызывать страх. При словах *школа* и *математика* у некоторых школьников даже дома малодушно опускаются плечи... Слово *мигрень* стимулирует мышцы лица даже в те дни, когда чувствуешь себя хорошо, опускать уголки рта вниз, а понятие *бухгалтерский отчет* подавляет и без всякого реального созерцания бумаг» [Бессер-Зигмунд 1997: 8] (собственно, о роли подобных ассоциаций гораздо

раньше говорил отечественный классик: «события, о которых теперь напомним нам слово *школа*, тождественны с теми, которые были и прежде предметом нашей мысли» [Потебня 1976: 106]. В рассматриваемом же случае, вероятно, имеет место (как при пандемическом распространении *как бы*, одновременно и подчеркивающим восприятие реальности как ненастоящей, кажущейся, и усугубляющим ее виртуальность [Васильев 2003: 91-102]) обоюдосторонне направленный процесс: нивелируется многоцветный (казалось бы) мир человеческих эмоций – и за счет отказа от употребления ряда слов и от малейшей попытки структурировать и классифицировать этот мир его вербализации оказываются малоуспешными. Иначе говоря, так называемые рядовые носители языка в массе своей активно занимаются тем словотворчеством, которое в одной антиутопии было прерогативным делом профессионалов: «Мы уничтожаем слова – десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, оставляем от языка скелет» [Оруэлл 1989: 51]. При этом допустимо предположить и существенное обеднение эмоционального мира наших соотечественников (конечно, не без участия медиадискурса).

Популяризации слов *шок*, *шокировать* и др. несомненно способствовала *шоковая терапия* (она же – *шокотерапия*), в действительности ставшая не чем иным, как эвтаназией отечественной экономики – и не только ее. Неуклонное и безостановочное распространение устойчивой метафоры, обусловленное повседневными реалиями россиянского быта, заставляет вспомнить суждение еще одного персонажа великого русского писателя: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх» [Достоевский 1957, 7: 123].

Извержение откровенности: чистосердечные признания

... И в этой глупости несчастной
У ваших ног я *признаюсь!*

А.С. Пушкин

Ментальность определяют как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004: 15]. Из этого следует приоритетная значимость изучения конкретных языковых фактов для познания ментальности; столь же важен и учёт данных, содержащихся в паремиях (например, в пословицах). Кроме того, устойчивый характер употребления определённых слов может формироваться под влиянием дискурса СМИ, который и поныне воспринимается многими носителями русского языка в качестве некоего эталона. Заметим также, что реплики телеречедееателей (корреспондентов, ведущих и др.) нередко представляют собой некую разновидность эксперимента; его участнику предлагается в качестве незамедлительной реакции на предложенную стандартную ситуацию-стимул избрать соответствующую лексику. Любопытно, например, что из довольно широкого диапазона русских глаголов, обозначающих речевую деятельность, в последние годы предпочтительным оказывается глагол *признаться* (*признаваться*).

Согласно дефиниции Даля, «*признаться* – кому в чём – сознаться, открыться, покаяться, рассказать не

таясь, виниться. «В чём попался, в том и признался». «Не признавайся, и виноват не будешь». ... «Чем отпираться, так лучше признаться». «Он признался мне, что хочет жениться». «Сам признался, сам на себя и петлю надел» [Даль 1955, 3: 414]. Ср. у того же лексикографа некоторые пословицы, иллюстрирующие толкование значения производного от глагола *знать* существительного *знайка*: «об. знатель, знающий о чём, про что, о с о б . о вине, преступлении; свидетель, видок, очной, притомной ... «Незнайка на печи сидит, а знайку на верёвочке ведут». «Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит». «Знайку в суд ведут, незнайка дома сидит». В с ё э т о о т н о с и т с я к о б ы ч а ю о т п и р а т ь с я о т о в с е г о и н е и д т и в с в и д е т е л и п о д е л у » [Даль 1955, 2: 689]. В далевском же сборнике приводятся и такие пословицы: «Чего стыдимся, того и таимся». «Знает только грудь да подоплёка (подкладка рубахи)». «Дурак сам на себя наговаривает (о сознании в суде)». «Виноват, так знай про себя». «Знать не знаешь, так и вины нет» [Даль 1984, 1: 159-160]. Конечно, там же присутствуют и другие паремии; ведь сам составитель в «Напутном» (т. е. предисловии) считал нужным предупредить о разнородности и многоаспектности материала: «В этом сборнике, который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народной глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью ...» [Даль 1984, 1: 13].

Позднейший словарь предлагает для глагола *признаться* следующие дефиниции: «открыто объявить о чём-л., сознаться в чём-л. «Признаться в любви

кому-л.». «[Мать] напомнила мне о моих книжках, и я признался, что даже позабыл о них». С. Аксаков, Детские годы Багрова-внука. «[Арбенин:] Ты скорей признайся, говори смелей, Будь откровенен хоть со мною». Лермонтов, Маскарад. «[Леночка:] Ну что, Олежка? [Олег:] Я хочу тебе признаться в одном проступке». Розов. В поисках радости» [МАС₂ 1983, 3: 411].

Заметим, что в обоих цитируемых словарях как один из ключевых для семантизации глагола *признаться* используется глагол *сознаться*; ср. соответственно: «*сознаться* – признаться, не отречься, не отпираться, повиниться; высказать, по убеждению своему, истину» [Даль 1955, 4: 261] – и «*сознаваться* – 1) (сов. *сознаться*) признавать свою вину, проступок, нарушение какого-л. правила, условия и т. п. «Сознаться в своей вине» ... //признать за собой что- (какие-то недостатки, склонности, наличие каких-л. чувств, намерений и т.д.)» [МАС₂ 1983, 3: 184].

Вероятно, судя по приведённым дефинициям и иллюстрациям к ним, *признаться* (*признаваться*) можно (или нужно?) преимущественно в том, что, согласно актуальной на момент создания словаря аксиологической шкале, оценивается негативно, или, по крайней мере, должно быть скрыто от постороннего внимания во избежание вполне вероятных нежелательных последствий для кого-чего-либо.

Хорошо известно, что смысл слова в речевом потоке зачастую более или менее отличается от того значения, которое чётко сформулировано и зафиксировано в словаре: такие феномены неоднократно рассматривались как в теоретических трудах лингвистов, так и в их прикладных исследованиях. Тем не менее, даже с учётом этих известных положений, очень многие

случаи использования глагола *признаться* (*признаваться*) тележурналистами, не видящими его малоруместности в тех или иных ситуациях, привлекают внимание. Приведём далее только некоторые примеры, разбитые на условно-тематические группы.

1. Криминальные события и чрезвычайные происшествия.

«Директоры «Астур» *признаются*: к ним нарушения [выявленные в результате проверки УБЭП ГУВД] не имеют никакого отношения» [Новости. Афонтово. 29.12.08]. «Заторы здесь постоянные», – *признаются* очевидцы ДТП» [В час пик. Рен ТВ. 20.02.09]. «[Израильский] полицейский на роликах *признаётся*, что ещё не привык к такому вниманию со стороны прохожих» [Сегодня. НТВ. 25.03.10]. «Андрей [участник ДТП] *признался*: он даже не понял, откуда появилась другая машина» [ЧП. НТВ, 22.07.09]. «Как *признались* сотрудники милиции, расследовавшие дело, колготки он [магазинный вор] выбирал хорошие и дорогие» [Новости. Афонтово. 04.02.10]. «Сотрудники ГАИ *признаются*: любые меры хороши для борьбы с нарушениями правил дорожного движения» [Вести-Красноярск. 07.07.09].

«Спасатели *признаются*: может быть, работать [на разборке обломков рухнувшего здания] придётся до позднего вечера» [Новости. Прима ТВ. 15.06.09]. «Специалисты *признались*, что [для ликвидации последствий аварии на СШГЭС] не хватает промышленных водолазов» [Новости. 7 к. 18.08.09]. «Владимир, укушенный гадюкой, *признаётся*: сейчас чувствует себя хорошо» [ЧП. НТВ. 16.04.09]. «Сотрудники психиатрической больницы *признались*: кто-то очень хочет заполучить эту землю» [Афонтово.

25.03.09]. «Красноярск наводнили фальшивые водительские права. Как *признались* в ГИБДД края, такого в нашем городе никогда не было» [Новости. 7 к. 28.01.09]. «Ни нужных витаминов, ни овощей даже лошади-фавориты не получают», – *признаются* животноводы» [24. 24.02.09]. «Такого груза, – признались жители поселка, – им еще собирать не приходилось [после аварии фуры с 20 тоннами бананов]» [ЧП. НТВ. 17.03.09]. «Ольга *признаётся*: находка [её пропавшего бультерьера, – по свидетельству милиционера, терроризировавшего местных жителей] произвела на неё шоковое впечатление: так была изуродована собака – представитель элиты» [ЧП. НТВ. 23.08.10]. «Начинающий байкер Сергей *признаётся*: самое обидное, что угнанную у него машину даже не успел обкатать» [Новости. ТВК. 09.02.09].

«Корреспондент, у которого украли фотоаппарат, *признаётся*, что больше всего жаль отснятой плёнки» [В час пик. Ren TV. 16.12.08]. «Уже в патрульной машине Пётр *признаётся*: зашёл [в игорный клуб] ради выигрыша» [ЧП. НТВ. 25.12.08].

«Людмила не раз *признавалась*, что устала от любовных домогательств врача» [Частные истории. 03.01.09]. «Девушка [задержанная в Москве саратовская проститутка] *признаётся*, что не ожидала от столицы такого негостеприимства» [ЧП. НТВ. 29.12.08]. «Александр [пациент с обморожением] *признаётся*: теперь всю жизнь жалеть будет, что не одел тёплые варежки и обувь» [Новости. КГТРК. 08.01.09]. «Подросток [разорвавший российский триколор] *признался*, что не понимал, что делает» [Новости. Енисей-регион. 09.01.09]. «[Спасённый в Колумбии парашютист] *признался* родственникам, что легко отделался: несколько

ушибов и царапин» [Доброе утро. 1 к. 20.01.09]. «Провисев больше часа [на мосту], Сергей [самоубийца-неудачник] *признаётся*: ноги замёрзли, да и руки устали держаться за перила» [Новости. 7 к. 26.01.09]. «Редкий случай, *призналась* Анна [попавшая в ДТП из-за выбоины на дороге], когда на неё, блондинку в розовом, мужчины смотрели без ухмылки, как на товарища по несчастью» [ЧП. НТВ. 16.03.10]. «Заторы движения здесь постоянные, *признаются* очевидцы ДТП» [В час пик. RenTV. 20.02.09]. «Газон, конечно, жалко, но машину оставлять где-то надо», – *признаётся* Светлана» [ЧП. НТВ. 07.05.09]. «Елена Александровна *честно призналась*: ещё полчаса назад [до наезда грейдера на её машину] она совершенно не разбиралась в конструкции собственного автомобиля» [ЧП. НТВ. 17.03.09]. «Сначала, – *признаётся* инвалид с нарушением координации, – было тяжело» [ЧП. НТВ. 15.12.08].

2. Шоу-бизнес.

«Многие кинодеятели *признаются*: им всё ясно было с осени прошлого года» [о механизме поддержки кинематографа – Неделя. RenTV. 27.03.10]. «После гонки Ольга [Медведцева] *призналась*, что выступила, чтобы поддержать родной край» [Новости. ТВК. 16.03.10]. «Танцоры [американского театра теней] скромно *признаются*, что станцевать могут всё, будь это даже математическое уравнение» [24. RenTV. 15.04.10]. «Девочки [участницы конкурса на самую длинную косу] *признаются*: практически не подстригаются» [Новости. 7 к. 13.12.09]. «Актёр [Валерий Дьяконов] *признался* [в свой 45-ый театральный сезон]: волноваться за эти годы меньше не стал» [Новости. ТВК. 20.08.09]. «Наташа [Рогозина, чемпион

мира по боксу] *призналась*, что в детстве мечтала быть стюардессой» [24. RenTV. 03.07.09]. «[Пина Рауш]: спектакль-балет «Семь смертных грехов» – о жестокости любви... Её обвиняли в провокации, но сама Пина признавалась: так она видит мир. Сначала приучила к этому Германию, потом – Европу, теперь – постановка в Москве» [Новости. 1к. 15.07.09].

«Певица Валерия *призналась*, что давно хотела приобщиться к художественной гимнастике» [24. RenTV. 28.05.09]. «Актёр Том Круз *признался*, что давно хотел побывать в России» [Сегодня. НИВ. 27.01.09]. «Супруга актёра Алексея Булдакова *призналась*, что завидует членам съёмочной группы: ведь готовит Алексей действительно отлично» [1 к. 29.01.09]. «Инженер комплекса *признаётся*, что при монтаже оборудования пришлось учитывать не только особенности помещения, но и желания приглашённых звёзд» [Новости. ТВК. 24.02.09]. «Телевизионщики должны появляться в кадре с непокрытой головой. Должна вам *признаться*: бывает холодно» [В. Комиссарова. Новости. 7 к. 14.02.09]. «Мисс мира-2008 *призналась*, что победить ей помогла спортивная закалка» [ТВК. 15.12.08].

«На встрече с юными пловцами четырёхкратный олимпийский чемпион Александр Попов *признался*, что даже не знает, сколько у него наград. Попов откровенно *признался*, что тренером работать не пойдёт» [Новости. Прима ТВ. 16.12.08]. «На пресс-конференции актёры *признались*: книг Стругацких, кроме «Обитаемого острова», не читали» [Новости. Афонтово. 19.12.08]. «Я вам честно *признаюсь*: когда столько Снегурочек вокруг танцуют, очень трудно удержаться на месте» [Новости. Прима ТВ. 23.12.08].

«Пенсионеры, участники новогоднего утренника для взрослых, *признаются*, что всё сделали сами» [Новости. ТВК. 24.12.08]. «Михаил Пореченков покупает яхту. Актёр *признался*, что не может дождаться первого путешествия» [1 к. 31.12.08]. «Дети тренера *признаются*, что отец им на тренировках поблажек не делает» [Новости. Енисей-регион. 08.01.09]. «Александр Ширвиндт *признаётся*: когда был студентом, и сам рассказывал по карманам, что бог подаст» [т.е. на банкетах и проч. – Программа «Максимум». НТВ. 24.01.09]. «Артисты *признались*, что согласились приехать [для выступления с концертом] лишь [!] из-за любви к своим поклонникам» [Афонтово. 11.04.10]. «Организаторы концертов [звёзд] *признались*, что раскрыли сегодня далеко не все свои планы» [Новости. 7к. 02.03.11].

3. Образование, воспитание, наука.

«Девушка [студентка экономфака, помогающая мужу-учителю] *признаётся*, что работать с детьми гораздо интереснее, чем следить за курсом валют» [Новости. Афонтово. 20.08.10]. «Для учёного, как *признался* Алфёров, работа – лучший отдых» [Новости. Звезда. 15.03.10]. «Сами пенсионеры *признаются*, что на таких занятиях [танцы на льду] они забывают о своём возрасте» [Время. 1 к. 03.02.10]. «Правда, пока, *признаются* эксперты, эти проекты [компьютерных игр, заменяющих живых учителей] всё-таки больше похожи на фантастические» [Новости. 7 к. 16.02.09]. «Творить и изобретать – приятно... Ещё приятнее, *признаётся* изобретатель, когда твоя работа кому-нибудь нужна» [Время. 1 к. 19.02.09]. «Медики *честно признаются*, что не могут выписать из больницы человека, страдающего амнезией» [ЧП. НТВ. 23.12.08]. «Наталья *признаётся*: были и

стрессы, и срывы, но молодая работающая мать настроена оптимистично» [В час пик. RenTV. 15.01.09]. «Юные журналисты из гимназии № 15 признаются: к этой победе [в конкурсе школьных газет] они шли 15 лет» [Новости. ТВК. 26.12.08]. «Отец парня [мальчика, победителя в детском мотокроссе] признаётся: этих мгновений он ждал всю жизнь» [Новости. 7к. 27.12.08]. «Сына решили назвать Семёном, что значит «данный богом», хотя родители признаются: дело не в мистике, просто имя понравилось» [Новости. 7к. 08.01.09]. «Надежда [«бизнес-леди»] признаётся: быть матерью сложнее, чем управлять гигантской компанией» [В час пик. RenTV. 15.01.09]. «Настя признаётся: хотя судьба и разлучила её с мамой, она её по-прежнему любит» [1к. 26.01.09]. «Врач признаётся, что это [оборудование] лучшее, что она видела за двадцать лет работы» [Вести-утро. РТР. 10.06.13].

4. Социально-политическая сфера.

«Ветеран войны [89-летняя женщина] признаётся, что такой беспомощной, как теперь, не чувствовала себя никогда» [Новости. 1к. 17.03.10]. «Депутаты признались: считали кандидатуру Льва Кузнецова, предложенную президентом, наиболее реальной» [Новости. ТВК. 09.02.10]. «Подростки признаются: здесь [в торговом павильоне возле школы] есть всё, чтобы почувствовать себя взрослым – сигареты, пиво, алкогольные коктейли» [ЧП. НТВ. 23.03.10]. «Николай признаётся: они до сих пор не могут получить пособие» [по трудовому увечью его жены. – Экстренный выпуск. Афонтово. 10.03.10]. «Татьяна Юмашева, советник Бориса Ельцина в 1996-99 гг., признаётся: была в шоке в каком-то радостном [по поводу его отставки]... «... Нам в общем-то нечего было бояться,

ничего такого не сделали, за что было бы стыдно» [24. RenTV. 30.12.09]. «Моряки [ВМФ США, участники гребных соревнований во Владивостоке], *признаются*: так День независимости им отмечать еще не приходилось» [Новости. Звезда. 04.07.09]. «Денис Пашков, министр промышленности и энергетики Красноярского края, *признался*: он даже не обеспокоен, а возмущен ценами на бензин» [Новости. 7к. 09.07.09].

«Многолетние крестьяне из Владимировской области *признаются*, что без своей коровы прожить в деревне сложно» [Вечерние новости. 1 к. 30.12.08]. «Не лучшие времена для строителей...» Так ч е с т н о нам смогли *признаться* не все строители». «Застройщики *признаются*: действительно, живых денег сейчас не хватает» [Большой репортаж. ТВК. 06.01.09]. «Туроператоры *признавались*: в прошлом году путёвки распродавались за 2-3 месяца» [Новости. ПримаТВ. 11.01.09]. «В семье Елены двое мужчин: муж и сын. Кормить их нечем, *признаётся* хозяйка» [24. RenTV. 12.01.09]. «В Красноярском жилищном фонде *признаются*, что требования к претендентам на правительственную помощь в выплате ипотечных кредитов очень жёсткие» [Новости. ТВК. 12.01.09]. «Бизнесмен Евгений хочет купить дом в Египте. Он бывал там уже четыре раза... *Признаётся*: надоело жить в гостиницах» [Новости. Прима ТВ. 22.01.09]. «Руководители сухобузимской агрофирмы, закупившей шведское оборудование, снабжают мясом и молоком весь [!] Красноярский край... *Признаются*: результаты могли быть и выше» [ТВК. 26.01.09]. «Хоть закон о полиции вступил в силу, господа полицейские *признаются*: пока не знают, что с ним делать» [Новости. ПримаТВ. 01.03.11].

«В Советском районе хватает жалоб на уборку улиц», – признаётся глава администрации» [Новости. 7 к. 26.01.09]. «... Сегодня начнут вывозить снег с обочин дорог. «Такого раньше никогда не было», – признаются дорожники» [Новости. 7 к. 19.04.09].

Конечно, при возможных объяснениях подобных фактов следует иметь в виду известный уровень речевой культуры тружеников СМИ – впрочем, лишь воспроизводящий тот, который стал преобладающим в постсоветском социуме (хотя «эстетическая и коммуникативная результативность говорения также находится в зависимости от разнообразия лексических единиц... Обеднение речи отправителя ущемляет интересы реципиента» [Комлев 2003: 188]).

Однако в более широком аспекте возможны и иные толкования. «Представляется серьёзным методологическим заблуждением выделение отдельной категории языкового сознания ... и противопоставление его феномену сознания в целом – по крайней мере, применительно к виду *homo sapiens*» [Кравченко 2008: 158] – он же, конечно, и *homo loquens*. Поэтому, памятуя о неразрывной взаимной связи языка и мышления, вряд ли сто́ит недооценивать рассмотренный здесь частный, казалось бы, случай универсализации употребления глагола, свидетельствующий и о некоем нивелировании, или стандартизации, мышления. Тому же самому умственному оскудению сограждан активно способствовали – заботясь о максимально эффективном «управлении реальностью» – творцы оруэлловского новояза, «уничтожавшие слова»: «С каждым годом всё меньше слов, всё уже и уже границы мысли ... Мышления в нашем современном значении вообще не будет» [Оруэлл 1989б: 52].

Можно также вспомнить и о том, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1986а: 250]. Таким образом, доминирующим речевым жанром сегодня оказывается «признание». Отсюда возможны и некоторые выводы этноментального плана. Например: либо наши соотечественники становятся всё более откровенными, а потому склонны *признаваться* в чём угодно (в том числе – и в самых невинных поступках), либо наоборот: они теперь тяготеют к повышенной замкнутости и скрытности, и поэтому чуть ли не любой их речевой акт считается неким откровением ... Насколько и как именно разрешим этот лингвоментальный парадокс, наверное, покажет речекоммуникативная практика.

P.S. Добавим, что, по нашим наблюдениям, в последние годы среди глаголов речи заметно возросла частотность глагола *пояснить* (пояснять). Конечно, он следует за глаголом *признаться* (*признаваться*) со значительным отрывом. Однако см.: «Рабочие о своих действиях *пояснить* ничего не могут» [Новости. 7к. 14.11.06]. «Разработчики логотипа СФУ *поясняют...*» [Новости. 7к. 19.18.08]. «*Поясните*, пожалуйста, суду, сколько лет вы живете в одном доме с потерпевшим?» [вопрос судьи обвиняемому. – Суд идёт. РТР. 26.12.08] (кстати: автору неоднократно в своё время приходилось обращать внимание будущих юристов на неправомерность употребления глагола *пояснить* для обозначения инициального речевого акта вместо логически и юридически более точного показать; см. об этом также: [Салазникова 2004: 44]. Однако даже и в бланках соответствующих документов *пояснить* замещает *показать*). «Автобусы гнали из Минска своим ходом, а это

пять тысяч километров», – *поясняет* водитель» [Новости. 7к. 22.12.08]. «Няня обварила ребенка. В агентстве *поясняют*, что случай чуть ли [!] не единичный» [Новости. Афонтово. 26.12.08]. «Ашот Тумасян *поясняет*, что предприятие обнищало, во всём виноват финансовый кризис, поэтому работникам девять месяцев не платят» [Новости. Афонтово. 26.12.08]. «Как *поясняется* в приговоре, в изоляторе в тот день не было женщины-контролера, поэтому [подследственной] удалось избежать обыска» [Новости. Афонтово. 26.12.08] и т. п.

Лексикографически значение этого глагола толкуется так: «*пояснить* [несов. *пояснять*] – сделать более ясным, понятным; объяснить, растолковать. Пояснить правило. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мне свою мысль. Пушкин. Египетские ночи. – Здесь супески и дерново-подзолистые суглинки. – Академик посмотрел на Авдотью и коротко пояснил: – Так называются почвы, бедные солями и веществами, необходимыми для зерновых. Николаева. Жатва» [МАС₂ 1983, 3: 351].

Таким образом, глагол *пояснить* (почти повсеместно) употребляется вместо *сказать* и проч. Даже если оставить без внимания нелогичность подобного использования слова в роли обозначения инициального речевого акта (саму по себе вряд ли допустимую), следует всё-таки заметить, что эта ситуация позволяет выстраивать предположения не только о низком уровне владения языком у многих его носителей (прежде всего журналистов и юристов, а ведь последние-то, по известному выражению, являются «символьной элитой» российского общества). Можно задуматься также и о том, что наши сограждане стали сплошь туго соображающими и не понимающими простейших вещей, а потому нуждаются в постоянных *пояснениях*...

Слова-оборотни в погонах: от милиции к полиции

Были *ментами* – стали *понтами*.
Сотрудник российской полиции

В предельно упрощённом виде вербальную магию можно представить как манипуляцию словами, фактически приравниваемыми к объектам реальной действительности, нацеленную на изменение сознания адресата, а следовательно – к управлению его поведением так, как это желательно адресанту-манипулятору. Наиболее обобщённо к набору главных, родовых признаков манипуляции относят такие: 1) это вид духовного, психологического воздействия, мишенью которого являются психические структуры личности; 2) это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительно мастерства и знаний; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам (см.: [Кара-Мурза 2002: 16-17]).

Сегодня всё более популярной среди исследователей становится весьма широкое понимание манипулятивной функции языка и, соответственно, его поистине безграничных потенций в этом отношении. «Язык как система понятий, слов (имён), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения... Первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие» [Кара-Мурза 2002: 84]. Подобные суждения находим в трудах лингвистов, в ряде случаев

подчёркивающих невозможность чёткого и безусловного разграничения манипулятивных и «неманипулятивных» речевых актов, например, «из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто речевым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (любой речевой акт суггестивен), и манипуляцией» [Голев 2007: 11]. Ср.: «Любой акт речевого общения не происходит ради самого общения: коммуниканты всегда преследуют определённые речевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника» [Секретарёва 2005: 266] – и: «Любой акт коммуникации, вербальной или невербальной, призван воздействовать на её участника. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение инициирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание» [Осипов 2007: 217]. Несомненно, что и «текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом» [Бринёв 2005: 158].

Манипуляции – неизбежный, имманентный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Приведём здесь лишь несколько примеров политико-лингвистического творчества («креатива», как принято выражаться в современной России) перестроечно-реформаторского периода (впрочем, некоторые из них калькированы с иностранных языков): *стратегия*

ускорения (не успевшая стать даже тактикой); *новое мышление* (результаты его то ли неосмысленного, то ли слишком по-новому обдуманного кем-то применения очень хорошо известны); *равноправное партнёрство* (изначально неосуществимое); *мировое сообщество* (обычно имеются в виду одно–два государства, иногда – чуть больше); *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования образования, здравоохранения и других жизненно важных сфер); *социальная норма* (непонятно как установленный минимум расходов электроэнергии); *монетизация льгот* (резкое ухудшение материального положения и без того небогатых граждан); *модернизация* (обычно добавляется несогласованное определение: скажем, *модернизация производства* – однако хорошо известно, что в сегодняшней РФ какое-либо реальное производство почти совершенно отсутствует, как и возможности для его развития); *стабильность* (в основном относится к незыблемости персонифицированной власти); *жилищно-коммунальная реформа* (перманентный и ничем рационально не оправдываемый рост платы за коммунальные услуги без малейшего улучшения их качества); *правовое государство* (сколько-нибудь удовлетворительная дефиниция этого словосочетания вряд ли возможна, как и не менее интересного семантически *социальное государство*).

Иногда вербально-магические операции производятся за счёт замещения одного слова другим, причём суть обозначаемых ими явлений совершенно не меняется (своеобразное воплощение установок политкорректности). Такой стала, скажем, замена *прописки* на *регистрацию*. *Прописку* объявили злокозненным изобретением советской власти (хотя, по-видимому, прикрепление личности как таковой

к определённом месту проживания восходит ещё ко временам патриархально-царской России и крепостного права), и в 1993 г. под знаменем либерализации и демократизации всего и вся превратили в *регистрацию* – якобы для реализации права граждан на свободное передвижение по территории страны и выбор места жительства. Однако, и это очень хорошо известно любому жителю России, в действительности *регистрация* оказалась ничуть не менее жёстким средством бюрократического давления на граждан, столь же успешно, сколь и бывшая *прописка*, ограничивающим конституционную свободу их перемещения. Нельзя считать случайным, что сегодня (причём не только в сугубо бытовом общении) эти слова зачастую путают (вероятно, считая их абсолютными синонимами, или дублетами): судя по беглым наблюдениям, слово *прописка* в речекоммуникативных актах гораздо более частотно, нежели *регистрация*, официально регламентируемое как доминирующее. Ср. беллетристическое осмысление этого феномена в пьесе 2003 г.: «К а б у л о в (участковый милиционер): Иван Афанасьевич, ты мне нужен! И в а н А ф а н а с ь е в и ч (ответственный квартиросъёмщик): В чём дело? К а б у л о в : Иностранца у себя на квартире прячешь. *Незарегистрированно*. И в а н А ф а н а с ь е в и ч : Так ведь *прописку* отменили! Или демократию тоже отменили? К а б у л о в : *Прописку* отменили. *А регистрацию* никто не отменял» [Поляков 2004:157]³.

³ Ср. другой частный случай магического словотворчества: в Новоселовском районе Красноярского края объединили учеников двух «неукомплектованных» школ; при этом «привычное название *класс* сменили на более современное *мобил-группа*» [Регион. 7 канал.09.12.07].

Весьма симптоматичен и символичен недавний пример очередного вербально-манипулятивного эксперимента над общественным сознанием, как и все подобные, круто замешенный на вере в магическую силу слова, – переименование российской *милиции* в *полицию*. Это еще одна стадия игры в слова, должнствующая свидетельствовать об окончательном разрыве нынешнего государственного устройства с советским прошлым и об абсолютной необратимости перемен во всех сферах жизнедеятельности социума.

По-видимому, здесь, как и во многих подобных случаях, традиционно проявилось волонтаристское начало, столь излюбленное российскими «топ-менеджерами». Было высочайше объявлено, что *милиция* – это изобретение советской власти (кстати, как обычно, обнаружилось малоудовлетворительное знание отечественной истории: милицией царскую полицию заменило весной 1917 г. Временное правительство. Упомянутая власть лишь, очевидно уловив преобладавшие в обществе настроения, переняла от своей предшественницы это именование сил охраны правопорядка и борьбы с преступностью). Согласно энциклопедическому толкованию круг обязанностей милиции определялся следующим образом: «*милиция*... – в СССР гос. орган, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и др. антиобщественных действий» [Советский энциклопедический словарь 1983: 802]. Совсем иначе характеризуется тем же словарем *полиция*; в качестве первого (и главного) значения приводится: «в эксплуататорских государствах система особых

органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого подавления классовых противников» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1027]; ср. в толковом словаре: «*полиция* – 1) особый орган, располагающий вооруженными отрядами для охраны безопасности существующего строя и установленных порядков в дореволюционной России и капиталистических странах... «Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии». Ленин» [МАС₂ 1983,3: 262]. Радикальные различия в дефинициях – налицо и не нуждаются в подробных комментариях, так же, как и основной аргумент необходимости якобы назревшей замены названия: «п р и ш л а п о р а вернуть *милиции* её прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка *полицией*» [Кузьмин 2010: 2].

Высшие представители ведомства проявили заведомую дисциплинированность и оперативность: по словам статс-секретаря – заместителя министра внутренних дел, генерал-майора *милиции* С. Булавина, «такое переименование – один из результатов работы над *проектом*. П р и ш л о п о н и м а н и е , что социальная модель милиции базируется на выполнении органами правопорядка профессиональных *полицейских функций*» [Фалалеев 2010:10]. Другой юрист, президент федеральной палаты адвокатов РФ, тоже искренне одобрил нововведение: «Милицейское ведомство на сегодняшний день настолько дискредитировало себя, что д а ж е п р о с т а я

смена названия содержит в себе позитив» [Семеняко 2010: 5] (хотя по поводу «самодискредитации милиции» можно было бы заметить, что ни одно другое ведомство или социальная группа не устояли бы против мощной кампании, развернутой буквально всеми российскими СМИ). В хоре единодушного одобрения зазвучали и полуанонимные голоса граждан, вроде: «По моему мнению, переименование милиции в полицию — это очень важный и своевременный шаг руководства страны» [там же] и т. п.

Собственно, в подобных реакциях аудитории легко обнаружить признаки того, что сегодня называют «обыденным метаязыковым сознанием», подразумевая «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [Голев 2008: 5] (хотя, наверное, абсолютное и безусловное разграничение на «обыденное» и «научное» языкового сознания лингвиста довольно дискуссионно: придется предположить нечто вроде раздвоения личности).

Любопытна, между прочим, точка зрения актёра О. Анофриева, кажется, выдаваемая то ли за авторитетное мнение, то ли за глас народа: «Согласен с переименованием нашей службы правопорядка. Когда нужно внести изменения в существо дела, надо менять витрину, менять название, а точнее [!] — понятие» [Пять событий 2010: 2]. Иначе говоря, ставится знак абсолютного равенства между реалией (каким-либо феноменом как элементом действительности), её вербальным знаком-выражением (словом как единицей языка) и понятием об этой же реалии (то есть мыслью как продуктом

мышления, психического мира). Это – и глубочайшая, неискоренимая даже собственным житейским опытом индивида вера в магию слова, и наивная атавистическая убежденность в том, что сущность реалии можно мгновенно изменить за счет ее иного названия (то есть радикально преобразить сущность, вплоть до придания ей черт полной ее противоположности, нововведенным словесным обозначением). В общем-то, если учесть специфику трудовой деятельности актера (который к тому же видит «во всем происходящем [имеются в виду пожары в России и наводнение в Европе] не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса» [там же]), здесь нет ничего удивительного: декорации привычно создают необходимый антураж, выстраивая подобия реального мира; грим и сценический костюм сотворяют персонажа спектакля или фильма, имитирующего настоящего человека, и т. п. Однако наиболее примечательным звеном псевдологического построения оказывается, на наш взгляд, отождествление **н а з в а н и я** и **п о н я т и я**. Собственно, это вожделенная мечта профессиональных лицедеев совсем иного уровня: властных манипуляторов, ведущих игру в слова, – и ведущих в ней; именно к упомянутому отождествлению как доминирующему способу мышления (и, естественно, единомыслия) направлены информационно-психологические операции. Вот что декларирует один из «жрецов власти» в «1984»: «... Вам следует понять, что власть – это власть над людьми, над телом, но самое главное – над разумом. Власть над материей – над внешней реальностью... не имеет значения... Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность – внутри черепа» [Оруэлл 1989а: 179].

Может быть, еще и поэтому – чтобы отвести от себя малейшие подозрения в инакомыслии – вроде бы профессиональный юрист предлагает, по сути дела, не вдаваться в какие-либо дискуссионные аспекты переименования, решительно заявив: «Законодательная инициатива президента страны о преобразовании нынешней милиции в полицию понятна и прозрачна без каких-либо толкований» [Семеняко 2010: 5].

Между тем – следовало бы все-таки с большей осторожностью отнестись к рекомендациям политтехнологов, спичрайтеров и прочих соавторов переименований-инноваций, а именно – учесть некоторые константы упомянутого «обыденного метаязыкового сознания» на уровне устойчивой сочетаемости некоторых слов, вызываемых ими ассоциаций и т. п. Например, наличие (в том числе и в современном публичном и публицистическом дискурсе) явно негативно оценочных словосочетаний «*полицейские меры, полицейское государство* (ср.: *полицейский... 3) не одобряющий* на полицию... и *жандармерию*, характеризующийся грубым насилием и произволом. *Полицейский террор. Полицейские методы управления*) [МАС₂ 1983: 262]), и существительного *полицейщина* – «разг. не одобряющая система полицейской регламентации всей общественной жизни; полицейский режим» [там же] (что, кажется, ничем не отличается от многократно проклятого советского тоталитаризма) и, конечно, еще не вполне стёртого из исторической памяти этносоциума слова-клейма *полицай* – «разг. презр. полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечест-

венной войны)» [там же]. Ср. по поводу последнего: «Некоторые [немецкие] слова в речи русского человека подвергались смысловому преобразованию, в ходе которого изменяли характер предметной отнесенности. Словом *полицай* (нем. *Polizei* – *полиция*) обозначались военизированные формирования, которые создавались из отщепенцев на временно захваченной территории, но это слово в речи русских превратилось в презрительное обозначение полицейских, – кто пошел на службу в полицию; примечательно, что в фашистском лексиконе функционер полицейских формирований назывался по-немецки: *полицист* (*Polizist* – *полицейский*). Но в речи местного населения блюстителей «нового порядка» всё же называли словом *полицай* – именем того учреждения, где служили изменники родины. Не прежнее слово *полицейский*, а слово *полицай* становится обозначением и отрицательной оценкой функционеров, творивших злодеяния на оккупированной территории. Закреплению оценочного наименования за *полицистами* – полицейскими, несомненно, способствовало то, что слово осмыслялось как образование с суффиксальным показателем *-ай*, *-яй*; русские образования на *-ай*, *-тяй*, *-дяй* обозначают «презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *негодяй*, *кисляй*, *разгильдяй*, *лентяй*, *скупердяй*, *слунтяй*» [Кожин 1985: 279-280] (со ссылкой на В. В. Виноградова).

По каким-то, наверное, очень важным причинам потенциальное участие этих факторов психосоциолингвистического характера оставили без внимания (как и возможную реакцию молчаливого отторжения от таких инноваций среди немалого числа дей-

ствующих сотрудников МВД). Что же касается так называемого общественного мнения, то его явно не успели подготовить к следующему этапу *модернизации*. Видимо, этой незрелостью сознания электората в оценке очередного прогрессивного нововведения объясняются показатели соответствующих социологических обследований. По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 14-15 августа 2010 года с привлечением 1600 респондентов, на вопрос: «К каким последствиям, по-вашему, приведет переименование милиции в полицию?» – были получены ответы: 63% – «эта мера ничего не изменит, всё останется по-прежнему»; 15 % – «эта мера приведет скорее к негативным последствиям»; 11% – «эта мера приведет скорее к положительным последствиям»; 11% – «затрудняюсь ответить» [ГН 2010: 1]. Конечно, и к таким результатам надо относиться с определенной осторожностью, но – именно в демократическом правовом государстве (см. действующую конституцию РФ) подобные опросы было бы разумно проводить заблаговременно, до принятия широкомасштабных кардинальных решений. С другой стороны, понятно, что итоги социологических опросов (ранее осуществлялись и референдумы) во многих случаях (из-за той же якобы гражданской незрелости населения), будучи учтенными властями, оказались бы непреодолимым барьером, препятствующим претворению в жизнь реформ, которые, как неоднократно декларировалось, направлены именно на благо электората, не желающего (может быть, и не способного) видеть светлые перспективы своего бытия – скажем, в 2020 году... Кроме того, существуют прецеденты референдумов, результаты

которых мудро не принимались властью во внимание (например, в 1991 г. – по поводу будущности Советского Союза). Впрочем, известное фольклорное речение, бесспорно справедливое по своей сути – «сверху виднее» (вариант «начальству виднее»), может быть дешифровано и так: «Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна» [Зиновьев 1990: 205]). Ранее было замечено: «Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! Нет! Это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства... Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения... Никогда не понять ему их, если само правительство не даёт ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно» [Прутков 1976: 138-139].

Однако же чуть ли не ежедневно (по крайней мере, если даже судить об этом по сообщениям СМИ) обыватели убеждаются в том, что российская *полиция* в лице её, увы, достаточно многочисленных представителей склонна к совершению разнообразнейших правонарушений ничуть не менее, чем российская *милиция*. А потому, по данным социологического опроса, проведённого Левада-центром, в июне 2012 г. 73 % российских граждан считало, что *полиция* не заслуживает доверия (кстати, и по сию пору в бытовом общении многие речедееатели именуют её

по-прежнему – *милицией* – видимо, не только в силу определённой инерции мышления, но и из-за отсутствия сколько-нибудь внятных различий между *милицией* и *полицией*).

Любопытно отметить и то, что, судя по всему, декларируемая реформа МВД России (как и прочие подобные *инновации*) очень далека от своего завершения. Так, министр МВД В. Колокольцев учредил – в дополнение к имеющимся структурам – ещё и «расширенную рабочую группу по дальнейшему реформированию органов внутренних дел», которая уже успешно заседает [Куликов, Фалалеев 2012: 8.]. Можно предполагать, что и эту реформу постигнет судьба ранее провозглашенных – и столь же перманентных: ведь совершенно невозможно установить, каковы успехи того или иного нововведения власти, если реформа окончательно не завершена. Следовательно, за финальный (обещанный) результат никто (и в первую очередь – высшие руководители) не несёт никакой ответственности.

Поэтому вербально-магические операции властей несомненно будут продолжаться с неменьшим размахом, а значит, лингвистические исследования в этом направлении сохранят свою актуальность.

Что же касается основной массы носителей русского языка, то им, во избежание стать жертвами словесных манипуляций, следует чаще вспоминать поговорку: «Не смотри на клочку, смотри на птичку» [Даль 1984: 168]. Кроме того, по справедливому суждению М. М. Бахтина, «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...» [Бахтин 1986б: 317].

Лингвополитические фокусы: успехи (псевдо)эвфемизации

... Нечто формально правильное,
а по сути издевательство.

В.И. Ульянов-Ленин

Несомненна непреходящая ценность вербального материала, используемого разнородными идеологическими жрецами, заклинателями и проповедниками в сотворении социальной реальности, необходимой их работодателям. Причём конструироваться может, конечно, не столько сама реальность, зачастую весьма неприглядная, сколько маскирующие её словесные декорации, скрывающие от излишне доверчивой аудитории подлинное состояние дел. Вполне понятно, что не стал исключением и перестроечно-реформаторский период, ознаменовавшийся радикальным переходом «от империи лжи к республике вранья» [Поляков 2005: 67].

Особенно оправдано внимание к таким словесным играм со стороны лингвистов. По глубоко справедливому суждению выдающегося польского лингвиста, «систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их сигнализируют, должно составлять одну из главных общественно-просветительских целей языкознания» [Дорошевский 1973: 15].

Надо иметь в виду, что «убеждение в тождестве или объективной связи изображения [в этом обширном смысле слова] и изображаемого свойственно не одному лишь детству человеческой мысли... Это

убеждение лишь меняет свое содержание с успехом знаний» [Потебня 1976б: 279-280]. Вербальная магия постоянно применяется для выполнения социально-манипулятивных задач⁴. При этом лексическое значение слова либо трансформируется почти радикально, вплоть до возникновения энантиосемии, либо попросту выхолащивается. Кроме того (в соответствии с канонами вербальной магии), зачастую обозначение «приравняется» к обозначаемому, что также способствует успеху манипуляций.

Ранее подобные феномены уже рассматривались на примере советской риторики, где при конструировании текстов, направленных на созидание нового, борьбу с врагами и руководство массами в целях социалистического хозяйственного строительства, используется магия слова [Романенко 2003: 222-226].

Подобные явления и сегодня изучаются в различных аспектах. Так, с точки зрения герменевтики, установлено, что в текстах российских СМИ часто наблюдается перетряхивание клише, которые слабо связаны даже между собой, что приводит к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. К богатому набору таких клише, никоим образом не поддающихся сколько-нибудь логичному осмыслению, «относятся, например, словосочетания *переходный период, трудности переходного периода* для объяснения и обозначения нынешней ситуации в России. Переход должен быть процессом от чего-то к чему-то. От чего? От реального социализма? Но такого в реальности не было, как и не было его дефиниции. Что требуется менять, кроме передела государственной

⁴ Ср. ассоциативно точное определение пропагандистского штампа *перестройка* как «слова-заклинания» [Исаев 1991: 3].

собственности, не выяснено...⁵ Переход к чему? Говорят, к демократическому государству. Но понимание его не соответствует не только общепринятому в развитых государствах, но и историческим реалиям российской государственности... Поэтому «переходный период» из ничего в ничто просто обозначает ситуацию нестабильности и является неологизмом, закрывающим обсуждение неприятного вопроса о том, что же происходит» [Артамонова, Кузнецов 2003: 45] (то есть на практике заранее радикально устраняет саму возможность понимания обществом сути событий, их вектора и наиболее вероятных результатов).

Чрезвычайно распространенным со времен т. н. перестройки стало устойчивое словосочетание *человеческий фактор* (вероятно, заимствование из англ.: «the human factor» – из заглавия книги экономиста Б. Сибоба «Человеческий фактор в предпринимательстве» 1921г.; см. [Душенко 2006: 428]). Оно употребляется в тех случаях, когда соответствующие инстанции не могут (или не хотят) установить личность виновных в различного рода чрезвычайных происшествиях и авариях, в «техногенных катастрофах» и в неудовлетворительной ликвидации последствий стихийных бедствий и т. п. Таким образом, *человеческий фактор* успешно замещает не только фамилии конкретных деятелей, но и квалификации чьих-то деяний вроде «халатность», «нарушение техники безопасности», «несоблюдение служебной дисциплины» и т. п. Естественно, что установление

---

⁵ Ср. сегодня несколько утратившие частотность заявления реформаторов о том, что, дескать, большевики по-шариковски «взяли всё – и поделили». Но ведь если тогда поделили между всеми, то сами-то реформаторы взяли всё – и поделили между собой, любимыми и весьма немногими...

виновности *человеческого фактора* в чем-либо не влечет за собой какой бы то ни было персональной ответственности, а это, в свою очередь, вполне устраивает очень многих.

Ср.: «Сыщик... пошарил, понюхал, покачал головой с самым глубокомысленным видом и достиг такого же поразительного успеха, какой обычно выпадает на долю всех представителей этой профессии, а именно: он объявил, что «напал на след». Но ведь «след» повесить за убийство нельзя...» [Твен 1978: 149]. Собственно, примерно столь же эффективно трудятся и российские правоохранительные органы, как-то уж очень неожиданно (в первую очередь, для самих себя) обнаруживая хищения государственных средств, крупные мошенничества и т. п. К этому моменту прозрения виновные обычно оказываются на излечении за рубежом. Ясно, что в такой ситуации «борьба с коррупцией» будет вестись до скончания времён, особенно – если учесть высокую вероятность принятия так называемой «экономической амнистии», то есть освобождения от уголовной ответственности казнокрадов, аферистов и прочей почтеннейшей публики, социально и морально близкой инициаторам и проповедникам столь гуманной акции.

Одним из наиболее известных – в силу своей востребованности властями предерживающими и споспешествующим персоналом – в светлую годину российских реформ стало весьма диффузное в семантическом отношении, но тем не менее (или, может быть, наоборот, – тем более) устойчивое словосочетание *административный ресурс*. Оно используется главным образом тогда, когда идёт речь о попытках, успешных или

безуспешных (это зависит прежде всего от того, поддерживаются ли они верховным руководством, главами финансово-промышленных групп и т. д. – в общем, *элитой*), повлиять на исход сугубо демократических выборов разных уровней. Обычно такие попытки осуществляются действующими в период избирательной кампании представителями исполнительной власти и приобретают в каждом конкретном случае свои, но довольно типизированные формы мероприятий, направленных на устранение как реальных, так и потенциальных конкурентов (запреты на проведение митингов и демонстраций, уничтожение средств наглядной агитации, недопущение к каналам СМИ, обыски в штаб-квартирах и офисах оппозиционеров, возбуждение уголовного преследования против их лидеров, лишение возможности встречаться с избирателями и т. д.). Довольно часто ореолом *административного ресурса* освящены восхищающие и ошеломляющие малоинформированного наблюдателя феномены карьерного взлёта, чрезвычайно успешной предпринимательской деятельности и молниеносного обогащения родственников, близких и приближенных российских руководителей разных рангов: обычно для широкой публики это объясняют (впрочем, изредка) выдающимися талантами представителей *элиты*⁶.

⁶ См. вполне официальную информацию об этом на страницах российского правительственного издания: Царев И. Дорогая моя // Российская газета-Неделя. № 102. 13.05.10. С.11; Елков И. Семейные ценности // Российская газета-Неделя. № 108. 20.05.10. С.4; Елисеев И. Добра палата // Российская газета-Неделя. № 108. 20.05.10. С.5; Дорогие жены // Российская газета-Неделя. № 114. 27.05.10. С.11. Ср.: «... Всего год был дан, чтобы подготовиться к подаче деклараций [о доходах], и как-то получилось, что за этот год жёны почти всех чиновников

Активных применителей *административного ресурса*, как правило, не подвергают никаким, даже символическим наказаниям, вроде публичного порицания, не только потому, что они представляют в предвыборных баталиях или в коммерческой конкуренции заведомо сильнейшую сторону и, таким образом,

---

стали очень талантливыми» [В чем сила, брат? Интервью Н. Левичева, руководителя фракции «Справедливая Россия» в Госдуме // Российская газета-Неделя. № 118. 02.06.11]. Впрочем, некоторые представители «элиты» иногда снисходят до признания своей исключительной даровитости и трудоспособности. Например, К. Собчак: «Я всю свою карьеру делала сама. Большим трудом. Никто не помогал. Никакая мама. Ни у кого я не просила» [Не хочу быть дипломатом // Российская газета-Неделя, № 108. 20.05.10. С.26].

Небезынтересно отметить некоторые черты морального облика, общие для разных представителей социального слоя, предпочитающих относить себя к *элите*. Например, по словам Т. Юмашевой (б. Дьяченко, дочери Ельцина, по совместительству занимавшей в 1996-1999 гг. должность советника президента), указ-индальгенция об освобождении бывшего главы государства от какой бы то ни было ответственности за содеянное им на высшем государственном посту не удивил членов с(С)емьи: «В общем-то не чего было бояться, ничего такого не сделали, за что было бы стыдно» [24. Ren-TV. 30.12.09]. – «Я занимаюсь нацпроектами, здравоохранением, социальной политикой, образованием, культурой, и почти в каждой области за последние годы достигнуты зримые результаты, за которые мне не стыдно» [вице-премьер А. Жуков // РГ-Неделя. № 167. 29.07.10. С.9]. – «У меня совесть чиста» (В. Матвиенко – об итогах своей деятельности на посту губернатора Санкт-Петербурга) [Неделя. Ren-TV/ 03.07.11]. – «Н а м не чего стесняться ...» (кандидат в президенты РФ В. Путин) [24. Ren-TV. 08.02.12]. – «Я не сделал ничего, за что было бы стыдно» (Л. Константинов, основатель финансовой корпорации-«пирамиды» «Хопёр-Инвест», ныне обретающийся в Израиле) [Ren-TV. 08.04.13] и т. п.

неизбежно обречены стать победителями (которых, как давно и хорошо известно, не судят: это они судят побеждённых). В качестве универсального защитного средства используется вербально-маскировочное прикрытие.

Чтобы понять суть этого манипулятивного словесного фокуса, достаточно ознакомиться с формулировками некоторых статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

В главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» – ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» сказано: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов общества или государства..., совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового».

Статья 286 «Превышение должностных полномочий» гласит: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных

интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – ... совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Как видно из этих формулировок, закон предусматривает довольно жёсткие наказания за совершение упомянутых деяний. Однако ст. 14 того же УК РФ «Понятие преступления» содержит следующие дефиниции: «1. Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания. 2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Понятно, что если именовать некоторые действия, «формально содержащие признаки» злоупотребления должностными полномочиями или их превышения, *использованием административного ресурса*, то ни о каком уголовном преследовании его инициаторов и активных участников не может быть и речи: текст УК РФ попросту не содержит этого словосочетания. «Закон всегда морален. Иначе это плохой закон»

[В. Путин. Прямая линия. 1 канал. 25.10.06]. Может быть, ещё и потому – во имя сохранения моральных ценностей – вертикаль власти склонна укрепляться за счёт назначений, а не выборов. Смутное ощущение многих граждан, что *административный ресурс* – это всё-таки вряд ли сугубо позитивное явление, наталкивается на неколебимую самоуверенность политически целомудренной *элиты*. Ведь «преступление – это то, что совершает кто-то другой» [Стейнбек 1987: 733].

И действительно: хотя, по словам кинодеятеля Ф. Бондарчука, члена партии «Единая Россия», «в последнее время все мы очень плохие – все мы пользуемся административным ресурсом, все мы у власти и так далее...» (цит. по: [Польгуева 2011: 2]), специалисты в других областях придерживаются несколько иного мнения. Ср. следующий диалог: «[М. Барщевский:] Как вы сформулируете, что такое административный ресурс при проведении выборов?» – заместитель председателя Центральной избирательной комиссии РФ С. Вавилов: «Административный ресурс – явление действительно своеобразное, но, с к о р е е , этическое [чем какое? – А. В.]. Вроде есть, а документально подтвердить или опровергнуть очень сложно [попытки проделать это неизвестны. – А. В.]. П о н я т н о , что если у одного кандидата ресурсы большие, чем у других, он в п ы л у с о р е в н о в а н и я [чуть ли не в состоянии аффекта. – А. В.] постарается ими воспользоваться. Конечно, использование административного ресурса свидетельствует об уровне политической культуры кандидатов. Каждый конкретный случай нужно рассматривать индивидуально» [РГ-неделя. №143. 01.07.10. С.8]. В общем, ничего страшного.

Такие маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и, соответственно, для сотворения глубоко мифологизированного общественно-го сознания, могут быть рассмотрены и в несколько ином аспекте.

Одним из видов парадигматических отношений, существующих в лексико-семантической системе языка, является синонимия – «совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов...» [Ахманова 1966: 407]; «синонимы – слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному – или выделяя в называемой вещи различные её стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы..., как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу...» [Шанский 1972: 52].

Но нередко «возможность отнесения разных слов к одному явлению определяется не их собственной равнозначностью или смысловой близостью, а различным отношением или оценкой данного явления» [Шмелёв 2003: 143]. С этим во многом связан феномен эвфемизации – непрямого, прикрытого, вежливого, смягчающего обозначения (см. [Ахманова 1966: 521]). Эвфемизация как один из компонентов культуры речи может сделать её и гиперкорректной – в соответствии с представлениями носителей языка об идеальных формах выражения, выступающих в роли важных социальных маркеров-стереотипов. Ср. классические примеры: «... Дамы города N отличались, подобно дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они:

«я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством носового платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя» [Гоголь 1956: 150]. – «...Вместо гигантов, сгибавших подковы и ломавших целковые, явились люди женоподобные, у которых на уме были только милые непристойности. Для этих непристойностей существовал особый язык. Любовное свидание мужчины с женщиной именовалось «ездю на остров любви»; грубая терминология анатомии заменилась более утончённою; появились выражения вроде: «шаловливый мизантроп», «милая отшельница» и т. п.» [Салтыков-Щедрин 1953: 152].

Эвфемизация – одна из распространённых разновидностей игры в слова, активно применяемая в том числе и в текстах СМИ. Приведём здесь лишь несколько наиболее частотных примеров эвфемизмов в контекстах, позволяющих объяснить причины эвфемизации.

Так, уже с начала реформаторского (*переходного*) периода широко употребительной стала эвфемизация, тематически обслуживающая сферу трудоустройства.

Неслучайна уже сама замена субстантивированного *безработный* на *неработающий*: по всей видимости, предполагается, что внутренние формы каждого из этих слов воспринимаются по-разному; ср. «*безработный* – лишённый возможности получить работу, заработок» [МАС₂ 1981, 1: 75] – и *неработающий* – см. «*работать* – 1) заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться; 2) трудясь, создавать, совершенствовать или изучать что-либо;

3) заниматься каким-либо трудом, обеспечивая или обслуживая кого-, что-либо» [МАС₂ 1983, III: 575]; соответственно, если *безработный* лишён кем-то или в силу каких-то обстоятельств возможности трудиться (оставлен без работы), то не работающий, скорее всего, сам избрал себе такой статус: не работает, потому что не хочет. А *безработица* – это, оказывается, всего лишь безмятежно-сладостный «период профессиональной не востребоваемости» [7 канал. 14.06.01], и потому он концептуально отождествляется с долгожданным обретением свободы, которая была бы невозможна при бесчеловечном тоталитаризме, почему-то определявшем индивидуумов, не желавших трудиться, как тунеядцев, да ещё и наказывавшем таких свободолюбивых граждан, деспотично принуждая их к общественно полезному труду. К тому же слово *неработающий* ранее применялось, кажется, исключительно по отношению к предметам неодушевлённым: *неработающий станок, неработающий утюг* и т. п.

Зато теперь наступило время иных аксиологических установок: «У нас порядка пятьсот человек *высвобождается*» [гл. инженер шахты «Амурская». – Время. ОРТ. 21.04.00]. «Массовое *высвобождение* четырёх с половиной тысяч человек [вследствие расформирования ракетной части]» [ИКС. КГТРК. 11.12.01]. «*Высвобождается* первая очередь сокращаемых в угольной отрасли края – 597 человек» [Новости. Афонтово. 04.02.03]. «У нас в Сосновоборске нет мест, которые могли бы принять *высвобождающихся* работников завода [глава сосновоборской администрации – об увольнении почти половины рабочих завода автоприцепов, единственного крупного предприятия в этом городе. –

Новости. ТВК. 15.05.02]. «В законодательном собрании пройдут публичные слушания о неотложных мерах по *массовому высвобождению* рабочих. В ближайшее время п о т е р я ю т р а б о т у несколько тысяч человек. Такое *массовое высвобождение* грозит социальным взрывом» [Новости. ТВК. 14.02.03].

Ср. также: «Не секрет [!], что в преддверии зимы сложилась *непростая обстановка* в снабжении северян топливом» [т. е. из-за отсутствия топлива в условиях Крайнего Севера могут вымерзнуть целые города и районы. – Вести. 09.11.98]. «Север [из-за срыва завоза продуктов] может ощутить огромные *проблемы с продовольствием*» [иначе говоря, становится реальной угрозой голода. – Вести. РТР. 02.08.96] и т. п. «Вова – один из семисот тысяч российских *социальных сирот* – так называют сирот при живых родителях» [Студия-2. КГТРК. 05.10.02]. «Центр «Родник»: здесь есть *социальная гостиница-дом* ночного пребывания для не имеющих жилья. По словам директора *пансионата*, количество постояльцев растет» [Обозрение-7. 7 канал. 05.10.02] (в досоветские времена подобное заведение называлось *ночлежкой*). «С самого начала, по официальной версии, армия там [в Чечне] не *воевала*, а восстанавливала *конституционный порядок*» [Обозрение-7. 7 канал. 25.06.02]. «Журналисты утверждают, что министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил 16 *нетрадиционных методов ведения допроса* [в военной тюрьме Гуантанамо]... ГУЛАГ на Кубе...» [24. Ren-TV. 14.06.05] (имеется в виду разрешение пытаться пленных; здесь, конечно, по-своему интересно привлечение для характеристики сегодняшней а м е р и к а н с к о й тюрьмы в качестве некоего эталона былинного

советского ГУЛАГа). «Альтернативные источники тепла – печи-«буржуйки» в домах жителей дальневосточного Углегорска» [Новости. ОРТ. 07.07.03]. «Рабочим [более тысячи человек, уволенных эффективными собственниками угольного разреза «по сокращению»] выделено 20 миллионов рублей на трудоустройство. Эти деньги красивозназываются *стабилизационным фондом*» [Обозрение-7. 7 канал. 14.02.03]. «Министр иностранных дел Сергей Лавров говорит о трансформации НАТО» [Новости. ОРТ. 02.04.04] (т. е. о приближении НАТО вплотную к границам России). «Социально неадаптированные граждане» [Б. Горный, пресс-секретарь санэпидстанции. Новости. Прима-ТВ. 18.08.03] (то есть неимущие, без определенного места жительства). «Социально направленный ресторан: цена комплексного обеда – 60 рублей» [Детали. Прима ТВ. 06.05.05] (иначе говоря – для бедных). «Рядом со зданием Центрального рынка планируется построить *социальный рынок*, где будут торговать красноярские огородники» [Радио «Шансон». 20.01.06] (преимущественно – бедствующие пожилые пенсионеры).

Тем не менее следует воздать должное власти в лице чиновников разных уровней, проявляющих неподдельную озабоченность положением населения и радеющих о нем: «Мы решили сделать учителям *подарок* к Новому году – выплатить зарплату» [зам. главы краевой администрации. – ИКС. КГТРК. 17.11.98]. «Этот *подарок* красноярцам сделал наш земляк министр МПС Геннадий Фадеев: новый электропоезд до Боготола. ... Билет будет стоить не более 110 рублей» [Новости. Прима ТВ. 28.03.03]. «Новая жизнь в Емельяновской больнице стала воз-

можной только благодаря властям района» [Вести-Красноярск. 28.03.05]. «Дети посёлка Громадск Уярского района получили подарок с губернаторским размахом – новую школу. ...Строительство школы возобновилось по инициативе губернатора» [Вести-Красноярск. 01.09.08]. «Помощь льготникам станет *особо адресной*: льготы сохраняются только для тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума» [Вести. РТР. 01.02.99] и т. п. Из новейших примеров: к 65-й годовщине победы в Великой Отечественной престарелая женщина – «ветеран войны в сё - т а к и дождалась главного подарка к юбилею Победы – отдельного благоустроенного жилья» [Вести-Красноярск. 06.05.10]. Вроде бы должно было успокоить горожан, привыкших к различным жилищно-коммунальным авариям и неурядицам, обещание администратора: «Этим летом *м а с - ш т а б н ы х отключений* горячей воды не будет. Красноярцам *г р о з я т* лишь частичные неудобства» [В. Мурысин, начальник ЖКХ г. Красноярска. Новости. 7к. 16.05.05]. Однако жильцы несомненно поняли, а затем и убедились в очередной раз в *м а с - ш т а б н о с т и отключений* (кстати, вовсе не отменяющих оплату отопления и горячего водоснабжения за этот период). Небезынтересно, кстати, что благодеяния власти распространяются уже и на интимные стороны жизни признательного населения: «Усс [председатель Заксобрания Красноярского края] подарил канским молодоженам конфеты, якобы обладающие мобилизующей силой, и, конечно, фото на память. Будут показывать эти фотографии своим детям и рассказывать, *б л а г о д а р я* кому они на свет появились» [Новости. 7 канал. 03.09.06].

Следует заметить, что лексические значения некоторых ключевых слов изменились за сравнительно короткий период либо обросли созначениями и обогатились коннотациями. Существительное *реформа*, прежде оценочно-нейтральное, за последние годы приобрело устойчивый негативно-коннотативный ореол. По признанию одного из региональных политиков-реформаторов, «слово *реформа* жителей нашей страны уже просто п у г а е т» [депутат Законодательного собрания Красноярского края А. Клешко. После новостей. ТВК. 09.03.04] (кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, почему-то не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности этой, казалось бы, нейтральной лексемы). А ведь, по компетентному мнению другого регионального политика и депутата, «в с е реформы в России сопровождаются ростом тарифов» [В. Сергиенко, председатель краевого союза промышленников и предпринимателей. ИКС. КГТРК. 25.06.02]. Прозорливо прогнозируя естественную реакцию граждан, чиновники «на совещании... предложили назвать *реформу* [жилищно-коммунального хозяйства] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01], но – безуспешно: лингвистический фокус не удался. Поэтому-то «красноярцы шли выразить свой протест т а к н а з ы в а е м о й реформе ЖКХ» [Новости. ТВК. 04.03.02], а вдруг ставшие ну просто очень человеколюбивыми чиновники стали напряженно думать, «как з а щ и т и т ь ветеранов и инвалидов от *реформы* ЖКХ» [Новости. Афонтово. 23.01.03] (между прочим, и смена названия соответствующего ведомства – вместо советского

социальное обеспечение сегодняшнее *социальная защита* – тоже кое-что объясняет).

Вполне закономерно, что для сохранения беззаветной толерантности населения непрестанно изобретаются и вводятся в широкий пропагандистский оборот через СМИ всё новые эвфемизмы к словам *реформа* и *реформировать*. Ср.: «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа* и говорят о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «...Почему это и не *реформа* называется, а модернизация» [чиновник минобрнауки РФ – о введении т. н. «профильного образования». – Обозрение-7. 7 канал. 28.10.02]. «*Урегулировать* [т. е. повысить. – А. В.] *тарифы* жилищно-коммунального хозяйства» [Вести – Красноярск. 14.10.02]. «[Диктор:] «Центральный аппарат [министерства обороны] будет не столько *реформирован*, сколько *видоизменен*». [Министр обороны РФ С. Иванов:] «Не столько *реформа*, сколько *оптимизация*» [Доброе утро, Россия. РТР. 21.04.04]. – «Сергей Иванов боится одного – *реформы*. Это слово заменено словом *модернизация*» [24. RenTV.08.02.07]. «Не *реформа* жилищного законодательства, а *упорядочивание*» [Вести. РТР. 01.02.05]. «Люди плохо воспринимают слово *реформа* – в результате плохих *реформ* здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования... Поэтому, может быть, более уместно использовать не слово *реформа*, а, например, «*изменение к лучшему*» [А. Жуков, вице-премьер. Новости. ОРТ. 06.04.05] и т. п. Небезынтересно, что и реформаторы русского правописания также использовали подобный псевдоэвфемистический прием: «...На самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не *реформа*» [Лопатин 2001: 55].

Однако многие носители русского языка, хорошо усвоившие малорадостный опыт собственного существования в перестроечно-реформаторский (тот самый «переходный») период, научились довольно быстро распознавать сущность и цели подобных политкорректных словесных фокусов, ср.: «Почему всюду говорят, что это *«реформа ЖКХ»*, а на самом деле – поднятие тарифов?!» [вопрос телезрителя – ТВК. 04.03.03].

Ранее эвфемистические обозначения перманентных экспериментов над населением (и, кстати, всегда с приблизительно одинаковыми результатами) варьировались и при назывании некоторых их частных воплощений, например: «Не надо называть работу с сельхозпредприятиями *банкротством: выздоровление* – да, *оживление* – да... Слово это [*банкротство*] обидное и далеко не всегда уместное» [Крестьянские ведомости. ОРТ. 19.04.98]. «Самарские чиновники вместо *«задержка пенсий»* предпочитают говорить *«смещение сроков выплаты пенсий»* [Время. ОРТ. 03.04.98] и т. п.

Но, поскольку от изобретения политкорректных словесных знаков суть называемых ими явлений не меняется, а толерантность граждан повышается почему-то медленно, политтехнологам приходится продолжать исследования синонимических рядов русского языка, попутно обогащая их ресурсы.

Одной из относительно свежих находок стало введение в политкорректный официозно-речевой оборот слова *амбициозный*. Вероятно, предпочтение ему отдаётся из-за скрытой, как и у других заимствований, внутренней формы – может быть, по этой причине многим российским руководителям и их службе так

полюбилось упомянутое прилагательное, употребляемое ими как положительно оценочное (например, «амбициозные проекты» – нечто вроде *грандиозные*) безо всяких на то причин (ср. «амбициозный – прил. к *амбиция* – чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.» [Толковый словарь 2001: 18-19]; «амбиция [фр. Ambition < лат. ambitio] – обострённое самолюбие, самомнение; спесь» [СИС – 1979: 31]). Вот лишь один из очень многих примеров подобного словоупотребления – в суждении гендиректора ВЦИОМа В. Федорова по поводу одного из «событий недели» – пуска реактора на Волгодонской АЭС: «Первый за долгое время признак того, что амбициозная программа строительства новых ядерных станций в России может стать реальностью. И что наша атомная энергетика остаётся конкурентоспособной» [Фёдоров. Пять событий недели // РГ-Неделя. № 62. 25.03.10. С. 2]. В данном случае кое-что объясняется родом профессиональной деятельности г. Фёдорова – социологическими обследованиями («мониторингом») российского населения, в которых значительна роль статистики, или, точнее, интерпретации объективных (?) статистических данных (ср. апокрифический афоризм, обычно приписываемый Марку Твену: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» [Душенко 2006: 633]). Возможно и иное объяснение, а именно – влияние английского языка, порождающее семантическое калькирование, которое, в свою очередь, приводит к речекоммуникативным неудачам и тупикам, то есть возможностям различных толкований одного и того же высказывания (шире – текста), проистекающим из, как минимум, потенциально вариативного восприятия его ключевых слов.

Ведь, в отличие от вышеприведённых дефиниций существительного *амбиция* и прилагательного *амбициозный*, содержащихся в русскоязычных словарях, словарь двуязычный даёт несколько иное толкование и указывает несколько иные коннотации соответствующих английских слов, хотя и происходящих от того же латинского источника. Ср.: «ambition – 1) честолюбие, амбиция; 2) стремление, цель, предмет желаний; it is his a. to become a writer его мечта стать писателем; ambitious – 1) честолюбивый; a. of power властолюбивый; 2) претенциозный» [Мюллер 1956: 27]; а также: «ambition – 1) strong desire, esp to be successful: A man who is filled with~usually works hard; 2) particular desire of this kind: He has great~s; 3) object of such a desire: achieve one's~(s); ambitious – 1) full of ambition: an~woman; ~ to succeed in life; 2) showing or needing ambition: ~plans; an ~ attempt» [Hornby 1984: 20] (ср.: «Банда амбициозных грабителей в США напала на кредитное учреждение» [Новости. ТВК. 03.09.10]).

Хорошо известны способности к изучению иностранных языков современных высших российских руководителей. Например: «... В Германии говорит прямо на чисто немецком языке... Очевидно, что к первому человеку России небесные светила благоволят» [В. Власенко. Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. – «...В Ново-Огарёво обнялись, обменялись рукопожатиями... Несколько минут Владимир Путин и Тони Блэр говорили по-английски» [Время. ОРТ. 29.04.03]. – «Президент Путин и премьер-министр Финляндии продолжили переговоры на английском языке» [Новости. ОРТ. 02.08.05] и т. д.; традиция была успешно подхвачена преемником: «Российский президент на английском языке поздравил американцев

с наступающим праздником Рождества» [Сегодня. НТВ. 19.12.09] (неудивительно, что и первый президент России, находясь на вполне заслуженном им за титанические свершения отдыхе, тоже задался благородной целью личного освоения иностранного языка: «Чтобы загрузить мозги, которые у меня не загружены полностью, я начал изучать английский язык» [Б. Ельцин. Вести. РТР. 09.06.02]).

Безусловно, российского телезрителя должны радовать публичные демонстрации «топ-менеджерами» РФ их блестящего владения иностранными языками (обычно – в переговорах с зарубежными руководителями и в выступлениях перед зарубежной же аудиторией, хотя, кажется, дипломатический протокол не предусматривает подобной модели речевого поведения и не регламентирует ее как строго обязательную). По крайней мере, это выгодно отличает многих демократических правителей от их советских предшественников, в большинстве своем явно не бывших полиглотами, но, правда, сумевших построить и законодательно обеспечить такую государственную систему образования, при которой бесплатное изучение иностранных языков в школе и вузе было доступно всем желающим (по-видимому, в их числе находились и сегодняшние высшие должностные лица России).

Вероятно, политические и политкоммерческие игры в слова, разновидностью которых является в официальном публичном разговорном общении отказ высокопоставленного адресанта от использования родного и при этом государственного языка управляемой им страны (см. ст. 68 Конституции РФ), оправдываются какими-то соображениями, – политические спектакли могут иметь цели, неведомые телеаудитории (их до-

стижение, конечно, предполагает существенное повышение её благосостояния). Правда, надо было бы учитывать возможность возникновения психолингвистического феномена, который был образно описан классиком отечественной филологии: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияет лишь посредственно. Это усилие может сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [Потебня 1976б: 260]. Тот же великий лингвист замечает далее: «Вероятно, многие испытали на себе неприятное впечатление фальши, неискренности, слушая певца или актера, говорящего в угоду местной публике на непривычном для него наречии. Искусство переходит здесь в лицемерие» [Потебня 1976б: 265]. Впрочем, понятно, что А. А. Потебня не имел в виду политиков, тем более – современных российских.

С другой стороны, в практике международного общения «на высшем уровне» оказывается необходимым ведение переговоров без участия переводчиков. Например, в статье «Так называемое Мировое правительство собралось в Барселоне» сообщается, в частности: «... Более 100 иерархов экономики, финансов, политики и СМИ ... приехали ... на ежегодную встречу Бильдербергского клуба – некоего теневого мирового правительства... Организация требует, чтобы «никто не давал интервью» и не раскрывал ничего, что бы «сказал отдельный участник». Непременное требование – прекрасное знание английского языка..., на заседаниях

нет переводчиков ... Исследователи этой организации говорят, что [ее члены] ... всегда собираются чуть ранее встречи G-8 (ранее G-7) и что [они] стремятся к созданию нового мирового порядка, правительства, армии, экономики и общей идеологии» (цит. по [Кастро 2010: 7]).

До некоторой степени подчеркнуто благоговейное отношение к иностранным языкам (в отличие от родного для многих и государственного – для всех граждан РФ) вообще и к употреблению иноязычных заимствований – в частности, распространенное среди именующих себя *элитой* российского общества, напоминает ситуацию в раннесоветском официозном дискурсе. Она неоднократно анализировалась авторами того времени.

На очевидное излишество заимствований в речевом потоке обращали внимание даже некоторые вожди. Так, в заметке 1919 (1920 г.), ранее бывшей хрестоматийной, с весьма характерным названием «Об очистке русского языка» и еще более характерным подзаголовком «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях», В. И. Ленин писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или пробелы? Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» [Ленин 1976: 380].

Подобные, всё более распространявшиеся факты речекоммуникативного поведения констатировали языковеды, указывая психолингвистические и иные его истоки.

Например, Д. Н. Ушаков писал: «И употребление иностранных слов, излишнее и неправильное, и вообще «коверканье» русского языка свойственно людям, недостаточно овладевшим русским языком. Это недостаточное владение в частности состоит в бедности словаря... Всякий, не преодолевший еще трудности усвоения книжного языка, не свободен от ошибочного взгляда на этот язык: будто необходимейшим свойством книжного языка должна быть какая-то нарочитая непростота... На почве недостаточного умения точно и ясно выразить мысль (вследствие неумения расчленить ее и дать себе ясный и точный отчет во всех ее частях) иностранное слово может быть легко предпочтено русскому, именно вследствие своей непонятности» [Ушаков 1991: 61-62].

По оценкам, сделанным Л. В. Щербой, «язык стал вообще крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше, по крайней мере в некоторых газетах... В ряды пишущих вступило значительное количество эмигрантов и даже просто иностранцев» [Щерба 1991: 49].

С точки зрения эмигранта С. М. Волконского, «иностранное слово не потому плохо (не потому только), что засоряет язык, но и потому (главным образом потому), что, заменяя ясное, определенное слово новым, мало понятным и потому неясным, влияет и на запас умственных понятий затмевающим образом... Люди почему-то думают, что они умнеют,

когда произносят слова, которых не понимают» [Волконский 1992: 46-47].

Здесь наблюдается некоторая социокультурная преемственность; ср. высказанное задолго до приведенных авторов – и до советской эпохи как таковой – наблюдение Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без... надобности щеголять» [Грот 1873: 21].

Эти черты речи широких масс хорошо иллюстрируются литературными текстами того времени (особенно – у М. Зощенко; например, рассказ «Обезьяний язык» 1925 г.).⁷

Е. Д. Поливанов оценивал такие явления с социолингвистических позиций, рассматривая «... социально-групповой диалект: язык культурной верхушки современной Советской России, – язык, которым говорят и пишут революционные деятели наших дней, т. е. активная верхушка ВКП (б) прежде всего»; он учитывал как наиболее влиятельную ту «... активную роль, которая принадлежит в языковых процессах революционной эпохи этой верхушке» [Поливанов 2001б: 336].

Кроме того, Е. Д. Поливанов указывал как «...типичнейший для истории языковых культур случай, когда новый класс, приходящий к политическому

⁷ Кстати, аналогичные факты и тенденции вовсе не ограничиваются Россией и определенными периодами отечественной истории; ср. у французской писательницы: «... Я слушала, как порозовевшие и подвыпившие месье, будучи в прекрасном расположении духа, мямлят с наслаждением тем большим, чем меньше они понимают смысл, слово «экзистенциализм» [Саган 1992:160]. Видимо, стремление употреблять «красивые» слова с туманными значениями не имеет ни государственных, ни временных пределов.

господству на место другого, ранее господствовавшего, или занимающий командную позицию рядом с последним, механически перенимает у последнего и внешние признаки его привилегированности (в том числе и языковую традицию), несмотря на всю внутреннюю разницу в экономической базе, а следовательно, и в политической и во всякой другой идеологии обоих классов, поскольку эти внешние признаки, к которым относится в данном случае языковая традиция, не имеют органической связи с сущностью классовой психологии» [Поливанов 2001а: 324].

Нечто подобное, вероятно, имеет место и хотя бы в некоторых фрагментах речекоммуникативной ситуации в реформируемой России.

Примеров словесных «ловушек» (В. В. Колесов), активно используемых в реформаторских вербальных манипуляциях, великое множество; российские СМИ транслируют их постоянно, то ли сами уверившись в реальности того, **что** призваны обозначать лексические мифогены, то ли ограничиваясь введением в заблуждение своей аудитории. Например, мы то и дело слышим и читаем о каких-то *губернаторах* – при отсутствии в РФ губернии как единицы административно-территориального деления. Почти столь же частотно в дискурсе СМИ слово *сенатор*, хотя официально-юридически таковые в России сегодня не существуют: есть члены Совета Федерации РФ. Однако, исходя (предположительно) из желания отождествить этих деятелей с именовавшимися так по праву членами дореволюционного сената Российской империи либо с членами верхней палаты парламентов «цивилизованных государств», СМИ постоянно твердят о неких «российских сенаторах». Поскольку

понятийное наполнение этого слова реально является в российской ситуации нулевым, то оно вызывает приблизительно те же ассоциативные ощущения, что и у литературного персонажа, впервые увидевшего римских сенаторов: «Перед золотыми воротами тесно, как стадо, стояли люди с голыми, как у женщин, лицами, и с голыми ногами, без штанов. Одежда у всех была одинаковая, белая с красными полосами внизу, и Атилле показалось, что у всех одинаковые, как их одежда, лица. «Сенаторь», – шепнул ему Адолб. Это слово было пустое, как орех, в который можно свистеть, внутри этого слова для Атиллы ничего не было» [Замятин 1989: 519].

Можно (конечно, совершенно гипотетически) полагать, что активное, даже навязчивое употребление таких слов, как *губернатор* и *сенатор*, готовит почву (так называемое «общественное мнение») к новым стадиям неудержимого реформирования – скажем, к реальному возникновению в России губерний и сената.

Допустимо предположить, что результаты семантических эволюций слов корня, восходящего к одному и тому же источнику (во многих случаях – к латыни), в лексиконах разных языков оказались различными; известно множество подобных примеров. Поэтому представители российской власти, труженики СМИ и некоторые другие речедееатели-полиглоты зачастую вкладывают в употребляемые ими слова несколько иные смыслы, нежели большинство членов языкового коллектива, населяющего то же государство. О таких процессах немало говорили социолингвисты прошлого (Е. Д. Поливанов и др.) и настоящего; ср.: «Общественный дискурс оперирует понятиями

типа толерантности, истинность которых полагается очевидной (а ведь подобные случаи не единичны!). Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорит народ и его элита?» [Суспицына 2007: 73]. Кроме того, знание иностранного языка влечёт за собой в том числе и некоторые трансмутации национальной ментальности, выражаемой и воплощаемой именно родным языком.

Приведем в качестве примера широкое распространение в современном российском официозе существительного *оптимизация* – как и другие лексические заимствования, лишённого внятной для носителей русского языка внутренней формы.

Однако надо также учитывать, что такие слова, как *оптимальный* – «наиболее благоприятный, наилучший», *оптимизм* – «бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее; склонность во всём видеть хорошие, светлые стороны» [МАС2 1982, 2: 632], корень которых связан с лат. *optimus* – «лучший» [там же], в языковом сознании несомненно маркированы позитивно – а значит, та же оценочность передаётся и этимологически родственному *оптимизация* – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных, напр. О. процесса управления» [Словарь иностранных слов 1979: 257]. Конечно, можно было бы использовать и исконно русское слово *улучшение*, но оно для вербально-манипулятивных операций менее предпочтительно: во-первых, *оптимизация* – терминологично, а значит, наукообразно и в силу этого способно внушать доверие; во-вторых (хотя это сегодня и

не столь существенно), обещание улучшения налагает на руководящего речедеятеля некое подобие ответственности (тем более, что улучшение может оказаться избирательным, или «точечным», «адресным»; проще говоря, для кого-то действительно реализуется, для кого-то – совсем наоборот; собственно, так и происходит в абсолютном большинстве случаев).

Дополним приведённые выше примеры употребления слова *оптимизация* как эвфемизма к «дискредитировавшемуся» («дискредитированному»?) слову *реформа*.⁸ К тому же, в отличие от последнего, первое – популяризируемое – обычно именуется изменением, пусть и весьма чувствительные для граждан, но в узколокальных масштабах. Итак: «Сокращение [статей социальных расходов] краевого бюджета – это *оптимизация* бюджетной сети» [Новости. ТВК. 16.11.98] (то есть снижение расходов на здравоохранение и образование). «*Оптимизация* краевого бюджета – это и доведение до 70% оплаты жилья» [Новости. 7 канал. 12.02.02] (поскольку так и непонятно, какая именно величина принимается за 100%, то *оптимизация* в этом направлении неуклонно

⁸ Небезынтересно соотнести разделенные десятилетиями суждения по поводу понятий, обозначаемых словом *реформа*, применительно к условиям разных социально-политических систем. Ср.: «Всемогущая власть здесь бессильна довести до конца и заранее задуманным способом даже маленькую *реформочку* в масштабах страны, если эта *реформочка* призвана повысить уровень организации общества, то есть позитивна. Она одним мановением руки способна разрушить целые направления науки и искусства, отрасли хозяйства, вековые уклады и даже целые народы» [Зиновьев 1990, 2: 53] – и: «Порой для удобства разграбления народного хозяйства в исполнительную систему специально вводится фактор неустойчивости, например, в виде ежегодных *реформ*» [Расторгуев 2003: 456].

продолжается – квартплата растёт по сей день). «*Оптимизация* расходов в медицинских учреждениях – сокращение количества больничных коек» [Новости. Прима ТВ. 17.12.04] (ср.: «[Артемий Филиппович:] Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет... Все как мухи выздоравливают» [Гоголь 1966: 25, 60]). «По мнению чиновников [красноярской] мэрии, то, что придётся платить [за поездку] гораздо больше, количество автобусов и маршрутов будет сокращено, а ездить придётся с пересадками и длинными интервалами, – и есть *оптимизация* работы городского транспорта» [Новости. 7 канал. 28.08.08]. «Площади детских садов Красноярска *оптимизируют*: вместо обычных кроваток поставят «пеналы» и откажутся от медкомнат. Вице-мэр Куимов: «Не нужны здесь [в детском саду] изоляторы»... Десятки бывших детсадов переделаны в медцентры, административные учреждения, сауны...» [Вести-Красноярск. 01.10.09] и т. д.

По степени семантической прозрачности близок к приведённым и следующий пример: «Квашнин [начальник российского генштаба] называет процесс... *оптимизацией* управления» [Обозрение-7. 7 канал. 12.02.02] (комментарий к не санкционированному министром обороны РФ распоряжению генштаба о выводе российских войск из Грузии; в любом государстве такая «оптимизация управления» именуется нарушением уставной субординации и армейского принципа единоначалия).

Судя по некоторым признакам, одним из самых употребительных слов, пришедшим на смену таким, как *реформа*, станет (уже стало?) *модернизация* – по-видимому, несколько переосмысленное

по сравнению с недавним периодом, ср.: *модернизация* – «действие по знач. глаг. модернизировать – 1) изменить (изменять) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам; 2) придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты» [МАС2 1982, II: 286].

В свете этого к числу весьма значительных и по своему символических нововведений последнего времени следует, конечно, отнести такое: «Правительство переименовало антикризисные меры в *модернизационные*» [Новости. Прима ТВ. 17.03.10 – со ссылкой на «Ведомости»]. Политтехнологи в данном случае сумели учесть возможное сочетание ряда факторов: прилагательное *антикризисные*, с одной стороны, свидетельствует о неуклонном стремлении руководства преодолеть последствия того, что упорно именуют мировым финансовым кризисом (скорее всего, это закономерный результат глобальных предпринимательских – спекулянтских – операций «новых кочевников», с которыми российское руководство никоим образом не связано); с другой – *анти* – всего лишь «против», да и вспоминать лишний раз о «кризисе» значит, с точки зрения вербальной магии, подчёркивать и тем самым поддерживать в сознании социума его наличие. Поскольку же широкая аудитория, кажется, успела уверовать в безусловно позитивный характер *модернизации* (помнится, многие энтузиасты на заре перестройки и реформ радостно призывали к введению «свободного рынка рабочей силы», то есть – безработицы, пока сами не остались без работы), то прилагательное *модернизационные*, очевидно, предназначено переключить внимание граждан на некую оптимистическую перспективу (очередное светлое будущее и проч.).

Как показывают вышеприведённые цитаты из российского теледискурса, для манипулятивной эвфемизации, наверное, в равной степени успешно применяются слова и исконные, и иноязычного происхождения. Последние, кажется, используются политкорректировщиками социальной реальности всё-таки более охотно – в силу известных специфических свойств лексических заимствований, к которым принадлежит и упомянутая затемнённая их внутренней формы для носителя языка-реципиента, препятствующая чёткому пониманию семантики. Ср. агитационную надпись, которая украшает кооперативную лавку-вагон, и её восприятие адресатами в рассказе М. Булгакова 1924 г.: «Транспортная кооперация путём нормализации, стандартизации и инвентаризации спасёт мелиорацию, электрификацию и механизацию». Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам. «Понять ни черта нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» [Булгаков 1989, 2: 402] – и современный теленовостной сюжет (правда, со снисходительной дешифровкой ключевых слов для «малопродвинутой» части аудитории): «В Москве проходит «инновационный конвент», а в переводе [!] – форум, на котором молодые учёные представляют свои изобретения» [Вести. РТР. 10.12.08]. А ведь уже приняты законы РФ об *инсайдерской* информации и юристах-*медиаторах*...

Наряду с вышеприведенными, в СМИ широко используются и другие вербально-манипулятивные приемы, внешне очень схожие с маскировкой реалий путем псевдоэвфемизации: функционально они также предназначены для придания высказываниям смысловой диффузности за счет введения в текст

деликатно-щадящих *не совсем* и *почти*. Суть обозначаемых таким образом явлений вроде бы и не меняется, но они в сопровождении смягчающих обертонов оказываются полускрытыми неким коннотативным туманным флером.

Некоторые примеры: «Судя по данным Счетной Палаты, то, что происходило с начала «эпохи перемен», то есть с 1992 года [в сфере операций с землей], было *не совсем* законным» [Вести. РТР. 11.06.07] – то есть операции купли-продажи земли велись заведомо незаконно, о чем наверняка знали и продавцы (в лице госчиновников), и покупатели (вряд ли совершенно чуждые продавцам).⁹

«Елена Яцык [адвокат убийцы] могла воспользоваться методами, которые, может, *не совсем* законны, но могли помочь подозреваемому» [мнение коллеги-адвоката. Человек и закон. 1 к. 22.05.08] – получается, что цель (или гонорар за ее достижение) настолько оправдывает средства, что юрист сознательно идет на нарушение закона, при этом получая гласное корпоративное одобрение своих преступных деяний.

«Не совсем честным на руку банкирам [когда сумма процентов по ссуде превышает сумму самого долга

---

⁹ Эта зыбкость законодательной базы экономической деятельности «переходного периода» удачно подмечена и в литературно-художественном тексте: «Не было еще никакой приватизации, заводы и фабрики принадлежали государству. Но при каждом уже *вырастали какие-то кооперативы, какие-то ООО и прочие кровососущие паразиты...* Но всё законно. Может быть, чуть-чуть незаконно. Самую малость. Да ведь никто толком-то уже и понять не может, что законно, а что нет в «новых экономических условиях» [Константинов, Новиков 2002: 146-147] (кстати, и законность приватизации иногда также вызывает некоторые сомнения).

банку] пришлось доказывать свою правоту» [Утро России. РТР. 07.09.07]; по всей вероятности, они её успешно доказали, иначе попросту не были бы банкирами (попутно заметим ошибку в употреблении фразеологизма, ср.: «*нечист на руку* – склонен к воровству, мошенничеству; плутоват, вороват» [Фразеологический словарь 1987: 279]; конечно, оговорка довольно интересна).

«При прокладке дороги были использованы *не совсем* качественные материалы» [Край. Енисей Регион. 12.04.10]: иначе говоря, вместо указанных в смете дорожного строительства материалов были использованы другие, более дешёвые, но зато и низкосортные; недаром (или не даром?) в Красноярске происходит перманентный ремонт одних и тех же дорог, оплачиваемый госбюджетными средствами.

«Владимир Ефременко собирал *почти* контрабандную роскошь – морские раковины» [Новости. 7 канал. 09.08.08]. При выезде из страны простодушный натуралист (а по совместительству – предприимчивый коммерсант) был задержан на таможне и арестован за попытку вывоза природных объектов, находящихся под охраной государства (и, кстати, бизнесмен об этом заранее знал)...

Подобная квазиевфемизация становится все более привычной, ср.: «Почему владельцы гаража действовали *не совсем* законно?» [Новости. ТВК. 12.09.10]. «Светлана ... помогала устраивать детей в детские сады *не совсем* законным способом» [Новости. ТВК. 07.04.11]. «Свои имена скрывает только мошенники или фирмы, которые действуют *не совсем* законно» [юрист – о т.н. коллекторах. Доброе утро. 1к. 03.06.11]. «Иностранцы пытаются легализоваться в России *не вполне* законным способом» [Новости. 7к. 21.06.11] и мн. др.

В некотором отношении такие примеры близки почти пандемическому распространению *как бы* – этого вербального символа эпохи перемен, что позволяет говорить и о восприятии социумом реальности как чего-то фантомного, и о фантомизации его сознания (подробнее см. [Васильев 2003: 91-103]; [Васильев 2008: 90-91 и др.]). Почти так же используются зачастую и рефлексивы (ср.: «3 октября – 15 лет *так называемого* расстрела парламента» [24. RenTV. 02.10.08] – то ли этого расстрела не было, то ли он заслуживает иного названия; см. [Васильев 2003: 212-220]). Впрочем, активное употребление подобных приемов объясняется еще и тем, что в значительной степени позволяет говорящему снять с себя ответственность за содержание своих высказываний. Причем «не совсем законные решения» и «почти преступные деяния», конечно же, снимают всякое подобие ответственности с тех, кто был в них *как бы* замечен. Так трансформируется общественная мораль...

Население вместо народа

Н а р о д безмолвствует.

А.С. Пушкин

Лексикографам хорошо известны трудности, возникающие при попытках семантизации слов, особенно, как ни парадоксально, широкоупотребительных и частотных, более того – неизменно актуальных для носителей данного языка в разные периоды его истории. Решение подобных задач может осложняться и в тех случаях, когда необходимо дифференцировать значения слов, весьма близких и в речевом потоке неред-

ко выступающих в роли чуть ли не дублетов (т. е. одно из них с определенным успехом может заменить собой другое – и наоборот). Правда, при рассмотрении слов, входящих в один синонимический ряд, обычно представляется возможным выделить его доминанту (определяемую, например, как «один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные (созначения) и господствующего над ними» [Ахманова 1966: 401], или слово «семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное» [Новиков 1990: 447], хотя, наверное, семантическая простота лексемы – довольно дискуссионное понятие). Казалось бы, вопрос о стилистической нейтральности того или иного конкретного слова достаточно прозрачен: предполагаемая доминанта ряда в идеале должна быть свободна от каких бы то ни было коннотаций. Считают справедливым положение о том, что «отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора» [Трубачёв 2005: 227] – иначе говоря, из двух номинаций одного и того же референта одно имеет статус маркированного, а другое – нет (и оно-то оказывается доминантой данного двучленного синонимического ряда). Однако представляется, что не всегда (а может быть, и далеко не всегда) существует возможность такого противопоставления: немаркированная номинация (доминанта)/ маркированная номинация (синоним). Иначе говоря, коннотативные потенции реализуются в обоих случаях, что позволяет судить не только об узусе.

Трудности семантизации слов, близких по своим лексическим значениям, хорошо знакомы как линг-

вистам, так и представителям других гуманитарных наук, причем и в тех случаях, когда речь идет об элементах соответствующих терминосистем. Решение таких задач особенно осложняется тем, что одни и те же лексемы выступают, с одной стороны, в качестве терминов, среди важнейших критериев вычленения которых – их стилистическая нейтральность. С другой стороны, они могут продолжать бытование в составе общеупотребительной лексики, при этом зачастую обладая коннотациями либо коннотативными потенциями, реализующимися, как правило, вследствие внеязыковых условий.

Даже беглые наблюдения показывают, что в текстах сегодняшних российских СМИ частотность употребления существительного народ заметно снизилась по сравнению с советским периодом (это регистрирует и лексикография, указывающая на уход этого слова в пассивный лексический запас). В то же время растет употребительность существительного население. Можно предположить, что эти процессы отнюдь не случайны и определяются воздействием неких факторов, имеющих в том числе и глубокие исторические корни. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть динамику слов народ и население в нескольких разных аспектах.

Конечно, прежде всего следует иметь в виду, что исторические (даже и на уровне микродиахронии) изменения словарного состава нередко свидетельствуют об изменениях ментальности (иногда – и о чьих-то попытках изменить ее). Ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера

в типичных его проявлениях» [Колесов 2004в: 15]. Трансформировать ментальность, таким образом, можно с помощью «обратной связи», то есть путем регулирования частотности каких-то слов и устойчивых словосочетаний, их переосмысления, придания им коннотаций, стилистической маркированности либо ремаркации и проч. С течением времени – при условии определенной настойчивости пропагандистов и агитаторов (иначе – политтехнологов) и эффективности имеющихся у них властных и иных возможностей, времени исторически непродолжительного – в сознании этносоциума, носителя конкретного языка и соответствующей ментальности, происходят метаморфозы, программируемые идеологами-языкотворцами.

«Главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации... Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблема языка..., язык идеологии – это язык символов», слова, наполненные символическими смыслами, – вербальные символы – используются идеологами для внедрения своих доктрин в общественное сознание [Ветров 2000: 199]. Причем выбор слов, предназначенных для подобных операций, чрезвычайно важен [Кара-Мурза 2002: 28, 36 и др.]; эти вербальные символы могут оказаться ключевыми в политическом лексиконе, зачастую и в основополагающих государственных документах.

Так, уже в преамбуле Конституции РФ декларируется: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» (интересны здесь и употребление «множественного монархического» – «мы, ... народ..., соединенные...», и подобие некоей реминисценции, ср.:

«Мы, народ Соединённых Штатов, с целью образовать совершенный Союз...» [Хрестоматия 2005: 191]). О *народе* как носителе суверенитета и единственном источнике власти в РФ упоминается также в ст. 3 этого документа и в его же ст. 82, где – в своей присяге – президент клянется «верно служить народу». *Население* же фигурирует здесь явно как узколокальная общность: согласно ст. 130, «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения». По-видимому, в цитируемом тексте лексемы *народ* и *население* семантически не тождественны.

Современный статус лексем *народ* и *население*, их семантика и прагматика, вероятно, могут быть уточнены при сопоставительном анализе как фактов сегодняшнего дискурса, так и сведений исторического плана.

Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики *народъ*: 1) 'род, племя, потомки' (1499 г.); 2) 'множество, толпа, сонм' (с 1057 г.); 3) мн. и собир. 'люди, народ' (с 1057 г.); 4) 'группа лиц, объединенных общими интересами, политическими и религиозными воззрениями' (XIII – XIV вв. ~ XI в.); 5) 'толпа, чернь' (1499 г.); 6) 'население (страны, города); народная масса' (XI в.); 7) 'люди, принадлежащие к одной этнической общности, народность, народ' (XVII в.) [СлРЯ XI – XVII вв.].

Относительно семантики и устойчивой сочетаемости слова *народъ* словари, описывающие лексику более позднего (но современного им) периода, сообщают: *народъ* – 1) 'язык, племя, жители государства, страны какой, состоящие под одними законами и говорящие одинаковым природным языком'. «Народ

благоустроенный, сильный, воинственный, браноносный». «Народы сѣверные, восточные». «Всякій народъ имѣеть свои обыкновенія»; 2) 'особенно берется за множество людей'. «Бѣ народъ мытарей много». Лук.5, 29. – «Простый народъ». «Чернь, простолюдины» [САР₂] (те же дефиниции воспроизводятся в [Сл. Соколова]). Далее: *народъ* – 1) 'жители страны или государства, говорящие одним языком; язык, племя'. «Народ образованный»; 2) 'жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям'. «Воскреснемъ ли когда от чужевластья Модь, Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ, Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцев!» Грибоедов; 3) 'множество людей; толпа'. «На гуляньи много было народа». «Мальчишекъ радостный народъ Коньками звучно рѣжетъ ледъ». Пушкин. – «Простой народъ. Чернь, простолюдины» [Сл. 1847 г.]. У Даля *народъ* – 'люди, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолюдые, низшие податные сословия; множество людей, толпа' [Сл. Даля].

Несколько забегаая вперед, можно сказать, что эти дефиниции являются до некоторой степени прототипами позднейших, даваемых лексикографией XX столетия. Толкования слова *народъ* в словарях, отражающих состояние русской лексики к. XVIII – XIX вв., достаточно кристаллизованы и содержат основные критерии, по которым определяется данная общность людей. Обратим внимание на то, что, несмотря на некоторые модификации (скажем, исключение параметра «единство законов» – возможно в результате его осмысления как имманентно наличествующего

у полноценного государства), постоянно присутствует указание на «одинаковый (один) язык» – важнейшее свойство этноса. Кроме того, важно учитывать иерархическую структуру значений, кажется, уже устойчиво сформировавшуюся и включающую в себя (сначала в качестве речения, затем – самостоятельно ценного значения) «низшие сословия», т. е. вычленение группы этноса по социально-имущественному критерию. Что касается дефиниции, данной в [Сл. Даля], то, по сравнению с другими, она выглядит некоей их суммой. Однако, пожалуй, с учетом последней, есть определенные основания предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народъ* ощущалась в XIX в. чуть ли не как диффузность его семантики, причем настолько заметная, что могла восприниматься как контекстуально обусловленная (в зависимости от идеологических и политических предпочтений авторов и их аудитории – тоже неоднородной по своим воззрениям). Это отразилось, в частности, в следующих суждениях Н. К. Михайловского и А. И. Богдановича: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно «мужика», то «чернь», «простонародье», то представителей труда..., то толпу...» – «В течение 30-ти последних лет... создалась даже особая «народническая» литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным «народом»... Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981: 234]. Ср. также сатирическую интерпретацию

подобной вариативности семантики в художественно-литературном тексте 1871 г.:

«Феодал! – закричал на него патриот, –
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он равноправен!» [Толстой 1981,
1: 191].

И С. Г. Нечаев в своём «Катехизисе революционера» заявляет: «У товарищества [революционной организации] нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть ч е р н о р а б о ч е г о л ю д а», таким образом, чётко очерчивая социальные границы группы.

По мнению современного исследователя, имела место даже некоторая сакрализация народа: «Интересно, что поколение «нигилистов» 1860-1870 гг., провозглашавших материализм и атеизм, отказавшись от «бесплатной отдачи себя» Истине, идущей от бога, тотчас же нашло другой адрес, которому можно было бы бескорыстно вручить себя. Таким адресатом оказался обожествлённый Народ. Не случайно Максим Горький назвал литературу народников «священным писанием о мужике» [Лотман 1996: 377].

Результаты этих семантических процессов, вероятно, получивших специфические дополнительные импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших при торжестве новой идеологии социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии. Ср.: «народ –

1) 'население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны'; 2) 'то же, что нация, национальность'; 3) 'в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу'» [СУ]. Заметим, что утвердившееся было в словарях русского языка XIX в. указание на общность языка как обязательный атрибут народа теперь уже не приводится – возможно, как утратившее актуальность для многонационального и многоязыкого Советского Союза (где в то время, очевидно, были еще сильны представления об абсолютном равноправии совершенно всех языков [Алпатов 2003: 22]). По поводу знач. 3 – см. саркастический комментарий, выдержанный в духе беспощадной (но несколько заповздалой) борьбы с заклятым тоталитаризмом: «В социалистическом (советском) государстве народ – свободный господин; в капиталистическом государстве народ задавлен буржуазией, составляющей правящее меньшинство» [Купина 1995: 68] (хотя это можно теперь воспринять и как нейтральную констатацию российских реалий). В этом же словаре отмечено как устойчивое словосочетание *простой народ* – (д о р е - в о л ю ц .) 'то же, что народ в 3 знач.'

Немного иначе семантика рассматриваемого слова представлена в другом словаре; здесь о роли единого языка тоже не сообщается, но регистрируется еще одно значение (впрочем, известное по более ранним периодам и словарям, их отражающим): «народ – 1) 'население, жители той или иной страны, государства'. Советский народ;... 2) 'нация, национальность, народность'; 3) 'основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнета-

емая господствующим классом)'. Трудовой народ; 4) 'люди'; здесь же в качестве устойчивых приводятся словосочетания простой народ (правда, без пометы д о р е в о л ю ц .) и черный (или подлый) народ, квалифицируемое как устар. – 'в классовом, эксплуататорском обществе: люди, принадлежащие к наимущим слоям населения (крестьяне, рабочие, ремесленники и т. п.)» [МАС₂].

По-видимому, иллюстрация-речение к знач. 1 в этом словаре приводится с учетом данного в преамбуле Конституции СССР (1977 г.) определения развитого социалистического общества, в котором, в частности, «сложилась новая историческая общность людей – с о в е т с к и й н а р о д». Многоаспектная развернутая семантизация последнего словосочетания представлялась тогда таким образом: «новая ист., социальная и интернац. общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистич. по содержанию культуру, союзное общенар. гос-во и общую цель – построение коммунизма; возникла впервые в истории в результате социалистич. преобразований на основе сближения всех социальных групп, юридич. и фактич. равенства всех наций и народностей СССР. Представляет собой многонац. коллектив тружеников города и деревни, объединенный общностью социалистич. строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистич. идеалами рабочего класса, принципами интернационализма» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1227].

Ср. также некоторые примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* в знач. 'население государства; нация, национальность': «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый,

талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь...; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец... Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь..., перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т. п. [Сл. сочет.].

Можно было бы сказать, что, несмотря на многие, в том числе – радикальные, изменения, происходившие на протяжении столетий, русская лексикография (и советского периода – тоже) формулировала и довольно устойчивые во времени дефиниции слова *народ*. Они в основных своих чертах соответствуют следующим положениям: «Общий смысл слова народ и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, которые свойственны только ей. К такому представлению и восходят современные выражения вроде народный дух, сила народа, единство народа. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа «народа», и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие «народ»... Слово *народъ* постепенно вырабатывало новое, тоже терминологическое значение: оно стало обозначать единство по территориальному, а не по родовому признаку» [Колесов 1986: 183].

Впрочем, надо сказать и о том, что в новейших лексикографических изданиях – постсоветского времени, или (как выражаются, кажется, еще с конца т. н. перестройки) «переходного периода», – семантика и типичная сочетаемость существительного *народ*

представлены уже несколько иначе, чем ранее; составители словарей иногда снабжают его некоторыми пометами; возможны также иные варианты.

Так, указывая на уход существительного *народ* в пассивный лексический запас, приведя примеры нескольких устойчивых сочетаний (во благо, на благо народа; враг народа; опиум (для) народа; отец народов) и открыв данную статью пометой в советск. время, составители словаря почему-то сочли возможным не упомянуть, о каком именно значении слова *народ* здесь идет речь, – дефиниция отсутствует [ТССРЯ].

В другом случае и вычленение существительного *народ*, и иерархия его семантической структуры почти совершенно повторяют подобные из словарей советского времени. Ср.: *народ* – 1) 'население государства, жители страны.' «Российский народ»; 2) 'нация, национальность или народность'. «Русский н.». «Северные народы»; 3) 'основная трудовая масса населения страны'. «Трудовой народ». «Выходцы из народа». «Простой народ»; 4) 'люди, группа людей' [ТСОШ]. Можно заметить, что в качестве иллюстрации к знач. 1 дается сочетание *российский народ*, по своей сути мифологическое: «...искусственное межнациональное понятие [советский народ] ушло вместе с обанкротившейся идеологией... Его пытаются видоизменить в понятие «российский народ», которого в природе не существует» [Фролов 2005: 506]. Интересно, однако, что в иллюстрации значения 2 далее приводится «русский н.» – именно так, сокращенно – возможно, для экономии пространства статьи (кстати, затем – полностью – выступают «северные народы»). Толкование знач. 3 уже не содержит никаких упоминаний об эксплуататорах, угнетении и прочих полит-

некорректных вещах (по какой-то ассоциации вспоминается переименование Первомайского праздника в благопристойнейший «Праздник труда»).

Можно достаточно обоснованно полагать, что весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, сформировавшаяся у существительного *народ* в советский период истории русского языка, естественно поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями, была очевидно «подготовлена» характером бытования этого слова в предыдущие эпохи.

По известным нам источникам, история существительного *население* является гораздо менее «яркой», нежели слова *народ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно его значение – ‘заселение’ (с XI в.) [СлРЯ XI-XVII вв.], манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью «населяющей» общности по родовому (этническому), культурному, языковому и т. п. признакам.

Это же значение регистрировалось рядом словарей с самого начала XIX в.: ‘население какого места жителями, народом’ [САР₁, САР₂]; ‘наполнение какого места жителями, народом’ [Сл. Соколова]; 1) ‘действие населяющего и населившего’; 2) ‘населенный народ’ [Сл. 1847 г.]; ‘народонаселенье, народ, населяющий собой край, место’ [Сл. Даля].

Та же семантика слова *население* отмечается и лексикографией советского времени, ср.: *население* – 1) ‘жители, люди, проживающие в каком-н. месте’; 2) ‘совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение’ [СУ]; *население* – 1) ‘действие по знач. глаг. населить – населять и состояние по значению глаг. населиться – населяться’; 2) ‘сово-

кушность жителей (области, страны и т. п.; народонаселение'. «Население города». «Перепись населения». «Плотность населения» [МАС₂]. Ср. некоторые примеры типичной сочетаемости существительного *население* в те же годы: *население* – 'жители какого-л. места как единое целое'; «мирное, гражданское, местное, городское, сельское, коренное, трудоспособное...; земного шара, Земли, страны, края, области, города, района...; запросы, требования, интересы, занятость, обслуживание, жизненный уровень, благосостояние, снабжение, плотность, численность, прирост, увеличение, уменьшение, перепись...» и т. п. [Сл. сочет.].

В дальнейшем дефиниции остаются почти теми же; лишь иногда добавляется специально-терминологическое значение: *население* – 1) см. 'населить'; 2) 'жители какого-н. места, местность'. «Н. района». «Перепись населения»; 3) 'животные, живущие в каком-н. одном мест' (спец.). «Рыбное население водоема» [ТСОШ]. Небезынтересно, что в одном из сегодняшних словарей существительное *население* фигурирует лишь в качестве компонента устойчивого словосочетания *коренное население*, использование которого заметно участилось в конце XX в.: «понятие коренного населения актуализировалось в связи с обострением межнациональных отношений после распада СССР и возникновением территориальных претензий тех или иных групп населения в различных регионах бывшего СССР» [ТССРЯ] (стоит заметить, что применительно к русским это словосочетание, кажется, ни разу не употреблялось).

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызывать столь же прямые

ассоциации с представлениями о некоем конкретном этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т. п. Население – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср.: на душу населения, численность населения, перепись населения и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо **героического населения*, **великого населения*, **населения-победителя* и т. п. несообразностей (разве что в текстах местечковых квазиюмористов).

Рассматриваемые лексемы могут выступать в качестве элементов ряда терминосистем (философской, юридической, политической и др.). Приведем некоторые примеры их осмысления (далеко не всегда единообразного) в этой ипостаси.

В современном российском конституционном праве за одну из отправных точек принимается дефиниция народа, естественно соответствующая данным в действующей конституции формулировкам: *«народ – ... население определенной страны, выступающее как источник и носитель власти в государстве»*; это понятие, «по определению, связано с государственной организацией общества, суверенитетом, формированием государственных структур, гражданством». С позиций этой же науки, *«народ – более широкое понятие, чем «нация», понимаемая как общность группы людей на этнической основе»* [Конституция 1997: 155]. Хотя статья, посвященная понятию 'нация', в этом издании отсутствует, чрезвычайно многозначительной и симптоматичной для правильного понимания вышеприведенного разграничения (народ/нация) следует считать содержащуюся здесь же

ссылку на иноязычный – и инокультурный – аналог: «в странах английского языка, и не только [разрядка наша. – А. В.], термин «нация» – «nation» – адекватен термину «народ». Казалось бы, апелляция к чуждому языковому сознанию и порождаемой в нем языковой картине мира является излишней при постулировании положений российской конституции и комментировании этимологически русского термина народ. Однако надо иметь в виду некоторые современные реалии – например, соответствующую и сопутствующую процессу глобализации американизацию права [Иванец, Червонюк 2003: 91 и др.]. В цитируемом издании *население* определяется как «совокупность людей, проживающих на данной территории, имеющих с ней постоянную правовую связь», причем указывается, что именно в конституционном праве, когда речь идет о государстве в целом, понятие «население» используется как аналогичное понятию «народ» (например, в известной триаде признаков государства: «власть, территория и население») [Конституция 1997: 156].

Несколько иначе трактуют «народ» политологи: «*народ* – основополагающий конституирующий элемент государства, его субъект». Впрочем, приводя для сравнения два основных подхода к раскрытию этого понятия, выделяют, во-первых, понимание народа как нации, то есть как преимущественно этнической общности, возникающей на базе общего происхождения («крови»), истории, языка и культуры – такой подход, оказывается, «часто используется для оправдания привилегий титульной нации, этнических чисток и других действий, нарушающих права человека»; видимо, поэтому «такие попытки

обоснования этнической чистоты государства научно несостоятельны». Зато, вероятно, научно состоятельными считаются иные – в соответствии с духом времени – подходы: «С о в р е м е н н ы е либерально-демократические государства... базируются на признании народа как гражданской общности, субъекта государственности и источника власти» [Введение в политологию 1996: 139]; иначе говоря, и здесь народ отождествляется с населением.

Специалисты в области кратологии предлагают следующие толкования: «*народ* – 1) 'население государства, жители страны'; 2) 'в демократически устроенном государстве субъект власти и вместе с тем ее объект'»; «население – 'жители какой-либо страны, города, села, региона и т. д.'» [Халипов 1997: 226-227]. И в этом случае народ и есть население – и *vice versa*.

Воистину «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43], и «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61].

Вполне вероятно, что подобные же наукообразно-идеологические установки стали обретать популярность, выступая в качестве обоснования пропагандистских опусов, тиражировавшихся средствами т.н. массовой информации примерно с конца 80-х – начала 90-х гг. В этот период «традиционное употребление слова народ, присущее ему на протяжении длительного времени, начинает колебаться под влиянием социально-исторических факторов и их осмысления нашими современниками. Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) народ (в смысле «нация») и население (в смысле «безнациональная

масса»), в которой первый член (народ) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (население) – отрицательной. Эти новые смысловые отношения существительных народ и население носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Наверное, в связи с этим можно говорить, скорее, о контекстуальной антонимии; кроме того, в цитируемой статье рассказывается в основном о видимых симптомах явления – и гораздо менее подробно о его вероятных причинах и истоках (приводимые примеры из печатных изданий, как национально-патриотических, так и либерально-демократических, лишь иллюстрируют их позиции, являясь в каждом случае чем-то вроде символов политической веры).

Между тем следует попытаться определить факторы, под воздействием которых существительное *народ* стало как будто нежелательным элементом дискурса СМИ (включая прежде всего официоз), получив (как, например, и прилагательное *советский*, судя по текстам речей, посвященных Дню Победы) статус табуизма. Одним из наиболее заметных и эффективных приемов словоупотребления, приведших к такому результату, надо, очевидно, считать характер использования в тех же СМИ прилагательного *народный*, явно контрастирующий с соответствующими фактами советского периода. Лексикография того времени представляет слово *народный* по преимуществу как окруженное ореолом некоей высокой патетики и – уж во всяком случае – как положительно-оценочное (до некоторой степени – это продолжение традиции русских словарей XIX в., где *народный* подаётся как ней-

тральное либо мелиоративное: «народный – ‘принадлежащий, относительный к народу; касающийся до народа’. Народная польза. Народные права. Народная молва. Народный слухъ» [САР₂ 1814, 3: 1174]; *народный* – 1) ‘принадлежащий, или свойственный народу’. Народный духъ. Народный характеръ. 2) ‘относящийся к народу’. Народная перепись. Народные повинности. Народный слухъ. – Народные силы, зн. военные силы; войска.

«Толшою тѣсною художникъ помѣстиль

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ».

Пушк. [Сл. 1847]).

Ср.: «*народный* – 1) прил. к народ (в 1, 2 и 3 знач.). Народные массы. Народное творчество... // ‘Принадлежащий народу, стране; государственный’. Народные богатства. Народное хозяйство; 2) ‘тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению’... ‘В составе названий некоторых учреждений, должностных лиц в СССР’. Народный заседатель. Народный суд // ... ‘В составе почетного звания, присваиваемого высшими органами государственной власти СССР и союзных республик за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т.д.’ Народный артист республики. Народный художник СССР. Народный врач СССР»; здесь же – устойчивые словосочетания: «Народная воля – название тайной политической революционной народнической организации в России в 80-х гг. 19 в. Народная демократия – форма политической организации общества, представляет собой диктатуру пролетариата, своеобразие которой – многопартийность при ведущей роли марксистско-ленинской партии. Народная дружина –

добровольная организация граждан, помогающая милиции в охране общественного порядка. Народный комиссар – член советского правительства, возглавлявший (до 1946 г.) один из народных комиссариатов... Народный контроль – в СССР система органов, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и организациях.... Народные мстители (в статье мститель – ... высок. 'О партизанах, ведущих народную войну против захватчиков'). Народное ополчение – войско, собираемое в помощь регулярной армии на добровольных началах... Народный фронт – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» и т.п. [МАС₂] (примерно то же – в [Сл. сочет.]). Небезынтересно, что последнее из вышеприведенных словосочетаний в период т.н. перестройки актуализировалось применительно к позднесоветской действительности, но уже наполненное иным понятийным содержанием, см.: народный фронт – 'общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение' [ТССРЯ]¹⁰.

Для того чтобы еще более полно оценить высокомелиоративную окрашенность прилагательного народный по шкале официальной советской аксиологии, надо вспомнить и о хорошо знакомом лингвистам термине народная этимология – и близком к нему ложная этимология.

---

¹⁰ Может быть, отсюда – и выбор именованья почти декоративной общероссийской массовой организации, учрежденной в мае 2011 г.

Так, в одном из основных отечественных лингвотерминологических словарей эти разновидности поиска происхождения отдельных слов и морфем «разведены», то есть дифференцированы: «Этимология ложная – новое осмысление заимствованного или исконного слова, основанное на ошибочном понимании его этимологического состава... Этимология народная – стремление искать в словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения» [Ахманова 1966: 529]. Впрочем, от таких попыток разграничения в действительности весьма близких, если не идентичных, понятий впоследствии всё же отказались. Об этом, как полагаем, свидетельствует следующая формулировка в статье «Этимология»: «Антиисторичность и произвольность толкований сближает этот [античный] этап в истории Э. с т. наз. *народной* Э. – преобразованием слов в сторону их сближения с др. словами, которые представляются (в силу сходства значений, или формы, или различных ассоциаций) родственными... Н а у ч . Э. возникла одновременно со сравнительно-историческим языкознанием» [Варбот 1990: 596-597]; таким образом, этимология народная противопоставлена этимологии научной. Более того: в терминологическом указателе к цитируемому изданию содержится совершенное отождествление терминов, обозначающих этимологию не научную: «Ложная этимология = Народная этимология» [ЛЭС 1990: 635]. То же отождествление обнаруживается и в других специальных изданиях, например: «Попытки найти ...внутреннюю смысловую связь на основе чисто внешнего, звукового совпадения слов без учета реальных фактов их

происхождения приводит к ложной (или народной) этимологии. ...Народная этимология основана на произвольном толковании этимона слова. Она возникает вследствие звуковых совпадений, ложных ассоциаций и других причин (ср., например, слово гульвар вместо бульвар на основе сближения с глаголом гулять или мелкоскоп вместо микроскоп и т. д.)» [Вендина 2002: 176].

Однако в учебном пособии другого автора по тому же предмету, но более раннего издания, даётся следующее определение: «народная этимология – это отдельные случаи переосмысления в народном языке непонятных слов с позиций понятных слов родного языка, или, другими словами, это сведение непонятого слова к слову понятному» [Будагов 1965: 82], чему предпослано примечание относительно «народной этимологии»: «Термин *volksetymologie* – «народная этимология», предложенный в середине прошлого века немецкими лингвистами, следует признать неудачным: он создает впечатление, что народ обречен неправильно понимать слова литературного языка» [Будагов 1965: 78]. Отсюда понятна и попытка разграничить, чуть ли не противопоставить в действительности почти совершенно совпадающие (по крайней мере, по степени научности) этимологии ложную и народную. Таким образом, и в лингвистической терминологии (в идеале долженствующей быть безоценочной, лишённой коннотаций, как и любая другая) сказалась пафосная официально-идеологическая оценочность слова народ – и соответствующая маркированность прилагательного народный.

Стоит также напомнить, что в советскую эпоху постоянно и регулярно использовался особый пропа-

гандистский жанр: призывы ЦК КПСС к государственным праздникам – Дню международной солидарности трудящихся (1 Мая) и годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 Ноября), где, в частности, провозглашались здравницы социальной триаде – фундаментальным компонентам советского общества, включавшие в себя постоянные дифирамбические эпитеты: *героический рабочий класс, славное колхозное крестьянство и народная интеллигенция* (впрочем, последняя уже во время «перестройки» сумела подтвердить и доказать на деле справедливость известной оценки, данной ей некогда В. И. Ульяновым-Лениным).

Тональность современного использования прилагательного народный и возникающие при этом коннотации формируются в значительной степени за счет контекстуального окружения и синтагматических связей слова; коннотации могут в известной мере варьироваться. Об этом свидетельствуют примеры из российского телевизионного дискурса, условно подразделенные нами на группы по оценочному признаку (впрочем, не всегда четко эксплицированному).

Явно положительной оказывается оценка определяемого персонажа в следующих высказываниях: «Лидеры «Яблока» и СПС говорят о том, что пора постепенно научиться в России выдвигать *народного* президента, причем – справа» [24. RenTV. 05.07.02]. «В Англии Тони Блэра называют иногда *народным* премьером», так как свою карьеру он начинал водителем и грузчиком» [Ночное «Время». ОРТ. 10.10.02]. «[Глава Малайзии – конституционный монарх] играет в теннис, футбол... За это... его называют *народный* раджа» [Вест. РТР. 05.08.03]. «...Один из немногих людей у власти,

кто за полтора года не потерял *народной* любви» [Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. «В отличие от *народного* премьера Черномырдина, Касьянова называли премьером техническим» [Неделя. RenTV. 28.02.04]. «*Народный* губернатор» – именно так называли земляки Михаила Евдокимова» [Новости. ТВК. 11.08.05]. «Сергей Безруков сыграл *народного* участкового» [Новости. ОРТ. 30.01.05]. «Спартак» по праву называют *народной* командой» [НТВ. 16.02.05] и др. Ср. также рудимент пафоса: «Как [нововведённый] День *народного* единства стал днём единства н а ц и и ... Через какое-то время он станет общенародным праздником» [Край. Енисей-регион. 05.11.07].

Несколько иначе окрашены такие примеры (они иногда – в рекламных целях – находятся на грани постмодернистской иронии, или «стёба»): «русская *народная* передача «Городок», «русская народная программа «Плэйбой», «*народная* жевательная резинка», «сорт пива...получил первое место в номинации «Самое *народное*» [RenTV. 17.04.02], «Борис Моисеев в *народной* драме «Чужой» [РТР. 11.03.02], «*народный* автомобиль» [его цена – 21,5 тысячи долларов. – Афонтово. 22.01.03]. «... Новогодняя б ы д л ю ш н а я [песня], почти *народная!*» [Comedy Club.ТНТ. 29.01.06]. «В о в с ё м м и р е малую авиацию называют *народной*... Цена самолёта – от десяти тысяч долларов и выше, в зависимости от желаний клиента» [Сегодня. НТВ. 21.08.06]. «БМВ в России – давно *народное* авто» [Неделя. RenTV. 09.12.07]. «*Народный* конкурс татуировок в Санкт-Петербурге» [Неделя. RenTV. 22.06.08]. «Покорить Москву или умереть. *Народная* драма «Город соблазнов» [анонс НТВ. 27.05.09] и т. п.

Несколько иной оттенок возникает у прилагательного *народный* в таких контекстах: «*народный* автобусный маршрут..., бесплатный, для пенсионеров» [Вести-Красноярск. РТР. 22.10.03]; «*народный* холодильник... Главное преимущество – доступная цена» [Новости. Прима ТВ. 25.04.05]; «*народная* водка от... – 60 рублей за поллитровую бутылку» [Новости. 7 канал. 22.11.06]; он довольно ощутимо близок к тому значению, которое еще недавно можно было считать устаревшим: 3) 'в дореволюционной России: предназначенный для низших слоев общества; общедоступный' [МАС₂]. Социальное противопоставление высших слоев низшим ныне совершенно откровенно выражается в рекламных текстах вроде: «Цены – от элитных до *народных*». Любопытно, что социальная градация обычно осуществляется именно в такой последовательности, «сверху вниз», ср. другие рекламные тексты: «Мебель – царская, цены – холопские» [ТВК. 16.01.04]. «Мебель для всех: от миллионера до пенсионера!» [Прима ТВ. 26.02.09].

Интересными оказываются случаи совмещения коннотаций в пределах одного контекста как форма выражения настроений социальных групп (довольно многочисленных), считающих свои законные права и интересы ущемлёнными: «Автолюбители Дальнего Востока готовят в подарок Путину «Тойоту» с правым рулём [в преддверии запрета на ввоз в Россию подобных автомобилей] в рамках акции «*Народному* президенту – *народный* автомобиль» [Новости. ТВК. 31.01.07]: здесь возникает явно иронический оттенок.

Небезынтересно и исчезновение народного образования (по крайней мере, в именовании соответствующего министерства и его подразделений). В связи

с этим надо отметить: депутаты Госдумы отвергли предложение своего коллеги С. Бабурина именоваться впредь «*народными* избранниками» [Вести недели. РТР. 27.09.04]; можно предположить, что это отторжение было вызвано не только стремлением избежать каких-либо ассоциативных связей с советскими народными депутатами, дабы не оказаться заподозренными в симпатиях к бесчеловечному тоталитаризму, но и пониманием (пусть интуитивным) специфических коннотаций, которыми прилагательное *народный* обросло за последние годы, а может быть, и отнюдь не декларируемым осознанием того, что парламентарии склонны защищать вовсе не интересы народа (по крайней мере, не его большинства); да и в ы б о р ы и з б р а н н и к о в имеют удивительно предсказуемые результаты...

Существительное *народ* звучит в телеэфире исключительно редко; случаи же его употребления в духе прежней аксиологической системы единичны, а отсутствие/наличие мелиоративности/пейоративности зависит от контекстуального окружения: «Чиновник – это враг номер один нынешней России для *народа*» [А. Купцов, фотограф политиков. Новости. Афонтово. 20.12.06]. «Этому *народу* всё равно, кто им управлять будет» [М. Задорнов. RenTV.10.08.07] – «Я хочу и буду работать на благо моей страны и моего *народа*» [М. Ходорковский. Неделя RenTV. 16.04.05]. «Был ли Сталин антисемитом?.. Смерть Сталина пришла в очень нужное время для евреев России, а также, наверное, всего советского *народа*» [РТР.12.02.99] (ср.: «Умер Сталин – в с е м сразу стало весело!» [Роман с Карцевым. Грустный клоун. РТР. 16.07.09] – ср.: «... Сначала плакали: «На кого ты [Сталин] нас покинул?!».

Потом поняли: нам лично он не очень нужен – все стали смеяться» [М. Жванецкий. РТР. 28.03.10], а также: «У Бовина в мемуарах ... все приличествующие моменту случаи: и убийство Мейерхольда, и суд и расстрел Еврейского антифашистского комитета; даже говорит о существовании будто бы плана «уничтожить или заключить в огромное гетто всю еврейскую общину Союза». А абзацем ниже этот опытейший журналист пишет: «К с ч а с т ь ю , умер Сталин...» [Есин 2002: 442]). «В тот момент, когда он [Вольф Мессинг] встретился со Сталиным, его охватила ненависть к человеку, который хотел уничтожить его *народ*» [Вольф Мессинг. Судьба пророка. RenTV. 02.08.07]. «Еврейский *народ* сегодня отмечает праздник Ханукка» [Вести-Красноярск. 05.12.07] и т. п. (хотя известны и примеры вариативности существительных *народ – население – нация*, как бы нивелирующей обозначаемые понятия внутри одного микротекста, ср.: «Отношение к Эренбургу было сложным со стороны еврейского *населения*... Сталин принимает решение уничтожить еврейскую нацию вообще... Они должны были быть выселены из Москвы, Ленинграда, из центра... Письмо Эренбурга [Сталину]... избавило *народ* от выселения, бед и страданий» [В. Вульф. Мой серебряный шар. РТР. 10.06.05].

В то же время существительное *население* гораздо более частотно: «Если будет победа в первом туре – это огромный аванс со стороны населения» [В. Путин. Новости. ОРТ. 27.03.00]. «*Население* чувствует, что с землей надо поступать каким-то особым образом» [А. Гордеев, министр сельского хозяйства. РТР. 28.05.02]. «Мы просто *население* опрашиваем, кого бы они хотели [видеть] губернатором» [А. Беспалов, председатель

генсовета партии «Единая Россия». Новости. Афонтово. 26.07.02]. «... *Население*, пережившее [интересен здесь выбор формы прошедшего времени. – А. В.] все тяготы переходного периода» [Ночное «Время». ОРТ. 18.01.03]. «... Можно сказать, что мы этих проблем не видим... Сказать *населению*... *Население* должно знать» [А. Чубайс. 24. RenTV. 10.04.03]. «Есть большая прослойка населения, которая будет противиться реформам, проводимым государством» [Г. Греф. 24. RenTV. 05.04.05]. «*Население* относится скептически не только к самым крупным собственникам» [В. Найшуль. Времена. ОРТ. 19.06.05]. «По словам президента, Общественная палата должна служить интересам всего *населения*» [Время. ОРТ 20.07.05]. «Мы не можем [в социальной сфере] отделяться подачками *населению*» [Б. Титов, предс. организации «Деловая Россия». Доброе утро, Россия. РТР. 21.06.05]. «Депутаты считают, что если выскажут мнение [в Интернете] все слои *населения*, то это положительно скажется на работе Законодательного собрания» [хотя почему-то не учитывается, что не у всех «слоёв» есть доступ к Интернету. – Новости. 7 канал. 16.02.06]. «Нужно выработать у *населения* отрицательное отношение к любой революции» [В. Жириновский. 24. RenTV. 22.01.07] и мн. др.

Любопытно, что дифференциацию понятий народ/*население*, их противопоставленность иногда обнаруживают и признают (вероятно, в определённых пропагандистских целях) и некоторые из многолетних активных проводников соответствующих реформ: «Многое упущено за эти годы в социальной сфере... Кто будет осуществлять [«прорыв в экономике»]? Немощное, больное *население* вместо народа?» [Э. Памфилова, председатель Совета по формированию

гражданского общества при Президенте РФ. Вести-Красноярск. 13.07.08].

Многочисленное смешение *населения* (жителей региона) и *населения* (народа страны) закономерно приводит к нивелированию, стиранию различий между ними – и не в пользу народа как этнической общности, а сводится, скорее, к некоему условному «среднеарифметическому» множеству (без роду-племени, как выражались ранее).

Усугубляются эти процессы и постоянным акцентированием на том, что *население* не живет в государстве или стране, а обитает преимущественно на неких «пространствах» (ср.: экономическое пространство, валютное пространство, информационное пространство, культурное пространство, образовательное пространство и т.п.). Это довольно отчетливо напоминает как приснопамятные *Ostrraum* и *Lebensraum*, так и реплику литературного персонажа: «Да, *im Raum verlegen... im Raum*-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно...» [Толстой 1980, VI: 217].

Если принять терминологический инструментарий тех лингвистов, которые в послесоветские годы бесстрашно сражаются то с «советским тоталитаризмом», то за «демократическую толерантность», можно присвоить слову *население* статус новейшей «идеологемь» (или одного из глобализмов [Денисова 2004]), применение которых в пропагандистских целях может иметь далеко идущие последствия. Скажем, претендовать на земли и их недра, реквизируя их у какого-либо народа, всё же, наверное, не вполне политкорректно, а вот проделать подобное по отношению к *населению* гораздо проще – особенно если само

население прочно уверено в этом своем статусе. Ведь, по справедливому суждению историка, «во все времена Россия обладала исключительной мощью, пока ей удавалось сохранять внутреннее единство, но превращалась в слабейшее государство, едва утрачивала его» [Скрынников 1990: 24]; как раз наличие *народа* и есть залог такого внутреннего единства.

Барско-ироническое осмысление прилагательного *народный* (ранее в значительной степени советизма), ёрничество по поводу обозначаемого им комплекса понятий также обладают довольно прозрачными интенциями и манипулятивным ресурсом. Надо иметь в виду, что обычно в таких случаях подразумевается именно русский народ. Навязываемая ассоциативная цепочка рассуждений может выстраиваться приблизительно следующим образом: народное – нелепое, бездарное, плохое, некультурное, нецивилизованное, потому что таков народ. Но «Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими... По научным воззрениям – она в принципе называется однопациональной... Россия – однопациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими... «идеологическими диверсантами» [Трубачёв 2004: 207-207] (кстати, последние, представленные в том числе мощным корпусом псевдомористов, популяризуют совсем иные представления об этнических реалиях; ср.: «Мы живём в большой м н о г о н а ц и о н а л ь н о й стране. Есть у нас маленький, но гордый *народ*: евреи» [Л. Ярмольник. Смак. 1 к. 20.01.07]). Ср.: «Мы привыкли называть нашу страну многонациональной, но при этом как бы забываем, что примерно три четверти ее населения

составляют русские» [Доровских 2003: 26], то есть являются государствообразующей нацией, и если она так плоха... Здесь опять же уместны некоторые литературные ассоциации: «Господин Крафт [нем. Kraft – ‘сила’]... вывел, что русский народ есть народ второстепенный..., которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливо своего вывода, господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки...» [Достоевский 1957, 8: 57].

В терминах информационно-психологической войны подобное именуется деморализацией противника. Примерно та же цель преследуется и разрушением якобы сугубо советского пафоса, воплощавшегося, в частности, в существительном *народ*.

В соответствии с известными положениями перспективной (прогностической) семантики, «в сознании носителей языка в процессе смыслопорождения актуализируются не только стабильные смысловые признаки, связанные с определённым концептом, но и «случайные» (нестабильные) компоненты, свидетельствующие о накапливающихся смысловых изменениях... Как частотные, так и не частотные нестабильные компоненты репрезентируют процесс изменения значения на разных его стадиях, следовательно, по этим репрезентантам мы можем прогнозировать пути развития значения» [Лукашевич 2002: 209, 211].

Перспективы дальнейших семантических эволюций рассмотренных здесь слов почти всецело опре-

деляются влиянием манипулятивных технологий через СМИ, направленным (как об этом можно судить даже и по относительно небольшим группам слов) на изменение русской ментальности – в сторону «безнациональности», отказа от этнической самобытности и её утраты – таким, по-видимому, представляется манипуляторам один из решающих этапов построения т.н. «гражданского общества», состоящего как раз из *населения*.

Между прочим, операции, ведущие к элиминации *народа* (посредством уничтожения этого без преувеличений фундаментального фрагмента языковой картины мира), производимые и за счёт осмеяния народного, во многом сродни описанному классиком представлению о «бесполезности и комичности слова... отечество» как частного приёма «систематического потрясения основ, систематического разложения общества и всех начал» [Достоевский 1957, 7: 26, 696].

По оценкам некоторых специалистов, происходит процесс «толпообразования»: «В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению *народа* в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и пропаганду безответственности» [Кара-Мурза 2002: 235]. Известны и несколько иные универсально-прогностические оценки подобных ситуаций: «Гибель цивилизации проявляется в том, что на ее территории останавливается накопленное культурно-историческое время [ср.: «...времени уже не будет». – Откр. 10, 6], девальвируется ценность общественного сознания, разрушается целостное восприятие прошлого, настоящего и будущего. Нация, некогда составлявшая

цивилизированное общество, как бы впадает в беспмятство и превращается в популяцию» [Немчинов 1993: 63-64]. Кстати, последнее слово ранее регистрировалось лексикографами лишь в специальном значении 'совокупность одного вида животных или растений, находящихся на определенной территории' [МАС₂]. Но сегодня (возможно, не без влияния англ. a population) его стали употреблять применительно как к отдельным социальным группам, так и к целым этносам, ср.: «Среди *популяций* этих [беспризорных] детей появились и такие, у которых есть родители» [М. Акимов, координатор программы «Дети Санкт-Петербурга». Намедни. НТВ. 21.01.02 – уместно напомнить, что в [Сл. 1847 г.] одно из значений слова народъ иллюстрируется пушкинским: «мальчишек радостный народ...»]. «Через сто лет белорусы как *популяция* вообще исчезнут с лица земли» [Дела. Афонтово. 21.01.03].

Таким образом, операции по изменению русской ментальности, некогда проводившиеся под лозунгами гипертрофированного интернационализма, сегодня получили новую движущую силу – глобализацию, направленную, в том числе, и на устранение национальных различий. Видимо, когда *народ* перестает считать себя *народом* и приобретает навязываемую ему самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слов, защищающих не только естественную культурную идентичность и экономическую самостоятельность, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета.

Современные национальные загадки

«Что это за отечество у забывших об нации?»

В.В. Маяковский

Среди слов, используемых как инструменты манипуляций общественным сознанием, особое место принадлежит лексемам иноязычного происхождения. Если исходить из их градации по степени освоенности, то, конечно, наибольшего эффекта при проведении вербально-манипулятивных операций очевидно добиваются с применением самых «свежих» слов. Впрочем, и уже, казалось бы, привычные, давно вошедшие в речевой оборот носителей русского языка лексические заимствования либо слова с чужезычными корнями также могут быть весьма действенными орудиями трансформаций сознания общества.

Замечено, что в числе прочих теоретических проблем, возникающих при восприятии и истолковании заимствованных в русский язык слов, на первый план выдвигается проблема лексикологическая. «В русском языке уже имеются слова того же или близкого значения, даже заимствованные, но уже раньше... Многие заимствования в русском языке получают совершенно новое значение, поскольку в том значении, которое у них было в языке-источнике, уже используются собственные, русские слова... На почве несовпадения значений произошло много неприятных событий. Так, *приватизация* «присвоение (для себя)» от латинского *privatio* «лишение, отнятие» было неверно понято большинством населения, что задним умом и было воспринято в обозначении *при-хватизация*. Такая же ловушка случилась и при толковании терминов

суверенитет, демократия, секвестр, конституция и др., что тоже лежит на совести идеологов» [Кулецов 2004в: 200-201]. Впрочем, кроме степени совестливости идеологов, есть и собственно лингвистические причины предпочтения заимствований в некоторых ситуациях.

Во многом это объясняется отсутствием в корневых элементах заимствованных (или с иноязычными корнями) слов так называемой внутренней формы.

«Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (бык – ревуший, волк – режущий, медведь – едящий мед, пчела – жужжащая и проч.)... Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня 1976: 115, 146-147].

В координатах современной лингвистики внутреннюю форму слова определяют как семантическую и структурную соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; «признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [ЛЭС 1990: 85].

Конечно, слова иноязычного происхождения давно и традиционно оцениваются как благодатный ма-

териал для игры (обычно основанной на их ложной этимологии – вненаучной интерпретации внутренней формы) и в литературно-художественных произведениях. Кроме хрестоматийно известных примеров из «Левши» Н. С. Лескова, назовем еще некоторые. Так, в репликах свахи Красавиной из пьесы А. Н. Островского контаминированы *мораль* и *марать*: «... Какая мне радость, что всякое дело [сватовство] всё врозь да врозь. ... Всему нашему званию мараль». «Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет» [Островский 1972, 1: 295, 315]. Так же на ложной этимологии *мотивировать* (якобы от *мат* – ‘нецензурная брань’) строится подобная игра в речи старого капельдинера, персонажа М. М. Зощенко: «...Кириллыч наш как рывкнет, как рывкнет, собачий хвост... В одну минуту доказал, что он за какой бас. Ну, только за минуту гордости потерпел – очень его матевировали и после службы поперли» [Зощенко 1986, 1: 149] (сам писатель заявлял: «Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зощенко 1986, 1: 538]). Ср. наблюдения Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без ... надобности щеголять» [Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1873/цит. по: [Земская 1957: 21].

Несколько более изощренной игра с заимствованными словами (точнее, здесь присутствуют и варваризмы) оказывается в устах другого литературного персонажа – Николая I – при посещении им таможи: «Экспедицъон офицель» [expedition officielle (франц.) – официальная посылка; экспедиция – отделение почтамта], – сказал таможенный тихо. Ящи-

ки с такой надписью отправлялись на министерства, посольства и вскрытию не подлежали. Он [царь] посмотрел поверх должностных лиц, бесстрашно. «Expedition – это вы, – сказал он, – officielle – это я. Вскрыть» [Тынянов 1973: 476].

Иногда совершенно нежелательная и непредусмотренная игра слов возникает вследствие низкокачественного перевода иноязычного текста, ср. чрезвычайно распространенное в книгах и фильмах авантюрно-детективного жанра «офицер полиции» (хотя *officer* или *police officer* – в подобных случаях на языке оригинала означает лишь «полицейский», т. е. примерно того, кого в России именовали либо «рядовым милиции», либо попросту «милиционером», ныне же обладателя высокого звания *полицейский*).

Сегодня мы встречаемся с гораздо более опасными (без преувеличения!) изощренными двусмысленностями манипулятивного свойства, также основанными на подмене базовой семантики давнего лексического заимствования подновленной – с помощью выдвижения одного из его периферийных и прежде редко использовавшихся значений на первый план. В таких случаях очевидно целенаправленно используются слова, одновременно и общеупотребительные, и – в другой своей ипостаси – являющиеся элементами сразу нескольких терминосистем.

Одной из ключевых манипулятивных новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация*, *национальный* и этимологически и морфологически родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций

во многом предрешается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем *нац-* в русском языке. При этом специалистами не раз предпринимались (и предпринимаются по сию пору) попытки заключить названные термины в хотя бы более или менее жёсткие рамки дефиниций. Эти попытки имеют давнюю историю. Так, «...тема национального самосознания и национальной проблематики в целом была одним из главных для философов «первой волны» российской эмиграции. При этом принципиально важным моментом для них был пересмотр одного из понятий, играющих сейчас в науке и в жизни исключительную по своему значению роль. Это – понятие нации» [Базылев 2005: 6].

Сама же важность точного дефинирования в данном случае подчёркивается и тем, что обозначаемые терминами *нация*, *национальный*, *национальность* сущности и свойства являются разновидностями воплощений такого универсального понятия, как граница – и многих связанных с ним феноменов. Ср.: «Сущность противопоставления – это именно сама линия и то, что к ней примыкает с одной стороны... Не в том дело, что у такого-то народа есть такой-то устойчивый признак культуры, а у соседнего или соседних его нет или он в чём-то видоизменён. Нет, именно само это отличие и составляет факт культуры... Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница» [Поршнев 1973: 8, 12]. – «Граница может отделять живых от мёртвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [Лотман 1996: 175].

Представляется целесообразным предварительно рассмотреть слова интересующей нас группы в диахроническом аспекте.

В качестве древнейшего первоисточника существительного *нация* называют латинский язык, где «*natio* – ‘происхождение, род’ > ‘племя’, ‘народность’, ‘класс’, ‘сословие’, ‘каста’, ‘порода’ [корень тот же, что в *nascor* (< *gnascor*) ... *naturus sum, nasci* – рождаться, происходить]» [Черных 1993, I: 562] (ср.: *natio* – 1) ‘рождение, происхождение, род’; 2) ‘племя, народность, народ или нация’; 3) ‘класс, сословие, каста, разряд, слой’; 4) ‘порода’; 5) ‘сорт’; 6) ‘языческие племена’ [Дворецкий 1976: 662]).

Слова этого корня начинают осваиваться русским языком в петровскую эпоху [История лексики 1981: 66]. Хотя ещё в «Книге систиме» Дм. Кантемира (1722 г.), текст которой насыщен заимствованиями, снабжёнными на полях глоссами, поясняется значение *нация* – ‘род’ [Веселитский 1972: 18], но в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» *нация* – ‘народ русский, немецкий, польский и прочая’ [Лекс. в. н. 375, н. XVIII в. – КДРС]. Оно употребляется с первой половины XVIII в. в текстах широкого функционально-стилевого диапазона, от официально-деловых до литературно-художественных: «Португалія не въ состояніи была и есть и будетъ впредь, чтобы войну иметь противъ Франціи того для, что *нация* ихъ вся несклонна къ войне и ... склоннее къ французамъ, нежели къ другимъ» [А. К. V. Мем. 1711, 6]. «... Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна!.. Бьетъ челомъ шведской *нации* Петръ Брунатій...» [Мат. ист. АН, т. I, 240. 1727 г.]. «Ежели ваше благородіе далѣе во ономъ поступать изволите, то какъ здешней *нации*, такъ

и иностраннымъ людямъ пріятнее будетъ» [Мат. ист. АН, т. I, 370. 1728 г.]. «Въ прежнюю перепись изъ церковниковъ Польской *націи* и изъ другихъ тому подобныхъ по желаніямъ ихъ, ... приписаны къ купецкимъ людямъ...» [Гр. указ. О крест. 1746 г., 119]. «... Увидевши она [принцесса] его [Аридеса] движение и признавая за иностранного человека, ... приказала спросить: какой онъ *націи*...» [Невидима. 236. 1789 г.] и др. [КДРС].

По-видимому, к этому же времени принадлежит и возникновение в русском языке существительного *национальность*; его относят к незначительному числу новообразований на *-ость* [История лексики 1981: 165-166]; ср.: «франц. *nationalite* передавалось как *национальность* еще писателями XVIII в.» [Сорокин 1965: 57].

Однако применительно к указанному периоду отмечают и некоторые семантические явления, сопутствовавшие освоению слов корня *нац-*, которые оказались вряд ли насущно необходимыми для русского лексикона, где укрепились издревле *народ* и многие его производные. Поэтому благоприятной сферой бытования иноязычной по происхождению лексики (наряду с исконной) оказываются развивающиеся научные и другие терминосистемы. «Активизация слов в сфере отвлеченной лексики сопровождается их терминологизацией, в этих случаях также наблюдаются вариантность и углубляющаяся дифференциация наименований. Данные явления охватывают разные и весьма широкие слои лексики. Эти слова социального и общественно-политического содержания: *народ*, *народный* (*общенародный*, *всенародный*), *народность*; *национальный*, *национальность*» [Веселитский 1972: 272].

Русская лексикография первой половины XIX в. не фиксирует сколько-нибудь заметных различий в значениях названных слов, обычно используя одни из них для синонимического толкования других, ср.: «*нація* – «народ, племя, язык». См. *сіи слова*» [САР₂ 1814, III: 1257]; «*нація* – «народ, племя, язык»» [Сл. Соколова 1834: 1606]; «*национальный* – «народный»» [Сл. 1847] и т. п.

Но в то же время в употреблении указанных слов продолжают процессы, начавшиеся почти столетием ранее: «Заимствованные слова выражали еще такие оттенки понятия, что смысловое наполнение их и соответствующих им русских синонимов оказывалось всё же различным... Заимствованные слова, «удерживаясь вместе с оригинальными, – писал Белинский, – заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность и национальность*» [Сорокин 1965: 57]. Ср. также ряд примеров [БКСО], в которых семантика слова *национальность* во многом определяется его конкретным контекстуальным окружением: «*Национальность* делает поэта и великим и ничтожным». Белинск. Соч. VII, 169. «Вопрос о *национальности* в наше время так сильно поднят,.. узел этого вопроса в польском освобождении...» Огарев. Избр. I, 539. «Разумеется, что, при такой обстановке, я был отчаянный патриот и собирался в полк; но исключительное чувство *национальности* никогда до добра не доводит». Герцен. Былое и думы. Т. I. С. 17. «Есть ли какое-нибудь совокупное действие, которое не нашло бы себе оправдания в государственном единстве, в *национальности*». Л. Толстой. Война и мир. Эпilog. Ч. II, гл. VII. «У китайцев нет *национальности*, патриотизма и религии».

Гончаров. Фрегат «Паллада». Т. II, гл. 6. «Черта *национальности* не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок» [Ушинский. О наружности в общественном воспитании, 62 и др.].

Интересно, что представители некоторых социально-политических течений вкладывали в семантику использовавшихся ими терминов свои, авторские значения, что вызывало и критические замечания: «Славянофилы нашли точку опоры в *национальности*, или, как они любили неправильно выражаться, в *народности*». Михайловский. Письма о правде и неправде. III (IV, 439) [БКСО]. Такая характерная семантизация, видимо, дала возможность сделать вывод о том, что «славянофилы употребляли слова *народ*, *народный* в смысле «нация», «национальный» [Дудзинская 1983: 37]. Впрочем, ср. также мнение современного политолога: «... Из всего контекста творчества славянофилов следует, что речь надо вести не о «социально-классовом» понимании ими термина *народность* (в смысле «любви к простому народу»), а о соответствии славянофильского термина *народность* современному термину *национализм* (не путать с шовинизмом, ксенофобией)» [Шестаков 2005: 41].

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с интересующим нас корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры передаются, по существу, в одной и той же иерархической последовательности, без сколько-нибудь радикальных различий в дефинициях.

Так, в качестве первого (то есть главного, основного) значения *нация* выступает «исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры» [СУ II, 461]. Как явствует одна из цитат, иллюстрирующих данное значение, оно представляет собой слегка видоизмененное определение описываемого понятия, предложенное И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.) и с небольшими изменениями повторенное им в статье «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 г., опубликована в 1949 г.) [Душенко 2006: 442]. Ср.: «*Нация* – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [СУ II, 462]. Собственно, здесь учтены все ключевые категориальные признаки понятия, к тому же логично ранжированные. Вероятно, это определение следует считать вполне объективным; по крайней мере, оно присутствует и в ряде позднейших академических толковых словарей русского языка, пусть и с непринципиально важными вариациями, ср.: «*нация* – 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризуемая общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада (проявляющегося в общности культуры)» [БАС₁ 1958, 7: 646]; «*нация* – 1. Исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная с общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта» [МАС₂ 1982, II: 414] (возможно, в пос-

леднем толковании отразилась необходимость упомянуть о нациях, ставших таковыми лишь с победой социалистического строя; введение же в привычную формулировку существительного *людей* («общность людей») вряд ли было столь же обязательным). Также: «*нация* – 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [ТСОШ: 398]. И здесь, по сравнению с давно известным («сталинским») определением, различия несущественны: они сказываются главным образом в синонимических заменах некоторых слов (хотя, пожалуй, примечательно присутствие термина «литературный»; согласно этому же словарю *литературный язык* – «обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами» [ТСОШ: 328], поэтому далеко не все владеющие общим для какой-либо территории национальным языком – общим для нее языком одной из наций, объединенных проживанием на данной территории, – могут с полным правом считать себя частью такой нации).

Лишь на второе место отечественные лексикографы разных исторических периодов (причем в некоторых случаях – с ограничительными пометами) выносят *нация* в ином значении – «государство». Так, «*нация* – ... 2. перен. государство (полит., дипл.). «Лига наций». «Представитель дружественной нации» [СУ II: 462]; «*нация* – ... 2. Государство» [БАС₁ 1958, 7: 646]; «*нация*... 2. Государство, страна. «Представитель дружественной нации». «Организация Объединенных Наций» [МАС₂ 1982, II: 414]; «*нация* ...

2. В некоторых сочетаниях: страна, государство». «Организация Объединенных Наций» [ТСОШ: 398].

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному *национальный*, в цитированных лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семантика его деривата отнесена уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений.

Ср.: «*национальный* – 1. Прил. к *нация*. «Национальное единство». «Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие». Стлн. 2. Свойственный данной нации, выражающий ее характер». «Н. костюм». «Н. дух». ... 3. Государственный, принадлежащий данной стране. «Н. флаг». «Н. гимн». «Национальное имущество». // Распространяющийся на государство в целом; в общегосударственном масштабе. «Национальная федерация профессиональных союзов во Франции». «Н. рекорд». 4. Прил., по значению связанное с общественно-политической жизнью наций и их взаимоотношениями. «Национальное движение». «Национальная политика» ... 5. Принадлежащий к национальному меньшинству (нов.). «Местное национальное население». «Национальные районы» *Национальное меньшинство* или *нацменьшинство* (полит.) – национальность, представляющая по численности меньшинство в сравнении с основной массой населения в государстве» [СУ II: 461].

Затем: «*национальный* – 1. Относящийся к нации, народности, связанный с их общественно-

политической жизнью, интересами. 2. Свойственный данной нации, народности, выражающий ее характер, особенности. 3. Государственный, принадлежащий данной стране. «Национальный флаг». «Национальный гимн». 4. Относящийся к отдельной (малочисленной) народности» [БАС₁ 1958, 7: 645]; «*национальный* – 1. Относящийся к нации (в 1 знач.), национальности (в 1 знач.). «Национальный вопрос». «Национальные особенности». «Национальное движение»... 2. Выражающий характерные особенности какой-л. нации, национальности; Свойственные какой-л. нации, национальности. «Национальная культура» ... 3. Относящийся к отдельной, малочисленной национальности. «Национальный район» [МАС₂ 1982 II: 413-414]. Иногда (очевидно, в связи с установкой на ограниченность объема словарной статьи) толкование этого прилагательного не приводится; ср. «*национальный*. «Национальные интересы». «Национальное равноправие» [ТСОШ: 398] (возможно, в подобных случаях семантизация всё же была бы целесообразной).

Круг сочетаемости прилагательного *национальный* почти в каждом из его значений, представленных в [МАС₂], очерчен в соответствующем словаре: «*национальный* – 1. Такой, который относится к общественно-политической жизни нации, связан с ее интересами: *политика, вопрос, движение, интересы, права, равноправие, привилегии, гнёт, единство, целостность, обособленность, противоречия, самоопределение, самосознание*... 2. Такой, который принадлежит данной нации; выражающий характерные особенности какой-л. нации, свойственный ей: *культура, искусство, литература, театр, музыка,*

танец, дух, обычай, традиция, характер, особенность, самобытность, одежда, костюм, головной убор, украшения... 3. Государственный: гимн, флаг, суверенитет, доход, имущество, федерация чего-л. (бокса, легкой атлетики...), рынок, рекорд, музей, парк...» [Сл. сочетаемости 1983: 309] (правда, здесь не приводится значение самого слова *нация* – в словнике данного издания оно отсутствует, – что несколько снижает информативность цитируемой статьи).

Интересно, что и в некоторых современных толковых словарях при указании активизации использования прилагательного *национальный* в значении «относящийся к нации; связанный с отношениями между нациями» [ТССРЯ 2001: 499] не приводится значение производящего слова. Поэтому, хотя часть иллюстративного материала данной статьи явно относится к привычной семантике *нация* и *национальный* («Там» [в Узбекистане], они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением [собственно, и русские, проживавшие в Узбекистане, тоже ведь были частью «местного населения»? – А. В.], тем ярче проявляется национальное самосознание русских» и др.), пример устойчивого словосочетания *национальное примирение*, толкуемый как «достижение, установление мира между нациями внутри государства», очевидно, не соответствует этому значению. Ср.: «Выбор даты [перезахоронения останков императора] должен символизировать национальное примирение, необходимое России после 1917 года» [СС, 30.09.94-06.10.94] [ТССРЯ 2001: 499-500] – ведь ни октябрьская революция, ни гражданская война, насколько известно, были конфликтами социальными, не межэтническими.

Вероятно, заметную роль в недостаточно четком разграничении значений прилагательного *национальный* (определяемом иногда почти исключительно контекстом высказывания) сыграло и полисемичное существительное *национальность*. Это также можно наблюдать по ряду лексикографических изданий, фиксирующих иногда в качестве первого (основного) его значения совершенно аналогичное первому значению существительного *нация*.

Например, «*национальность* – 1. То же, что *нация*. «...Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства». Стлн. «Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей». Конституция СССР. «В Советском Союзе все национальности равноправны». «Пропаганда среди национальностей». 2. Принадлежность к какой-л. нации. «По национальности русский». «Установить н.». 3. То же, что *народность* в 2 и 3 знач. «Н. искусства» [ср.: *народность* – ... 2. Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу. «Отстаивать свою н.». 3. Степень соответствия кого-чего-н. с характерными свойствами народа. «Н. поэзии Пушкина». – СУ II: 414]. 4. Национальная обособленность, исключительность. «Отстаивать свою н.». ... [СУ II: 461] (заметим попутно, что, несмотря на идентичность речений-иллюстраций к знач. 2 *народность* и к знач. 4 *национальность*, коннотации толкуемых слов представлены как прямо противоположные: у первого из них оценочность мелиоративная, у второго – пейоративная).

Со временем в словарях у существительного *национальность* меняются и иерархия, и некоторые форму-

лировки значений, и само их количество. Ср.: «*национальность* – 1. То же, что нация, народность. 2. Принадлежность к какой-л. нации, народности. «Русский по национальности». «Установить национальность». 3. Национальная самобытность» [БАС₁ 1958, 7: 644]; «*национальность* – 1. Принадлежность к какой-либо нации, народности. «Люди разных национальностей». «Русский по национальности». 2. То же, что *нация* (в 1 знач.), [МАС₂ 1982, II: 389]; здесь *народность* (в 1 знач. – то есть «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации»); [МАС₂ 1982, II: 413].

Конечно, о характере использования прилагательного *национальный* в текстах официальных документов (в том числе и законодательных актов) следует сказать особо. Приведём только некоторые примеры; как и ряд других, эти явления рудиментарно сохраняют специфические черты употребления лексики общественно-политической сферы недавнего прошлого. Справедливо было замечено, что «в советскую эпоху... в таких словосочетаниях, как «*национальная школа*», «*национальные языки*», «*национальная литература*», определение «*национальный*» имело значение «нерусский» – ср. там же: «современный латышский рассказ» – но не «современный русский рассказ» [Гербик 1997: 29 и далее]. Подобную квалификацию следует считать не самой полезной и плодотворной частью советского наследия (ср.: «Неловко вспоминать, как я предлагал Саше Вампилову для более быстрого прохождения «Утиной охоты» провести её по разряду «пъес н а ц и о н а л ь н ы х авторов». Он немедленно отказался и, наверное, был уязвлён. Он считал себя русским писателем,

был кровно связан с русской литературой, и любая с н и с х о д и т е л ь н о с т ь [т. е. преимущества, которыми обладали в СССР для обретения высокого социального статуса и карьерного роста представители иных национальностей не только в области художественного творчества. – А. В.] ему была не нужна» [Ефремов 1982: 623]).

Эти любопытные терминологические традиции весьма устойчивы и до сих пор, например в лингвистике. Ср.: «русские **и** национальные деятели», «*национальные и* русские школы», «*национально* ориентированная [явно имеется в виду «не русская» – А. В.] интеллигенция», то же самое, наверное, – и «*национальная* интеллигенция» [Алпатов 2003: 22-24]. Известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и что «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневоле», таким образом, складывается впечатление, что русские – **не национальные** («безнациональные») и *русский* – всего лишь синоним (эвфемизм? псевдоэвфемизм?) к *безнациональный*.

То же самое наблюдаем в текстах документов, официально регламентирующих российскую языковую политику. Например, в первой федеральной целевой программе «Русский язык» на 1996-1997 годы: «стратегия сохранения и упрочения сбалансированного *национально-русского* и *русско-национального* двуязычия» (та же формулировка – в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002-2005 годы).

Одним из впечатляющих образчиков российского официального новояза можно считать следующий пассаж из той же программы на 1996-1997 гг.:

«Распространение русского языка в мире отвечает *национальным* и государственным интересам Российской Федерации». Загадочность тезиса определяется прежде всего тем, что даже искушенный читатель подобных многозначительных документов вряд ли сможет уяснить, какой именно смысл вкладывают составители-языкотворцы в прилагательное *национальный*. Если обновленно-глобалистский (этатический), то уже совсем непонятно разграничение *национальный* – и *государственный*.

Занятно, между прочим, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006-2010)» среди прочих негативных явлений упоминается «ослабление *национальной* самоидентификации р о с с и я н ». Хотя, согласно действующей конституции, каждый вправе указывать свою национальность (ч. 1 ст. 26), из паспортов граждан РФ соответствующая графа удалена. При этом, как известно, *россияне* – вовсе не нация (то есть не народ, не этнос); *россияне* – «жители, уроженцы России; граждане России» [ТССРЯ 2001: 680] – из приведенной дефиниции следует, что это представители самых разных национальностей, и никакой «национальной самоидентификации», общей для них всех в этом статусе, быть попросту не может (подробнее см. [Васильев 2008: 150]).

В документе «Концепция очередного этапа реформирования системы образования» (М., 1997), содержащем примерно в равных пропорциях благоглупости и подлинно зловередные предложения (большая часть этого реформаторского, а точнее – деструктивного вздора уже в том или ином виде реализована), прилагательное *национальный* употреблено неоднократно – и каждый раз в «обновленном» значении.

Здесь фигурируют и «*национальная система контроля качества образования*» (с. 17), и «*программа приоритетной поддержки ведущих вузов России, составляющих ее национальное достояние*» (с. 25), и «*формирование национальной образовательной политики*» (с. 31). Особенный интерес, конечно, вызвало «*национальное тестирование*» (с. 6, 16) – в то время эта замечательная формулировка породила предположения даже о проверке на расовую (этническую, национальную) принадлежность учащихся.

Следует сказать также, что и бывшее ранее первым и основным значение прилагательного *национальный* недавно довольно интересным образом обыгрывалось в целях некоторых региональных политиков – получилась некая семантическая контаминация.

Замечено, что «*понятие полной независимости государства от других государств подменяется понятием национального суверенитета, т. е. представлением об особых правах титульной нации*» [Колесов 2004в: 202]. Совершенно естественно (но, конечно, вовсе не с точки зрения сохранения государственно-территориальной целостности России) была введена формулировка *суверенные республики в составе Российской Федерации*, примененная и в наименовании, и в тексте Федеративного договора от 31. 03. 92. «Поскольку в точном терминологическом смысле *суверенитет* предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, постольку и эта формула поддержала декларации республик об их абсолютной внешней самостоятельности. Между тем все они находятся в составе Российской Федерации, соучаствуют в решении федеральных проблем и самостоятельны только в своих внутренних

делах, т. е. в том, что отнесено к их ведению» [Губаева 2004: 56]. И, «несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал положения о суверенитете республик в составе Российской Федерации неконституционными и не подлежащими применению, пока еще нельзя утверждать, что «эксперименты» региональных законодателей с термином *суверенитет* завершились» [Губаева 2004: 58 и далее].

Неоднократно отмечалось, что для представителей некоторых научных дисциплин, традиционно именуемых «общественными», смешение значений слова *нация* уже стало почти привычным и само собой разумеющимся. «Зачастую, особенно политологи и культурологи, пренебрегают различиями, которые установились между значениями слова *нация*, не разводят, как говорят логики, понятия, обозначаемые одним словом, совмещая в нем два смысла – *нация* как этнокультурная общность и как государственно-гражданская общность» [Сидельников 2001: 190] (см. также [Фролов 2005, 1: 485]). Добавим, что то же самое относится и к использованию многочисленными гуманитариями прилагательного *национальный*.

Подобную чуть ли не нарочитую путаницу (лишь единожды прореженную и разбавленную пояснением) находим в весьма характерной публикации такого рода: «Опасность [для развития социальной системы] возникает тогда, когда некая частичная [партийная] идеология объявляется *национальной* (государственной) ... Обеспечить доступ каждого к опыту *нации* и человечества... Обеспечить доступ к *национальной* культуре каждому индивиду с минимальными затратами времени и средств. Требовалось найти форму, которая может быть для этого предъявлена каж-

дому в качестве пропуска в *национальную* культуру ... Хранилищем *национального* сознания и *национальной* культуры вполне справедливо считался [?!] язык ... Язык демонстрирует не только неисчерпаемое богатство *национальной* культуры ... Блестящий пример конструктивного взаимодействия государства и *национальной* интеллигенции... Участие государства в формировании *национальной* идеологии» и т. п.; в довершение ко всей невнятице цитируемая статья называется «*Национальная* идеология и язык» [Мирский 1999: 105-107]. Однако возможно и то, что эта *национальная* головоломка играет роль некоего отвлекающего маневра, скрывая главную задачу статьи: в связи с принятием закона о свободе совести, «где были провозглашены четыре государственные конфессии в нашей стране», автор «хотел бы обратить внимание, что ... у трех из четырех – иудаизма, ислама, буддизма, – отсутствуют канонические тексты на любом языке Российской Федерации» [Мирский 1999: 108]. Действительно, вот уж досадное упущение для Российской Федерации как светского государства, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция РФ, ст. 14]. Кстати, и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125 ФЗ от 25.09.97), на который ссылается цитируемый автор, сказано буквально: «... уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...», но, конечно же, вовсе не говорится о «провозглашенных и четырёх государственных конфессий». Вероятно, и эта манипуляция не случайна.

Странное (вроде бы) непонимание семантических различий между русским *национальный* и английским *national* обнаруживается, например, в следующем пассаже: «Экспертами ЮНЕСКО в 1953 году было рекомендовано разграничить понятия «национальный язык» (*national language*) и «официальный язык» (*official language*)» [Бердашкевич 2000: 28]. В то же время предпринимаются активные попытки акцентировать и сделать приоритетным именно последнее значение, исходя из ориентации на идеальные, с чьей-то точки зрения, образцы. Таковы, например, лингвистические суждения политолога, как будто стремящегося к установлению истины, то есть – в данном случае – выступающего за введение адекватности «отечественных версий [терминов] исходным [иноязычным]», поскольку семантические их (отечественных) наполнения чрезвычайно различны: «Так, *нация* и *национальность* упрямо¹¹ связываются в отечественном политическом дискурсе с кровнородственным происхождением, тогда как исходная [непонятно, какая именно. – А. В.] версия концептуализирует «порождение» как связь с территорией [?!]. Поэтому [!] одним из важнейших критериев принадлежности к *нации* является место рождения. Всякому родившемуся на территории США гарантируется

---

¹¹ Ср. довольно характерный для определенных российских словес диалог между юристами М. Барцевским и В. Платоновым: «А ты не считаешь, что понятие *национальности* в России – это несколько придуманная вещь?» – «Я даже знаю кем. Большевиками» [Закон не местного значения// РГ-неделя. №39. 25.02.10. С.8]. Кстати, далее В. Платонов (председатель Московской городской думы) заявляет: «Для себя я ставлю задачу сделать, как в США», по крайней мере, применительно к деятельности Ассоциации юристов России.

предоставление американского гражданства. Соответственно, понятие *национальности* в англосаксонской культуре объединяет более конкретные *гражданство* и *подданство*. А термин *национал* (*national*) служит для обозначения не этнического меньшинства, а одновременно граждан и подданных. Вместо того, чтобы говорить «граждане США и британские подданные», можно просто [!] сказать – «американские и британские националы» [Ильин 1994: 131].

Любопытны, по крайней мере, некоторые уמוзакления и предложения цитируемого автора. Несомненно, что «смысловая «целина» заимствуемого слова [точнее, непроницаемость его внутренней формы для носителя языка-реципиента. – А. В.] создает предпосылки для его дерационализации, мифологизации» [Ильин 1994: 131] (хотя то же происходило и происходит с исконными словами, ср. *перестройка*, *общечеловеческие ценности*, *правовое государство* и т. п., также служившими и служащими мифологизации, и политолог здесь по сути лишь предлагает новые мифогены). Однако чересчур смелой и вряд ли продуктивной следует считать попытку «вычленения *национальных* вариантов политических понятий, получивших международное хождение», что «потребуется самостоятельного и очень скрупулезного анализа ... понятий, выражаемых созвучным вербальным знаком, восходящим к греческому первоисточнику»; для этого «нужен самостоятельный компаративный анализ национальных политических феноменов», а это, в свою очередь, «по силам только большому международному коллективу» [Ильин 1994: 132] (недифференцированность значений слова *национальный* – удачный фон

и предлог для передачи вопросов собственной терминологии, как и российской экономики, в ведение очередных иностранных консультантов).

Следовало бы также напомнить, что попытки ввести в широкий коммуникативный оборот существительное *национал* (ж. *националка*) уже имели место. Но советской нормативной лексикографией оно к употреблению не рекомендовалось (по-видимому, как унижительное и даже оскорбительное по отношению к именуемым так людям). Ср.: «*национал* (п р о с т о р е ч .). У п о т р . н е п р а в . для названия лиц коренного населения национальных республик и областей» [СУ II: 460]; «*национал* – р а з г . Н е п р а в и л ь н о е название лиц коренного населения национальных республик и областей» [БАС₁ 1958, 7: 642]. Впрочем, кажется, так и осталось неизвестным, многие ли сограждане с восторгом приняли бы перспективу именоваться, например, «*россиянскими националами*» – наподобие жителей «цивилизованных» США и Британии.

Вполне объяснимо, что и лингвисты не раз обращались к вариантам семантизации слов интересующего нас корня и к толкованиям обозначаемых ими понятий.

Иногда это делается в целях дополнительного пропагандистского обеспечения популяризируемых идеологических установок.

Например, автор учебного пособия для будущих российских филологов, историков, культурологов, философов, теологов, социальных психологов заявляет: «В последующие [после «первобытно-общинной поры»] эпохи этничность (национальность) становится социокультурным измерением человека или группы

людей, причем, согласно современному пониманию прав человека, национальное самоопределение индивида является его личным делом» [Мечковская 1998: 8]. Конечно, понятно стремление следовать моде (а, по точному суждению О. Н. Трубочёва, «моды в науках как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уж не говорю» [Трубочёв 2004: 162]), но, по крайней мере, для студентов-гуманитариев надо было бы чётко объяснить, что такое «современное понимание прав человека», а также кем именно оно инициировано и распространяется. Далее обращаются к авторитетам: «Замечательный языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ, демократ и защитник прав национальных меньшинств, еще в 1913 г. писал, что «вопрос о национальной принадлежности решается ... каждым сознательным человеком в отдельности»; «в области национальности без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда»; «вполне возможна сознательная... принадлежность к двум и более национальностям или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности» [там же]. Понятно, что оценка лингвиста как «демократа и защитника прав национальных меньшинств» в чьих-то глазах является решающей и в высшей степени мелиоративной, чуть ли не дифирамбической, хотя названные качества – скорее всего, следствие некоторых лично-биографических обстоятельств цитируемого языковеда. Содержащийся же в этих трудах вариант решения национального вопроса сегодня несомненно симпатичен тем, кому близки идеи глобали-

зации и у кого, как правило, есть про запас так называемая «историческая родина» – так что и м временная безнациональность (вненациональность) более чем кстати, как и «принадлежность к двум и более национальностям». Понятно и то, кем поощряются подобные подходы: рукопись данного учебного пособия участвовала (несомненно, успешно) «в Открытом конкурсе учебных книг, проведенном Программой Белорусского фонда Сороса «Обновление гуманитарного образования» [Мечковская 1998: 6].

Академик О. Н. Трубачёв, как известно, хорошо разбирающийся не только в сфере своих профессиональных интересов, последовательно и оправданно понимал и применял термин *нация* прежде всего именно как обозначение этнокультурной общности. Анализ некоторых политтехнологических плетений словес позволил выдающемуся специалисту по этногенезу славян обоснованно утверждать, что «под прицел критики взята идея *национального* государства как якобы себя изжившая, муссируется государство *наднациональное* – очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с *национальным* государствообразованием... Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что доверит бразды правления какому-то *наднациональному, транснациональному* корпоративному руководству, можно, думаю, только в дурном сне» [Трубачёв 2004: 184-185]. Заметим, увы, что и дурные сны могут сбываться... Ведь ответ на вопрос: «Кто будут эти «варяги» – мировая финансовая олигархия или «малый народ», по терминологии Шафаревича? Или – два в одном?» [Трубачёв

2004: 185] уже был дан самым недвусмысленным образом, когда правление Ельцина стало, по сути, царствованием «семибанкирщины» – группы, вполне гомогенной и в национальном отношении.

Однако и сегодня лингвисты не оставляют попыток разобраться в сложной категории этничности и связанных с нею понятий. Так, И. А. Шастина, справедливо считая раскрытие сущности феноменов «этнос», «этничность», «этническая идентичность» классической терминологической проблемой этнонауки [Шастина 2009: 4], видит главную трудность исследования этнонимов в размытости границ феномена *этничность*, а также в неопределенности сущности, дифференциальных признаков и функций феноменов *этнос*, *нация* [Шастина 2009: 10]; автор доказывает, что «основная функция этничности сводится к ориентированию человека в социокультурной «системе координат» благодаря свойству пластичности – способности подвергаться временным и ситуативным трансформациям; этноцентризм представляет собой форму естественной реакции человека на неизвестное и есть проявление инстинкта самосохранения на уровне вида» [Шастина 2009: 13-14]. Кстати, небезынтересно также, что, при всеобъемлющем давлении политкорректности на её исторической родине, «в сообществах иммигрантов [США] наблюдается стремление к сохранению этнической самобытности; этничность является важной эгоцентрической категорией для американцев любого возраста и этнической принадлежности» [Шастина 2009: 15].

Верность этих данных подтверждается многими свидетельствами. Например, учёный-гуманитарий, доцент МГУ О. Зацепина, последние шесть лет

живущая в Нью-Йорке, сообщает: «Теорию плавильного котла¹² запустили в 30-е годы [в США], но если она сработала, то не совсем так, как предполагали её создатели. Американцы стали терпимее к другим культурам, это правда. Но одновременно больше ценят собственную идентичность. В Америке никто не представляется как американец, там говорят: «Я – пуэрториканец, немец, ирландец, еврей, русский и пр.». Люди осознали, что если человека что-то и выделяет, то в первую очередь культурная идентичность. Гордость своими национальными, этническими корнями очень характерна для современных американцев» [Лунина 2009: 91]. Отграничение по национальному признаку «чужих», вместе с тем оказывающееся и основой объединения «своих», представлено следующим образом в романе американского писателя:

«Нет, – печально возразил старик, – рыба с Мёртвого моря для них недостаточно мёртвая... Такая еда годится только для несчастных христиан». Это упоминание об иноплеменниках, в котором сквозила пренебрежительная усмешка, как-то по-особенному соединило всех троих, и внезапно они предстали в новом свете.

---

¹² Распространение устойчивого словосочетания *плавильный котёл*, обозначающего стирание национальных различий между разноплеменными иммигрантами в США, связывают с комедией английского писателя, деятеля сионистского движения И. Зангвилла «The Melting Pot» (англ. «Плавильный котёл») 1908 г., в тексте которой дана дешифровка названия: «Америка... это огромный плавильный котёл, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности»; выражение это, по-видимому, встречалось и ранее. В 1976 г. президент США Джимми Картер заявил: «Мы уже не плавильный котёл, а прекрасная мозаика» [Душенко 2006: 175].

На губах старика играла чуть заметная умная и холодная улыбка, а женщины веселились безмерно, и все они отлично понимали друг друга. И теперь видно было, что они по-настоящему заодно – дети древнего, одарённого, всезнающего племени, – и со стороны, отчужденно, с насмешливым презрением глядит на тёмных и невежественных людей иной, низшей породы, не причастных к их познаниям, не отмеченных той же печатью» [Вулф 1982: 233].

Именно трудноразличимость (к тому же ещё и стимулируемая) семантических границ между разными значениями терминов *нация*, *национальность*, *национальный* позволяет политтехнологам, пропагандистам и попросту платным либо бесплатным распространителям их установок (нельзя, впрочем, исключать и наличие трансляторов, искренне уверенных в истинности внушенных им вводных – в юридической терминологии подобные лица обозначаются как «добросовестные приобретатели») использовать смысловую диффузность таким образом, чтобы аудитория оказалась окончательно дезориентированной в отношении категории этничности – в том числе и своей собственной.

Иногда слово *нация* используется в привычном значении, хотя денотаты в таких случаях оказываются довольно интересными.

«Президент Леннарт Мери отличился неустанной борьбой за свободу своей *нации*. ... Французский журнал назвал его «Европейцем года» – это звание присваивается за поддержку европейской самобытности» [комментарий к информации о возможном закрытии русских школ в Эстонии из-за отсутствия их госбюджетного финансирования. – М. Кривцова. Доброе утро. ОРТ. 28.12.98]. По-видимому, здесь речь

идет об эстонцах как нации; ср.: «эстонцы (самоназв. – ээстласед), н а ц и я , осн. нас. Эст. ССР (948 т. ч.)...» [СЭС 1983: 1553], попытки же обретения ею государственности начались лишь после октября 1917 г. [там же] и увенчались окончательным успехом вследствие активных усилий, в том числе тех же эстонцев, по развалу Советского Союза.

Можно предполагать, что этнический компонент является ведущим и в названии некоего очага культуры («Евгений Миронов – художественный руководитель «Театра *наций*» [Лучшие из лучших. RenTV. 03.02.07]), и в запоздало прозорливом высказывании («...Как будто кто-то сознательно или бессознательно пытается привить нам комплекс *нации* неудачников» [А. Пиманов. Человек и закон. ОРТ. 03.02.05]). В других же случаях понятийное наполнение слова *нация* оказывается весьма расплывчатым: «И среди евреев есть антисемиты... Писатель Эдуард Тополь в 1998 году призвал олигархов не позорить *нацию*» [Неделя. RenTV. 30.01.05]. «Международный [это понятно. – А. В.] день цыган... Восемнадцатимиллионная цыганская *нация* [последнее словосочетание употреблено здесь трижды. – А. В.] ... Нет памятника цыганам – жертвам холокоста» [24. RenTV. 09.04.06]. Последнее слово в этой цитате – активно популяризируемое заимствование *холокост* (англ. *holocaust* – 1) «целиком сжигаемая жертва, всеожжение»; 2) перен. «уничтожение, гибель»). Хотя изредка и вскользь пока ещё всё-таки упоминают, что в результате гитлеровской оккупации и геноцида «погибли не т о л ь к о евреи – десятки и сотни тысяч другой национальности» [А. Гербер, президент научно-просветительского центра «Холокост». РТР. 04.05.97], но ср.: «Всё более привычным

становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше – 27 миллионов... Специального термина, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели. ТВ – 6. 08.05.00] («евреи – *нация*, которая нескромна по отношению к своим страданиям» [Есин 2002: 252] – по поводу последней этнической категоризации, см., впрочем, ранее принятое: «евреи – общее этническое название *народностей*, исторически восходящих к древним евреям» [СЭС 1983: 422], т. е. не квалифицируется как собственно *нация*).

По всей вероятности, замысел применить к значительной части бывшего *советского народа* именование *нация* (к тому лишенное какой бы то ни было подлинно национальной – этнической – ориентации), замысел, который начали реализовать еще в правление Ельцина (видимо, по рекомендациям его безнациональных советников), – это одна из многих попыток наложить на внутрироссийскую ситуацию чужеземный иноземный трафарет в глобалистском духе. В меньшей степени – это и желание уподобиться Старшему Брату, и уведомление (*мессидж*) об этом для него же (дескать, у нас тоже – всё, как у больших!). Ср.: «Президент Буш обратился к *нации...*» – «Для Бориса Николаевича роль лидера *нации* была смыслом жизни» [Новости. ОРТ. 14.03.02]; также: «Как [нововведенный] День *народного* единства стал днем единства *нации...* Через какое-то время он станет *общенародным* праздником» [Край. Енисей-регион. 05.11.07]. «Центр здоровья *нации*» [Территория здоровья. Афонтово. 15.09.08]. «Знала ли новейшая российская история пример такого единения *нации*?» [после спортивных побед РФ в 2008. – Вести недели. РТР. 28.12.08] и т. п.

Одновременно активно насаждается прилагательное *национальный* – с обновленной семантикой, причем зачастую и в упоминаниях о событиях советской эпохи: «Модернизация системы *национальной* безопасности» [Вести. РТР. 29.10.02]. «В СССР путч [в Чили] и убийство президента Альенде были восприняты как *национальная* трагедия» [Новости. ОРТ. 11.09.03]. «*Национальная* спортивная премия „Слава”» [Утренний разговор. РТР. 04.05.03]. «Ежегодная *национальная* музыкальная премия» [Прима ТВ. 30.08.03]. «*Национальная* театральная премия „Золотая маска”» [РТР. 06.04.05]. «Российские дипломаты, прорывавшиеся в Ираке под выстрелами американских войск, были встречены в Москве как *национальные* герои» [И. Прокопенко. Военная тайна. Ren-TV. 21.09.03]. «После битвы за Москву Жуков стал *национальным* героем России» [понятно, что имеется в виду, конечно, не Россия, но СССР; очевидно, метонимия здесь объясняется не только иноязычным и чужекультурным влиянием, но и табуизацией именованного прежнего государства в российском теледискурсе. – Великий полководец Г. К. Жуков. ОРТ. 23.02.05]. «*Национальный* договор о приватизации» [Времена. ОРТ. 19.06.05]. «Через два года в Мытищинском районе будет воздвигнуто *национальное* мемориальное кладбище... [по-видимому, как своеобразный реформаторский вариант советских почётных захоронений у кремлевской стены]. Потребуется три миллиарда рублей» – [24. RenTV 23.04.08]. «Этот центр [в Кабардино-Балкарии] стал первой *национальной* площадкой [в России], где установлена система грозорегистрации» [Вести. РТР. 03.06.09]. «*Национальный* перевозчик [«Аэрофлот»] увеличивает

частоту рейсов» [Новости. 7к. 29.08.08]. «Аэрофлот – главный национальный перевозчик России» [Новости. Звезда. 15.03.10]. «Подготовлен проект национальной стратегии противодействия коррупции» [Сегодня. НТВ. 07.04.10]¹³. «Газпром – национальное достояние» [этот слоган на российских телеэкранах – примерно с лета 2010 г.; красноярская «бизнес-элита» предложила нечто созвучное и, кажется, более корректное: «Ванкорнефть – н а ш е достояние»] и т. п.

С началом осуществления так называемых *«национальных проектов»* такое использование прилагательного *национальный* естественным образом активизировалось, ср.: «Здоровье – это *национальное* достояние» [П. Пимашков]. «Неудовлетворительное выполнение [*национального* проекта «Жилье»] становится *национальным* позорищем» [вице-премьер РФ Д. Медведев. Реальная политика. НТВ. 04.03.06]. Как и во многих случаях, проявили свою полную компетентность журналисты: «В России сейчас внедряется программа *национального* здоровья» [Е. Цесарская. Полседьмого. Афонтово. 29.02.07] и др.

Стало частоупотребительным и прилагательное *общенациональный*: «Новая мегакомпания «Российские железные дороги» станет *общенациональной*

---

¹³ Отметим несомненный прогресс – по сравнению даже с началом реформ: на заседании сессии Верховного Совета Российской Федерации 16.04.93 генеральный прокурор В. Степанков говорил о «разветвленной системе коррупции и злоупотреблений в органах власти... В России вся правоохранительная система не в состоянии вести борьбу с коррупцией и преступностью в высших эшелонах власти... Всевозможные реорганизации и частое дублирование западных моделей, которые приносятся в правоохранительную систему, приносят ей только больший вред» [Эхо Ельцингейта//Правда №75. 20.04.93. С. 2].

корпорацией» [Новости. Афонтово. 11.02.03]. «Освоение целины – крупнейший *общенациональный* проект [в СССР!]. ... Был такой *общегосударственный* подъем» [Встреча В. Путина с первоцелинниками. Вести. РТР. 11.03.04]. «*Общественно-национальный* прогул в первую декаду января» [имеются в виду т. н. рождественские каникулы. – Г. Онищенко, гл. санитарный врач РФ. Вести. РТР. 03.02.05] и др.

Употребление *национальный* в значении, ранее столь привычном, встречается относительно редко: «Фестиваль *национальной* культуры в Санкт-Петербурге... Вернуть интерес к *национальному* творчеству» [Новости. ОРТ. 07.09.03]. Гораздо более распространены такие случаи использования, в которых довольно явны контаминации структурно-семантических элементов: «Решение о сдаче крови *национальные* лидеры [т. е. предводители т. н. *национальных* общин Красноярского края. – А. В.] приняли накануне» [Новости. Прима ТВ. 09.09.04]. «Любой бунт, тем более бунт *национальный* [т. е. определенной этнической группы. – А. В.], – конечно, угроза нашей стране» [А. Клешко. ТВК. 24.10.06]. «... Около ста нападений на *национальной* почве» [Неделя. Ren-TV. 29.04.06]. «*Общественно-национальное* [!] шествие по проспекту Мира [в г. Красноярске]... Представители *национальных* общин...» [Новости. Прима ТВ. 20.10.06] и т. п. Ближе к приведенным: «Сохранение *национальной* и культурной идентичности» [В. Путин. Прямая линия. ОРТ. 18.12.03].

Такие смысловые контаминации уже сами по себе являются примерами политизированных игр в слова, ср.: «Этот день [похорон погибших при пожаре] в Республике Тыва объявлен днем *национального*

траура» [Вести. РТР. 08.04.03]. «*Национальная* вещательная компания «Саха» [в Якутии]» [Вести. РТР. 14.03.03]. «В Израиле утверждено правительство *национального* единства» [Новости. ОРТ. 11.01.05]. «Марк Бернес ... был действительно *национальным* героем России, но не всем это нравилось» [Е. Евтушенко. РТР. 25.01.07]. «Почему студенческие драки [в России] стали *национальной* проблемой?» [сюжет о межэтнических конфликтах в российских вузах. – Неделя. Ren TV. 06.12.08] и т. п.

Путаница, вносимая в сознание телеаудитории, усугубляется время от времени и подчеркнутым разграничением между *национальным* и *государственным*, ср.: «Владимир Зорин – министр Российской Федерации по реализации государственной *национальной* политики» [Время. ОРТ. 11.11.03] (именно тот персонаж, который, будучи председателем комитета по делам *национальностей* Госдумы, весьма активно призывал «избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем [т. е. при указании *национальности* гражданина в его документах; этого права формально не отнимает и ныне действующая конституция. – А. В.]. ... Пора [!] всем [!] становиться *россиянами*» [Мы. ОРТ. 07.12.98]) – и: «...Чтоб иностранка [польская актриса Б. Брыльска, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР за роль в х/ф «Ирония судьбы»] получила *национальную* государственную премию СССР – это было невозможно» [Э. Рязанов. Ирония судьбы Барбары Брыльской. 1 к. 08.01.07].

Использование сделанного «модным» слова *национальный* таким образом доходит до своего логического завершения, т. е. до полного абсурда. Ср.: «Копка

картофеля для красноярцев – своеобразный *национальный* обычай... Этот *национальный* обычай... На рынках цены на *национальный* продукт [т. е. картофель] пока кусаются» [Новости. ТВК. 03.09.06]. И, наконец, апофеоз: «Теперь «сибиряк» гордо воспринимается как *национальность!*» [дама – член Общественной палаты. Новости. 7 канал. 21.11.07]. Естественным продолжением таких непомерно смелых деклараций становится оформленное в стиле современного российского постновояза новейшее этнографическое открытие, которое сделал заместитель главы города Красноярска: «Создав в родном городе межнациональное к р е а т и в н о е пространство на основе согласия и толерантности, выиграем все мы – люди одной *национальности* – красноярцы [т. е. жители г. Красноярска]»; кстати, и газетный материал, где опубликована эта замечательная информация, озаглавлен не менее впечатляюще – «Сибирская диаспора» [Ковальская А. Сибирская диаспора. *Национальность* – красноярцы. ГН. № 128. 28.08.09. С. 7]. Видимо, не за горами уже и объявление особой *национальностью* совокупности жителей одного села или обитателей одного микрорайона, квартала и т. д...

Весьма симптоматично, что и собственно национальная принадлежность теперь определяется зачастую самым произвольным образом. Как справедливо замечено, «непонятно, почему Магомед Толбоев¹⁴ называет осетина Калоева [в полном соответствии с ключевым концептом закона гор – кровной мезтью – убившего диспетчера швейцарской авиакомпании, из-за ошибки которого в 2002 г. пассажирский самолёт

---

¹⁴ Когда-то – лётчик-испытатель, затем директор полукриминального московского рынка.

«Башкирских авиалиний» столкнулся с грузовым «Боингом»; в числе погибших была семья Калоева] *настоящим мужиком с русским характером*. ... Наше время – это время смешения не только оценочных, но и национальных парадигм» [Гусар 2008: 35].

По мнению Ю. С. Сорокина, вектор семантической эволюции существительного *национальность* был аналогичен тому, по которому совершалось развитие семантики существительного *народность*: в 20-30-е годы XIX в. «сложилось общее отвлеченное значение слова *народность*. С одной стороны, в абсолютивном употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, – отражение этих характерных свойств в чем- или ком-либо... Но к середине века наметилось также и другое значение, не отмечаемое, впрочем, словарями XIX в., – значение собирательное, характеризующее исторически сложившуюся общность людей» [Сорокин 1965: 207]. Понятно, что сегодня «...теоретическая разработка вопросов, связанных с проблемой национальной идентификации как фрагмента общественно-политического дискурса нынешнего тысячелетия, относится к комплексу задач по созданию научного инструментария исследований национальных отношений, которые являются сложнейшей сферой общественной жизни» [Базылев 2005: 11].

Между прочим, богатую пищу для размышлений об этом предоставили данные, касающиеся некоторых базовых установок переписи населения РФ 2010 года, а именно – перечней национальностей и языков «уважаемых россиян»¹⁵. В первом из них перечислены,

---

¹⁵ См.: <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/nationalnosti.doc>;
<http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/yazyki.doc>.

например, «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещеные» (а также «крещень» и «крещенць»), «староверь», «мамонь», «фараонь», «папуась» (и «папуасы хули»), «русские немць», «ведороссь» (а еще «ведо-россь», «ведруссь», «кацапы» – а еще и «великороссь»; наряду с «украинцами» – и «хохль»). Предусмотрено также наличие российских граждан и таких национальностей, как «афроамериканец», «афро-россиянин», «гражданин мира», «житель Вселенной», «землянин», «иностранец», «советский», «интернационалист», «космополит» и т. п. Не менее интересно и приложение №2, где, кроме языков «таджикского», «таджико-еврейского» и «таджикско-еврейского», фигурирует также «язык жестов», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык русский глухих», язык «русский жестов» и т. п. Конечно же, упомянут здесь и «русский язык»...

Автор цитируемой статьи обоснованно полагает, что такое искусственное дробление вызвано во многом не устроившими кого-то результатами переписи 2002 года: судя по ним, численность государствообразующей нации – русских – составляет 80%. А «согласно международной практике моноэтническим (национальным) государством считается государство, $\frac{2}{3}$ или более населения которого принадлежит одному этносу. О чем, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации «Дом свободы» (основана в 1941 году) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратнилки. Т. е. Россия – моноэтническое государство. Это надо твердо усвоить» [Антонов 2006: 2].

Возможно, что квалификация сегодняшней РФ как «многонационального государства» является еще

и некой инерцией представлений, бытовавших в советскую эпоху – и, по всей вероятности, соответствовавших тогдашней реальности. Согласно переписи населения СССР 1982 г., численность населения страны составляла 268,8 миллиона человек, принадлежавших к более 100 нациям и народностям, из которых (по переписи 1979 г.) к русским относились 137 397 тысяч человек [СЭС 1983: 1246] – то есть приблизительно лишь около половины жителей страны. Поэтому формулировка, открывавшая ст. 70 советской конституции: «Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство...», была вполне правомерной.

Несомненно, динамика слова *национальность* взаимосвязана с динамикой однокоренных *нация* и *национальный*. Конечно, их вряд ли можно отнести к ряду так называемых «самых многозначных» в русском языке: таковыми считают «слова, имеющие в [МАС] не меньше семи номерных значений. Это «священное число» семь было выбрано в соответствии с известными представлениями о емкости оперативной (быстродействующей, симультанной) памяти человека, равной 7 ± 2 » [Денисов 1984: 150]. Исходя из анализа исторических судеб этих слов и характера их современного употребления, возможно, следует полагать, что они не столько многозначны, как принято считать в соответствии с традиционно-лингвистическими установками, сколько синкретичны: каждое из них способно одновременно служить обозначением как минимум двух понятий – довольно тесно связанных, но все-таки разных. Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием английских *a nation* и *national*) всё более укрепляется тенденция

не дифференцированного контекстуально использования существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Имеет место нарастающая семантическая диффузность, причем заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов (соответственно «государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих, причем настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне может послужить основанием для перераспределения в лексикографии позиций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов.

Разумеется, в этих семантических эволюциях трудно обнаружить что-либо совершенно необычное для постоянно меняющегося живого языка – ведь «в самом языке как обособленной системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом» [Филин 1980: 9].

Кроме того, можно квалифицировать рус. *нация*/англ. *a nation* и рус. *национальный*/англ. *national* как «лексические параллели», то есть «совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [Дубичинский 1995: 4]. Но в данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих речекоммуникативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений *нация* и *национальный* либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемся восприятии как именований

понятий сугубо этатических, очень слабо ассоциируемых с категориями этничности, а, следовательно, и определенной ментальности. Вроде бы и это далеко не ново – с учетом всё усиливающейся экспансии английского языка в его американском варианте: «При интенсификации языковых контактов ... устанавливается семантическое равновесие систем контактирующих языков, формируется выравнивание понятийных планов слов» [Дубичинский 1995: 13].

Однако рассмотренный пример обращает на себя внимание и потому, что «выравнивание» происходит в направлении если пока ещё и не совершенного отказа от национальности (этнической принадлежности) как таковой, то, по крайней мере, резкого снижения её традиционной и всегда актуальной для любого народа значимости. И это вполне объяснимо: «В результате глобального роста международных межправительственных организаций возникает феномен глобальной бюрократии, которая становится реальным проводником н а д н а ц и о н а л ь н о с т и» [Иванец, Червонюк 2003: 90]. Именно для глобальной бюрократии и тех, чьи интересы она представляет, защищает и навязывает поголовно («глобально») всем – под флагом, например, «общечеловеческих ценностей» – необходима и минимализация роли отдельного государства, прежде всего в вопросах экономической деятельности (транснациональным корпорациям нужен практически бесконтрольный доступ к эксплуатации чужеземных природных богатств и людских ресурсов). Достижение этой цели может быть затруднено естественным несогласием многих представителей государствообразующего народа (в России им является русский народ). А потому логично нивелировать

его сначала до состояния некоей (на словах гомогенной – вроде фантомного «российского народа») массы *населения*, а затем и перевести в статус «общечеловеков». Искоренение чувства национальной идентичности, в отличие от насаждения приснопамятного «пролетарского интернационализма», производится теперь пропагандой гораздо интенсивнее и чреватое куда более серьезными последствиями.

Для обозначения лексико-фразеологических единиц, связанных с процессом глобализации, некоторые исследователи вводят термин «глобализм» [Денисова 2004]; в таких терминологических координатах итог игры со значениями слов *нация*, *национальный* можно определить как семантический глобализм. Характер их сегодняшнего употребления иллюстрирует известное положение: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне» [Лотман 1996: 45].

Время от времени в реформируемой России – ныне – демократическом правовом государстве, где «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (см. преамбулу и ч. 2 ст. 13 [Конституция РФ]), – предпринимаются попытки совершенно искусственного, спекулятивного (прежде всего – в научно-гуманитарном смысле этого слова) создания некоей «*национальной* идеи». Известны различные варианты воплощения этого грандиозного замысла; изобретались они, по-видимому, исходя то ли из пословицы «И волки сыты, и овцы целы» (последние – вряд ли все, – конечно, в зависимости от насыщения первых), то ли из формулы: «Отныне и навеки – мир, порядок и благолепие. Рабочие –

к станкам, землеробы – к плугу! Чур, чур! – стинь, красное наваждение!» [Толстой 1982, 1: 358].

Ср. ироническое осмысление современных модификаций подобных затей в устах персонажа писателя: «Короче, я тебе сейчас ситуацию просто объясню, на пальцах, – сказал Вовчик Малой – («непонятно было, отчего его называли ... малым, – он был мужчиной крупных размеров и изрядного возраста. Его лицо было типичной бандитской пельмениной невнятных очертаний, не вызывавшей, впрочем, особого отвращения»). – Наш национальный бизнес выходит на международную арену. А там крутятся всякие бабки – чеченские, американские, колумбийские... И если на них смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждым бабками на самом деле стоит какая-то национальная идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? ... Нам не хватает национальной и-ден-тич-ности...»). Последнее слово Вовчик выговорил по складам. «Задача простая, – сказал Вовчик. – Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми» [Пелевин 1999: 175-176]. («Сводить всё к национальной идее «Новой России» - это предосудительный анекдот, как будто новые русские вообще способны на какую-то национальную идею» [Трубачёв 2004: 188]). Следует также вспомнить о недавней кампании по созданию так называемых «*национальных* университетов» (затем, впрочем, переименованных почти столь же загадочно –

в «федеральные»; ср. «*федеральный* – 1. Относящийся к федерации; общегосударственный. 2. Прил. к федерация» [ТССРЯ 2001: 810]; исходя из обыденной логики, должен бы существовать единственный вуз с таким названием) и об очень интересных с разных точек зрения «национальных проектах» («Здоровье», «Образование», «Жилье»)¹⁶.

Невольно вспоминаются и советские прототипы сегодняшних «проектов» (программа строительства коммунизма, продовольственная программа, «Каждой советской семье – квартиру к 2000 году!» и т. п.), заведомо обреченные на тот же «успех» и так и оставшиеся «проектами» в исконном смысле этого слова (т. е. замыслами), исторически почти моментально и прочно забытыми. Кажется, уже с избранием очередного президента РФ в 2008 г. и о «национальных проектах» как будто не очень стараются вспоминать; прокукарекал, а там хоть не рассветай: эта пословица – довольно точная семантизация псевдокрасивого слова *амбициозность*.

Одна из причин (может быть, и не столь значимая, как причины организационного и финансового характера) малой успешности национальноидейных замыслов лежит в самой их номинации. Чуть ли не любой из вариантов вышеупомянутой идеи их изобретатели и разносчики именуют *российским* – возможно, имея в виду некий ореол державности, который должен освящать самый «проект». Ср. мнение заслуженного актера-демократа: «А. Н. Яковлев в книге «Сумерки» сформулировал русскую, российскую *национальную* идею...: свобода, достаток, законность» [О. Басилашвили.

---

¹⁶ Несмотря на известный полученный опыт, эти «проекты» в 2018 г. были реанимированы.

Тем временем. Культура. 09.02.04]. Не говоря уже о том, что доверять ренегатам, по меньшей мере, небезопасно (все равно что поставить экс-генерала КГБ О. Н. Калугина во главе того ведомства, в котором он служил официально), надо учесть, что «*российская идея*» (да еще и *национальная!*), равно как и упоминаемые всё чаще и настойчивее «*российский* национальный менталитет», «*российский* народ», даже «*российский* язык», как бы ни ласкали чей-то слух, – это совершенно не соотносимые с объективной реальностью пропагандистские фантомы-мифогены. Есть здесь определенная политтехнологическая преемственность. Было ведь, например, всячески популяризуемым терминологизированное устойчивое словосочетание *советский народ* – и «это искусственное межнациональное понятие ушло вместе с обанкротившейся идеологией. В настоящее время его пытаются видоизменить в понятие «*российский народ*», которого в природе не существует» [Фролов 2005, 1: 505-506].

Причём, если исходить из «архаичного» теперь значения слова *нация* (= народ, этнос), то возникает некий парадокс: «Термин *национальная* идеология» с логической строгостью требует определения субъекта, создателя этой системы ценностей в лице, соответственно, *нации*. Является ли сложившимся социальным субъектом *нация* «россияне», или она пока ещё также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле у – нет, *топия* – места), как в своё время «советский народ»?» [Арапова 2007: 9]. Понятно, что это риторический вопрос: ведь *россияне* – гомункулы, существа из области ненаучной фантастики, или «фэнтези», – в общем, персонажи политической мифологии, и реальны лишь в текстах – как

марсиане в романе Уэллса или в голливудских страшилках. С другой стороны, политтехнологическое трюкачество позволяет интерпретировать семантику прилагательного *национальная* в духе новейшего употребления, и тогда оказывается, что *национальная идеология* – это, по сути, *государственная идеология*, – то есть та, которой в РФ не может быть в соответствии с её конституцией. Но, поскольку говорится буквально о *национальной идеологии*, то никакого конституционного запрета на её существование в России нет. Таким образом, и конституция не нарушена, и доминирующая идеология наличествует... «На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

Ранее о подобных лингвополитических фокусах-манипуляциях уже говорил В. В. Колесов, четко дифференцируя противопоставленные (по существу, даже с точки зрения обыденного языкового сознания) понятия, тем не менее кем-то охотно смешиваемые: «Московский мэр Лужков (1988) говорит о *российской национальной идее*», что сразу же свидетельствует об эклектизме всех его суждений, связанных с темой. Идеи могут быть *«русскими»* (о *русской идее* говорил уже Достоевский), но не существует *«российской идеи»*, как нет и *«российской нации»* или *«российского языка»*, поскольку понятие «нации» и «языка» включает этнический признак также» [Колесов 1999: 82].

Однако упорство политтехнологов поистине негибаемо: «Наша задача заключается в том, чтобы *создать* полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (из выступления Д. Медведева в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвя-

щенного укреплению межнационального согласия в России [Memoid.ru]). «Создать нацию» невозможно даже указом президента: нации складываются исторически длительно, и вовсе не по монаршьей воле.

Кстати, очередным зримым подтверждением современных тенденций политтехнологической вербальной магии в России обещает стать законодательная новация, в соответствии с которой слово национальный будет применяться лишь в отношении к государству, а конфликты, называвшиеся ранее межнациональными, теперь станут именоваться межэтническими [Новости. ПримаТВ. 23.08.11, бегущая строка – со ссылкой на НГ] (ср.: «В недрах кабинета министров РФ разрабатывается законопроект, предполагающий использование слова национальный только в масштабах всего Российского государства. В отношении народов, проживающих в Российской Федерации, планируется ввести термин этнический. Таким образом, в России скоро не станет межнациональных конфликтов, так как они все перейдут в разряд межэтнических» [<http://mariuver.wordpress.ru> 27.08.11]).

РЕГУЛИРУЕМОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭТНОПОЛИТИКИ

- Как вы относитесь к *русской* бане?
- Положительно. Я вообще ко всему *русскому* отношусь положительно.

*Разговор с Владимиром Путиным.
РТР. 04.12.08*

Поговорка «скромность заела», кажется, специально придумана русскими для себя.

О. Н. Трубочёв

Этноним и этнос

Особая роль этнонима и автоэтнонима, названия и самоназвания народа, объясняется различными причинами. Среди них и реализация возможности отличия от других этносов: воплощение некоего рубежа, обращенного одновременно внутрь – к носителю автоэтнонима и вне – к окружающему миру (зачастую, впрочем, находящему для первого иной, чем у него, вариант именованья другого народа и его языка или/и языков). «Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница... Удивительное логическое свойство границы состоит в том, что она принадлежит одновременно обоим разграничиваемым явлениям» [Поршнев 1973: 12]. Этноним и выступает в функции такой границы.

Вербально-манипулятивные операции («промывание мозгов»), конечно, не являются ограниченными

рамками какого-то определенного национального менталитета или государственно-политической системы. Стоит вспомнить о несомненном успехе нацистского мифотворчества в Германии (где потом – к тому же – «многие забыли даже о существовании концлагерей... Немцы... были нацией исполнителей приказов. Приказ заменял им совесть. В Германии это стало излюбленной отговоркой. Кто действовал по приказу, тот не нес никакой ответственности» [Ремарк 1989: 399]). Или о «тихом американце», который «твердо решил... делать добро, и не какому-нибудь отдельному лицу, а целой стране, части света, всему миру... У его ног лежала вселенная, в которой требовалось навести порядок»; ведь он тщательно изучил произведения «специалистов по Востоку» (вроде «Наступление красного Китая», «Угроза демократии», «Миссия Запада»), а потому был покрыт непроницаемой броней благих намерений и невежества, – и из-за его действий погибают ни в чем не повинные вьетнамские женщины и дети [Грин 1959: 254, 265, 414]. А Олден Пайл получил в университете научно-рационалистическую подготовку...

Преувеличенный пиетет к импортным – и интенсивно импортируемым взамен невосполнимых природных ресурсов – товарам зарубежного производства имеет в России весьма длительную традицию, распространенную также и на отношение к продукции научной. Так, и в поисках истоков вышеупомянутого древнейшего этнонима *славяне* и прародины его носителей, и при сравнительных оценках, с одной стороны, славянской, а с другой – греко-римской или индийской культур, «почти всё за нас ... решали западные авторитеты, и разрабатывать их идеи, по

возможности не отклоняясь, было у нас достаточно, чтобы прослыть светлым умом... Европой всю по-прежнему владеет научный позитивизм и снобизм: всё-то они знают и понимают о нас самих лучше нашего...» [Трубачёв 2004: 88-94].

Показательно для иллюстрации традиционных – и по-прежнему популярных – западных воззрений на прошлое (да и настоящее) русской культуры воспоминание О. Н. Трубачёва об одном боннском профессоре. Он рассуждал о славянах, научившихся благодарности якобы только с принятием христианства (*спасибо(е)* и т. п.): «верно рассуждает немец, правда, чуточку с апломбом, слишком уверен, нету доли сомнения, без которой – нет живой науки». И когда академик тактично – во время перерыва между заседаниями – подсказал немецкому коллеге, что «многозначность своей древней лексики позволяла славянам выразить необходимые чувства и во времена язычества (*помнить добро*), возражения не последовало... Но – не возрази я, не направь его дисциплинированную немецкую мысль в более гибкое русло, так бы и пребывал в сознании своей полной правоты в суждениях о бедных древних славянах» [Трубачёв 2004: 94]. Столь же абсолютно уверенно рассуждая о русской субстандартной лексике, подобный исследователь представляет исходную семантику русского существительного *немец* как *deaf* (англ. «глухой»), а происхождение прозвища советского партийно-государственного деятеля – *Кучер* объясняет его работой шофером Л. И. Брежнева (хотя для носителя русского языка внутренняя форма этой неофициальной номинации вполне прозрачна: соединение инициалов и части фамилии К. У. Черненко [Timroth 1986: 29, 125]), и т. п. ...

Описывая – в очевидно ироническом ключе – национально дифференцированные типы причин самоуверенности, Л. Н. Толстой замечает, в частности: «...Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980, VI: 53] – что можно интерпретировать в первом случае как уверенность в бесконечности познания, во втором – как изначальную ограниченность познания искусственными рамками.

Любопытно, между прочим, что и отечественными авторами даже хрестоматийные тексты русской классики цитируются и комментируются таким образом, чтобы продемонстрировать некую почти патологическую «инаковость» русских и аргументировать чуть ли не абсолютную противопоставленность их всем остальным. Вот один из подобных характерных примеров: «...Великий Пушкин еще два века тому назад утверждал: «Все те же мы, нам целый мир – чужбина!» [Сергеева 2004: 9]. Однако в широко известном стихотворении А. С. Пушкина «19 октября», впервые опубликованном в 1827 г., данная фраза вовсе не завершается восклицательным знаком, да и смысл высказывания поэта совсем другой: контекстуально оно относится к узкому кругу выпускников Царскосельского лицея, однокашников Пушкина, ср.:

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село [Пушкин 1977, II: 245].

Национальные стереотипы и автостереотипы

Рассуждая о содержании понятия «народность», А. С. Пушкин писал, в частности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин 1978, VII: 28-29]. По-видимому, это можно отнести и к произведениям фольклора – например, пословицам и поговоркам. Некоторые из них содержат краткие, но емкие формулировки наиболее приметных ментальных черт, ключевых этнических стереотипов и проч. Многие русские речения этого жанра и тематики содержатся в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа»; среди них – посвященные как самохарактеристике их создателей, так и изображениям иностранцев и инородцев. Так, к первой группе относятся: *на Руси никто с голоду не умирывал; русский терпелив до зачина; русский задора ждет; на пардон, на аман у русского и слова нет; русак умен, да задним умом; кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум); бей русского, часы сделает; русский человек любит авось, небось да как-нибудь; что русскому здорово, то немцу смерть* и др. [Даль 1984, 1: 258-259]. Пословицы второй группы: *немец хитер: обезьяну выдумал; настоящий англичанин* (т. е. корчит барина, тороват, чудак и делает всё по-своему); *суций итальянец* (т. е. пройдоха); *суций француз* (т. е. говорлив и опрометчив); *лях и умирает, а ногами дрягает; цыгану без обману дня не прожить; жид на ярмарке – что поп*

на крестинах; на одного жида – два грека, на грека – два армянина, на одного армянина – два полтавских дворянина; семеро грузин мухоморов объелись; бог создал Адама, а черт – молдавана; ешь медведь татарина – оба ненадобны [Даль 1984, 1: 271-272]. Сам составитель, великий лексикограф и фольклорист, отвечал критикам сборника в «Напутном» (введении), что он «не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию»; в нем «именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостию, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе» [Даль 1984, 1: 13].

В игре слов на этнические темы могут использоваться и неофициальные, т. н. народные именованья представителей конкретных национальностей, ср.: «И *москаль*, и *хохол* хитрые люди, и хитрость обоих выражается в притворстве. Но тот и другой притворяются по-своему: первый любит притворяться дураком, а второй умным» [Ключевский 1990, IX: 385].

Именно подобные номинации иногда выделяют в качестве одного из разрядов понятий, которые «на юридическом уровне необходимо различать»: «стóбит назвать оскорбительные **ксенофобские прозвища и клички**, т. е. брань, оскорбляющую чужую нацию. В русскоязычной практике это прежде всего «жид», «чурка», «черный», «армяшка» и другие» [Жельвис 2000: 231, 233]. Интересно, что лишь одно (первое) из вышеперечисленных слов удостоилось – среди всех прочих реальных и/или официально принятых этнонимов – историко-этимологического комментария в учебном издании, «словаре-пособии», предназначенном

прежде всего для учителей, студентов и учащихся. Причем приведенное здесь «горькое свидетельство» И. Бродского завершается довольно смелой констатацией поэта-скитальца: «В русском языке односложное слово недорого стоит» [Из истории русских слов 1993: 72]; нобелевский лауреат почему-то забыл о таких русских односложных словах, как *бог, мир, род, мать, сын, дочь, брат, муж, друг* и многих других.

Такого рода мнительная щепетильность (или щепетильная мнительность) нашла отражение в диалоге драматических персонажей: «[Чарнота:] Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая. [Артур:] Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами. [Чарнота:] Да тебе-то что? Ведь ты же венгерец! [Артур:] Тем не менее. [Чарнота:] Вот и я говорю: везет вам, венгерцам!» [Булгаков 1990, 3: 252].

Гипертрофированный интернационализм в пору его принудительного насаждения – под аккомпанемент лозунгов о грядущей мировой революции – запечатлен, например, в следующем эпизоде романа: «На околице слободы стояли два сторожевых мужика... «Вы – какие?» – служебно спросили они подъехавших Дванова и Копенкина... «Мы – международные!» – припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международный революционер. Постовые задумались. «Евреи, что ль?» ... – «Я тебя кончу на месте за такое слово», – произнес Копенкин» [Платонов 1988: 320].

По мнению Ю. М. Лотмана, «высшей формой структурной организации семиотической системы является стадия самоописания. Сам процесс описания есть доведение структурной организации до конца... Самоописание системы есть последний этап в процессе ее

самоорганизации» [Лотман 1996: 170-171]. В таком случае, автоэтноним оказывается чрезвычайно сжатым, предельно сконцентрированным самописанием определенного народа. Однако и это самописание может быть использовано другим народом или отдельными его представителями в функции вербально-игровой маски. В какой-то степени игра в присвоение чужого этнонима (либо отказ от исконного) подобна другой широко распространенной игре в слова, по природе своей также манипулятивной и основывающейся на вербальной магии, – это использование псевдонимов.

Псевдонимы (греч. *pseudos* ложь) определяют как вымышленные имена, фигурирующие в общении вместо «законных» имен либо наряду с ними, это имена-заменители, дублеты, искусственные номинаторы; считают, что среди антропонимических номинативных единиц они занимают особую нишу. «Как и всякий антропоним, псевдоимя... выполняет прежде всего номинативную функцию, обладая тайным, или эзотерическим свойством. Однако номинативно-эзотерическая роль псевдонима не исключает, а дополняет социально-оценочную, экспрессивную и фатическую функции имени собственного ... Функции псевдоимени находятся в определенной связи с профессией, занятиями, национальностью именуемого лица и особенно часто используются писателями, артистами, журналистами, а среди народов – евреями» [Фролов 2005, 1: 115-117]. Так, несомненный эзотерический подтекст обнаруживают в псевдонимах политических деятелей и революционных вождей (Камнев – Розенфельд, Литвинов – Нахамкес, Троцкий – Бронштейн, Ярославский – Губельман, Мартов –

Цедербаум и проч.), а в псевдонимах эстрадных исполнителей – подтекст эстетический или этнический (Надежда Бабкина – Надежда Заседателева, Лариса Долина – Лариса Мячинская и др.).

Очевидно, подобные же маскировочно-манипулятивные функции актуализируются при игре в этнонимы, когда исконный этноним заменяется на автоэтноним другого народа (например, *русский*) или же представители разных этносов совершенно искусственно нивелируются в национальном отношении под якобы объединяющий их гипероним (например, *россиянин*). Таким образом у многих носителей данного языка возникает ложное впечатление интеграции: стирается граница между словесными обозначениями компонентов семиотической оппозиции *свой/чужой*. Однако в реальной действительности этого вовсе не происходит – неслучайно ведь существование множества «национальных общин», «землячеств» и «культурных автономий», объединяющих на постсоветской российской территории представителей самых разных народов (кроме русских, конечно, – ср.: «Межэтнические конфликты в российских вузах... *Русского* студента в МГУ побили два дагестанца ... Союз *русских* студентов не поощряется властями» [кстати, и этот прискорбный инцидент вряд ли получил бы широкую огласку, не окажись избитый сыном заместителя министра РФ. – Неделя. RenTV. 06.12.08]).

Стереотипы, тематически самые разнообразные, способны выступать в роли импульсов дедуктивного мышления, стимулируя восприятие и оценку того или иного объекта в соответствии с тем, что уже известно реципиенту как некая константная и единственно правильная характеристика всего класса

подобных объектов. При этом совершенно необязательно, чтобы представления об этом классе были результатом собственных наблюдений реципиента, приобретением его профессионального и/или житейского опыта: они могут быть почерпнуты из разнообразных источников информации, являющихся либо считающихся достоверными и авторитетными.

«Когда Филипп сказал Нафанаилу: «Мы нашли того, о ком писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета», и, когда Нафанаил отвечал ему: «Может ли что путное быть из Назарета», он, как сам потом увидел, ошибался; но очень неполное понятие о человеке родом из Назарета было *для него* готовою нормою, с которою необходимо должно было сообразоваться всё, что будет отнесено к ней впоследствии. Такие примеры на каждом шагу в жизни. Не останавливаясь на таких однородных с упомянутым случаях, как употребление руководящих нашим мнением понятий кацапа, хохла, цыгана, жида, Собакевича, Манилова, мы заметим, что и там, где нет клички, нет ни явственной похвалы, ни порицания, общее служит, однако, законом частному» [Потебня 1976а: 162].

Любой (или почти любой) этноним окружен в сознании носителя языка неким коннотативным полем: употребление этнонима зачастую влечет за собой шлейф привычных представлений, связанных с реальными или вымышленными характерными чертами упоминаемого народа, то есть этностереотипов. В частности, поэтому в духе постулатов толерантности появляются всё новые эвфемистические этнонимы (псевдоэтнонимы).

Например, «в Германии ... появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например,

Sinti und Roma = Zigeuner (цыгане). Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже нейтральное слово Jude (еврей), единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме» [Базылев 2007: 9].

Говоря об этностереотипах, следует прежде всего сказать, что, несмотря на довольно широкую употребительность, и сам исходный термин «стереотип» (следовательно, также и «этностереотип») и его понятийное наполнение до сих пор являются весьма дискуссионными. В любом случае пристального внимания заслуживают поиски истоков этностереотипов и автоэтностереотипов; в ином терминологическом оформлении совокупность последних зачастую, собственно, и образует то, что принято именовать «национальным менталитетом».

Что касается русских автоэтностереотипов, то они, как ни парадоксально, во многом обязаны своим возникновением и живучестью именно зарубежным семенам, которые дали пышные всходы в России. Не говоря подробно, например, о мемуарах иностранцев, осчастлививавших её посещениями в разные времена и с разными целями (в том числе авантюристов, бывших опричниками Ивана Грозного и затем с удовольствием повествовавших «мировой общественности» о его жестоких деяниях – которые сами же и творили; и иноземных советников и выдвинутцев Петра I, озабоченных прежде всего личным обогащением), вспомним о том, что превратно понятая российской дворянской верхушкой, но активно ею воспринятая философия французских просветителей XVIII в. (её «популярную силу составляли не столько планы построения нового порядка, сколько критика суще-

ствующего, приправленная насмешкой» [Ключевский 1990, IX: 33]) на нашей отечественной почве принесла плоды национального негативизма и нигилизма: «Люди считали несчастьем быть русскими и, подобно Иванушке Фонвизина, утешались только мыслью, что хотя тела их родились в России, но души принадлежали короне французской» [Ключевский 1990, IX: 37-38]. Это-то мироощущение и самооценку они так или иначе, доступными им средствами, распространяли в обществе, точнее, в российских социальных верхах, от которых уничижительный автостереотип различными путями перекочевал в низшие страты. Потребительские вкусы доминирующих слоёв («Всё, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный... Всё, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, Изобретает для забав, Для роскоши, для неги модной...») [Пушкин 1978, V: 16]) способствовали, в частности, робким попыткам отечественного производителя противостоять импорту, прибегнув к мимикрии – тому «трогательному смирению, с которым наши русские мастеровые придают иностранные ярлыки домашней своей работе... Где-то, кажется на Арбате, была следующая вывеска: «Гремислав, портной из Парижа» [Вяземский 1982, 2: 143] (ср.: «Попадались почти смытые дождем вывески..., кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров» [Гоголь 1956: 9]). Примерно так же адекватно лакей Смердяков воспринял философствования европейски просвещенного дворянина Ивана Карамазова, который «ужаснул его своим духовным безудержем. «Всё, дескать, по-ихнему, позволено, что ни есть в мире, и

ничего впредь не должно быть запрещено ...» [Достоевский 1958, 10: 239] (кстати, к последней формулировке очень близок один из популярных перестроечных лозунгов: «Разрешено всё, что не запрещено законом») – Смердяков «всю Россию ненавидит», и «хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую и присоединила к себе», а «русский народ надо пороть-с» [Достоевский 1958, 9: 282].

Свою лепту в подобное просвещение широких масс внесли затем чеховские интеллигенты («начиная с предводителя и кончая подслеповатым пасынком надзирателя Вонючкина» [Чехов 1955, 4: 155]), много говорившие о том, как им хочется работать, – ср. разговор их обслуги: «[Дуняша (Яше)]: Все-таки какое счастье побывать за границей. [Яша:] Да, конечно. Не могу с вами не согласиться [...]. [Епиходов:] Понятное дело. За границей всё давно уж в полной комплектции» [Чехов 1956, 9: 425-426]. Почти одновременно с ними на сцену вышли и революционеры-интернационалисты, – и тоже просветили... Вульгаризованный марксизм по-своему логично продолжил развитие национально-нигилистических настроений.

Затем гипертрофированная самокритичность, дошедшая у русской интеллигенции до самоедства, у интеллигенции советской срослась уже не столько с интернационализмом, сколько с космополитизмом (причем преимущественно у русскоязычных), и это мироощущение также не включало в себя сочувствия к собственному народу (впрочем, тогда уже превратившемуся – превращенному? – в *советский*). Российские же интеллектуалы, в свою очередь, в качестве одной из основных моделей поведения избрали некую барски-

высокомерную отстраненность от народа, публично чуть ли не стыдясь принадлежности к нему, подобно русским аристократам XVIII в. Причём, как правило, исходили при этом (в тех случаях, конечно, когда такое отношение не являлось лишь малоосмысленной данью «хорошему тону», принятому в определенных социальных кругах) вовсе не из собственных рассуждений и исследований (и даже не из житейского опыта), но охотно принимая на веру выводы специалистов из зарубежных стран, никогда не отличавшихся сколько-нибудь заметной симпатией ни к России, ни к русским.

Любопытно, однако, что конечные результаты этих информационно-манипулятивных процессов оказались для некоторых западных же ученых не вполне ординарными. Так, например, Э. Эндерляйн в 1996 г., «изучив соответствующую русскую литературу, посвященную вопросам немецко-русского культурного контраста, с у д и в л е н и е м отмечает самокритичный, приниженный автостереотип русских. Она объясняет это тем, что русские запечатлели в себе традиционный образ русских у немцев, т. е. в русском автостереотипе отразился в определенной степени немецкий гетеростереотип о русских» [Рёш 1998: 492]. Круг замкнулся ...

Негативизация русского

Стоит заметить, что, несмотря на упоминания в официальных справочных изданиях советского периода о русских (например, «*русские*, нация, осн. нас. РСФСР»), хотя здесь же: «После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. консолидировались в социалистическую

нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую ист. общность – советский народ» [СЭС 1983: 1144]; в то же время это издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» по поводу грузин, казахов, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие метаморфозы не произошли) и о русском языке («русский язык – язык русских» [СЭС 1983: 1145]), которому, однако, явочным порядком отводилась довольно смутная и странная роль. Ср., например, чуть ли не трафаретную для того времени формулировку: в библиографии зарубежного автора после того, как перечислены «переводы на русский язык» его произведений [Саймак 1974: 235], даётся примечание: «не учтены публикации на языках народов СССР» [Саймак 1974: 237], то есть русский язык таким образом исключается из числа языков народов Советского Союза.

По-видимому, в советское же время в специальной литературе, в частности лингвистической, сложились некоторые любопытные терминологические оппозиции, и по сей день присутствующие во многих изданиях. Такие формулировки стали привычными, и их алогизм превратился в само собою разумеющуюся и, кажется, общепринятую норму. Они употребляются – видимо, в силу традиции – и в постсоветское время. Ср. свежие примеры: «русские **и** национальные деятели» [Алпатов 2003: 22], «национальные школы» – **и** «русские школы» [там же: 23], «национально ориентированная [явно имеется в виду «не русская» – А. В.] интеллигенция» [там же: 24] и т. п.

Хорошо известно: «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61], и «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле

наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневолле», таким образом, складывается впечатление, что русские школы – **не** национальные, да и русский-то язык – **не** национальный. Но какой же, в таком случае? Некое подобие эсперанто, идо, волапука и прочих эрзац-субституттов полноценного естественного языка? Получается очень просто: русский – и всё. Цитированный выше автор лишь бегло упоминает «нерусское население» (хотя в довольно двусмысленной конструкции «для всего нерусского населения СССР») и «нерусские народы» [Алпатов 2003: 24].

Известны неоднократные (но и единообразные – подчеркнуто будто бы заранее обреченные на неудачу) попытки постоянных телеперсонажей прояснить семантику, а тем самым – и более или менее отчетливо представить денотат слова *русский*. Иногда такие высказывания подаются как констатации объективной реальности, иногда – в форме риторических вопросов: «Вообще *русский* – слово очень непонятное» [А. Любимов. Один на один. Останкино. 17.09.95]. «Кто есть *русский* человек? Ответьте на этот вопрос мне, простому *русскому* человеку Григорию Израилевичу Горину» [Национальный интерес. Реп ТВ – Афонтово. 23.01.97]. «Мы не знаем, что такое *русский* человек» [В. Ерофеев. ТеКто. ТВ-6. 18.08.98] и т. п. (правда, декларируемая неудобопонятность слова *русский* вовсе не мешала выдавать в эфир формулировки вроде «агрессивный *русизм* левой оппозиции» [Новости. ОРТ. 19.04.97]) (с точки зрения В. Жириновского, *русские* – это «все, кто х о т я т себя считать *русскими*. Первый и главный признак – родной язык. У меня родной язык – русский, хотя я прожил в Казахстане 18 лет [...]. [Минтимер Шаймиев, Кирсан

Илюмжинов] м о г у т считать себя *русскими*, им же куда легче говорить *по-русски*» [Чиновник с клеймом // РГ-неделя. № 100. 12.05.11. С. 8]). Имеет свою традицию и псевдолингвистический подход, которого придерживается, например, Н. Михалков: «Да *русский* вообще – это имя прилагательное!» (и тем якобы отличается от других этнонимов не в лучшую сторону) [Зеркало. РТР. 21.02.99]; как заметил по поводу аналогичного выступления одного литератора О.Н. Трубачёв, «имей он чуть больше знаний..., то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные; ... они типологически однородны с нашим самоназванием» [Трубачёв 2005: 216].

По-видимому, старательно акцентируемая невозможность сформулировать лексическое значение слова *русский* призвана поставить под сомнение идентификацию национальной принадлежности большинства коренных носителей русского языка; кроме того, негативное воздействие на самосознание личности оказывает постулируемая таким образом принадлежность индивидуума к этносоциуму, четкое определение которого будто бы весьма гипотетично.

Следует сказать, что и само по себе точное установление чьей-либо национальности посредством слова *русский* (чего, как правило, в текстах телевидения почему-то избегают, когда речь идет о представителях большинства населения Российской Федерации) во многих случаях представляется довольно проблематичным. Ср.: «Основоположником жанра видеоклипа можно считать *русского* певца Леонида Утесова»

[Афонтово. 04.11.97]. «Ведь все, уехавшие в Израиль из России, – *русские*» [Е. Миронова. Телеутро. Останкино. 03.10.95.]; ср.: «Свыше миллиона наших соотечественников, живущих в Израиле...» [Вести. РТР. 29.04.98]; «... число наших соотечественников, проживающих на земле обетованной, приближается к миллиону...» [Новости. ТВ-6. 17.05.99]. «Многие российские театры за рубежом... играют в синагогах для *русской* эмиграции» [В. Вульф. ОРТ. 16.02.98]. «В прессу уже просочилась информация о *русских* корнях Монники Левински» [Скандалы недели. ТВ-6. 04.04.99]. «Сообщение о том, что Сильвестр Сталлоне будет «лицом *русской* водки»... Его фото на этикетке со словами: «В каждом из нас есть что-то *русское*». И действительно, бабушка его родом из Одессы» [Новости. ТВК. 19. 08. 08] (ср.: «У Леопольда Захер-Мазоха *украинские* корни. Во Львове ему поставлен памятник» [24. RenTV. 09.07.08]¹⁷). «*Вся русская* эмиграция по всему свету читает именно журнал «Огонек» [Вести. РТР. 23.12.98]. «Ролан Быков в роли скомороха в фильме «Андрей Рублев» сыграл всю судьбу *русской* интеллигенции» [И. Рутберг. Афонтово. 29.11.09] и т. п.

Возможно, что такие примеры отражают тенденцию, характерную для чужекультурной среды, например: «Те, кого в Израиле называют *русскими*, – репатрианты из России и бывшего СССР» [Вести. РТР. 22.03.99]. «Не исключено, что на земле обетованной вас (вероятных репатриантов) будут называть сначала *русскими*» [премьер-министр Израиля Б. Нитаньяху – в московской еврейской школе, всех учеников которой

¹⁷ Ср. подобный этнографический изыск одессита Г. Остера, рассуждающего о некоей «русско-украинской ментальности» [Вести. РТР. 22.08.10].

он призывал выехать в Израиль. Новости. ТВ-6. 22.03.99]. «[Натан Щаранский] полагает, что влияние *русской* еврейской общины на политическую жизнь Израиля будет только усиливаться» [Старый телевизор. НТВ – Афонтово-22. 02.02.01]. «В этой квартире проживает много *русских*, как называют здесь (в Израиле) всех выходцев из бывшего Советского Союза» [Обозрение. Ren-TV. 23.08.01]. «Из них [пассажиров] только 20 – иностранцы, остальные – *русские*, по крайней мере, наши сограждане» [С. Ким. Новости. Афонтово. 31.07.02]. «Во-первых, я думаю на *русском* языке... У меня мѣшление, или мышлѣние, не знаю, как правильно... Безусловно, я *русский* человек по своему мироощущению, по своим корням... Опять-таки – это моя родина: родилась в Ташкенте» [Дина Рубина. Успех. RenTV. 20.06.02]. «Жириновский – воплощенная мечта *русской* политики» [Л. Канфер. Неделя. RenTV. 08.04.06]. «*Русский* гангстер Алимжон Токтахунов» [Новости. ОРТ. 01.08.02].¹⁸ «...Как и десятки тысяч их соотечественников, которых в России называли евреями, а здесь [в Израиле] – *русскими*» [Сегодня. НТВ. 22.01.03]. «Лейтенант доволен своими *русскими* солдатами [израильскими военнослужащими, иммигрантами из России]» [24. RenTV. 25.12.01]. «Дан – *русский* по рождению, родился в Союзе, а по своему ощущению – еврей: «Еврей должен жить в Израиле, защищать его» [24. RenTV. 12.01.09]. «Сложись судьба Сичкина иначе, он мог бы стать *русским* Чаплином» [1 канал. 11.02.06]. «За какое время *русский*, человек из Советского Союза, становится американцем?» [Ксения Ларина – Славе Цукерману. Успех. RenTV. 28.01.02].

¹⁸ В одной из телепередач осенью 2008 г. упомянутый персонаж был представлен уже как *российский предприниматель*.

«Марк Шагал... тоже *русский* изгнанник» [«Пуаро Агаты Кристи». РТР. 12.02.03]. «Ярмарка тщеславия *по-русски*» [анонс док. фильма «Лондонские крыши» – о том, как Б. Березовский, Р. Абрамович и проч. покупают в Англии дорогую недвижимость и футбольные клубы. – НТВ. 15.11.05]. «*Русские* израильтяне – самые читающие люди в стране» [Ночные новости. 1 к. 21.02.07]. «[Михаил Фридман, глава «Альфа-груп»:] «Можно говорить, что Россия является частью мирового бизнес-сообщества». – [Комментатор:] «Загадочная *русская* душа перестала быть потемками для западного инвестора» [Вести. РТР. 12.02.03]. «Израиль – страна, в которой миллион граждан говорит и думает *по-русски*» [РТР. 25.05.08]. «Проданный смех. *Русские* сенсации» [о юмористах Г. Хазанове, Р. Дубовицкой, В. Винокуре и др. – анонс. НТВ. 23.08.08] и мн. др.

В подобных формулировках, кажется, довольно ощутимы нотки то ли ностальгии по советскому интернационализму, то ли стремления к некоей национальной нивелировке (под «общим знаменателем» *русские*), и последнее нельзя не оценить по достоинству, ибо отзывы чуть ли не обо всем *русском* или как-либо связанном с ним, как правило, негативны.

Хотя «насчет *русского* характера очень сильно всё преувеличено, это неотшлифованный характер» [В. Черных. РТР. 22.11.98], о некоторых его чертах заявляется совершенно безапелляционно. Так, в преддверии юбилея, комментируя события последних дней Великой Отечественной войны, ведущий говорит: «Подвела... наша и з н а ч а л ь н а я у щ е р б н о с т ь , наша *русская* б е з а л а б е р н о с т ь » [Воскресенье. Останкино. 07.05.95]. Ср. также: «Почему те, кого мы любим, нами так легко забываются?

Наверное, такова наша генетическая природа» [В. Мережко. Мое кино. ТВ-6. 27.02.99]. «Наш характер отличает импульсивность, крайность: целовать – так королеву, украсть – так миллион» [Человек и закон. 03.02.99]. «... Традиционное *русское* не уважение к законам» [М. Гуревич. Дела. Афонтово. 18.07.96]. «Признаём, что как быленья является нашей национальной чертой» [А. Исаев. Час пик. 09.04.98]. «Конечно, любовь к халыве – истинно *русская* черта» [зам. декана МГУ – по поводу открытия благотворительной столовой для студентов. Доброе утро, Россия. РТР. 15.12.98]. «Справиться с привычками *русского* человека мусорить и ломать чрезвычайно сложно» [Новости. Афонтово. 30.09.99]. «... *Русский* народ, традиционно готовый винить во всем власти» [Романовы. Крушение династии. ОРТ. 15.07.98]. «В нашей *русской* ментальности сидят хищные ужасы... Неповторимые, загадочные и удручающие глубины *русской* души...» [М. Захаров. Вести. РТР. 04.05.97]. «Демократия – слово, для нас странное... Свобода – слово, странное для нас, для нашего менталитета» [М. Захаров. Тихий дом. ОРТ. 12.05.99]. «Репрессивная система отражает жестокий менталитет нашего народа. Я всё время прихожу в ужас: какие мы жестокие, какие мы кровавые!» [А. Приставкин. В мире людей. ТВ-6. 06.02.98]. «Привычка к крови наша постоянная...» [К. Ларина. Третий лишний. Ren TV – 7 канал. 01.02.99]. «Мы не научились чувствовать своей исторической вины перед самими собой» [С. Ковалев. ТВ-6. 03.11.98]. «Нельзя с нами, *русскими*, честно и открыто» [М. Жванецкий – на вечере памяти

Б. Окуджавы. ОРТ. 13.06.99]. «Пройдет еще три года, и именно *русская* атомная подлодка [К-19] в 1972 году поставит мир на грань катастрофы» [РТР. 29.12.04]. «*Русских* можно внести в Книгу рекордов Гиннеса... Самый разобщенный народ» [депутат Госдумы А. Чехоев – о русских, оказавшихся в «ближнем зарубежье», – кстати, отнюдь не по своей воле. 24. RenTV. 20.02.02]. «*Русский* террор будет намного хуже, чем чеченский!» [Д. Рогозин. Неделя. RenTV. 09.09.06]. «Горбачев сделал ошибку, вырубив виноградники. Кардинально решить эту проблему можно, только вырубив *русский* народ» [В. Новодворская. РТР. 10.12.94]. «Петр Первый, будучи в Брюсселе в 1717 году, сильно перебрал. Ну, с *русскими* это бывает – вы же знаете» [Д. Крылов. Непутевые заметки. ОРТ. 21.09.03]. «*Русский* человек вне дома любит выпить» [М. Турецкий – «Хор Турецкого». Детали. Прима ТВ. 25.09.06]. «У него [Игоря Старыгина] были слабости, присущие многим *русским* актерам [т. е. склонность к излишнему употреблению алкоголя]» [М. Розовский. НТВ. 15.10.09] «*Русские* моряки вызывают беспокойство и опасения у населения [Японии]... Последнее убийство в приморском городке местные [японские] газеты назвали «разборками *русской* мафии» [Честный детектив. РТР. 21.10.07]. «Подпись под снимком: «Она подыхает» – вот это уже уровень *русской* журналистики» [О. Кушанашвили. Секретное досье. RenTV. 24.09.07]. «Если к какому-нибудь хорошему делу добавить слова «*по-русски*», всё встанет с ног на голову... В банке кредит дают, только не забудьте – *по-русски*» [Т. Устинова. Час суда. RenTV. 09.09.05]. «[А. Кушнир, «легенда музыкальной журналистики»:] Из-за к о л о с -

с а л ь н о й *русской* б е с х о з я й с т в е н н о с т и э т а [эстрадная] группа так и не вышла [на большую сцену]» [Звезды на ладони. МТВ. 14.01.09]. «Отбыв срок [тюремного заключения], Сергей вернулся из Италии в Москву и давай вспоминать, что такое шопинг *по-русски* [т. е. занялся кражей товаров в магазинах]» [В час пик. RenTV. 07.02.09]. «Как же это *по-русски*, н е л е п о и у ж а с н о , погиб Юрий Степанов» [Вести РТР. 07.03.10]. «Проект обмена старых авто на новые абсолютно *по-русски* вдруг з а б у к с о в а л » [Новости. ТВК. 09.03.10]. «Благотворительность *по-русски*: почему мы не можем вместе со всем миром помочь гаятянам» [как обычно, здесь сначала предлагается эталон: «В США – бум благотворительности: американцы посредством СМС-сообщений со своих мобильных телефонов перевели на счета благотворительных фондов свыше 10 млн. долларов». В России же СМС-благотворительности нет, так как сотовые компании взимают в качестве комиссии 50 % от суммы денежного перевода. Конечно, «*по-русски*» здесь малоуместно: речь идет о *российских* предпринимателях – зато негативный ореол всего *русского* очевидно усиливается. – 24. RenTV. 19.01.10]. «Есть десять способов з а с т а в и т ь *русского* человека р а б о т а т ь , но ни один из них не работает» [анонс раздела программы «Край за неделю», посвященного плохой работе коммунальных служб Красноярска во время обильного снегопада. – Енисей-регион. 06.12.09]¹⁹. «Здесь [в селе Белоомут, где после пожаров в 2010 г. поя-

¹⁹ Справедливо сказано по поводу так называемой «русской лени», что «это скорее предмет для разговора об особенностях и тенденциях русской автохарактеристики, нежели о константах национальной ментальности» [Фомин 2008: 93].

вились новые дома взамен сгоревших] как на любой *русской* с т р о й к е : быстро, дешево и... н е н а д о л г о » [Дело особой важности. RenTV. 26.03.11] и т. д.

Поэтому совершенно естественным и закономерным оказывается, что «били его (подростка) в нашей *русской* милиции» [Скандалы недели. ТВ-6. 14.02.99], что «слишком сильно загрязняют среду *русские* машины» [ИКС. КГТРК. 28.10.94] (и «не забывайте, что вы купили *русский* автомобиль; поэтому не удивляйтесь, что обнаружите скрытые дефекты» [Авто. ТВК, 07.04.98]), или: «... *Русские* ребята во Франции воруют... (В. Познер:) Ужасно то, что я слышал о наших: *русские* крадут, *русские* то, сё...» [Человек в маске. ОРТ. 08.02.99], а в сообщении о трагическом происшествии – гибели десятилетнего мальчика как бы вскользь упоминается, что повинна в этом «медведица с *русским* именем Маша» [Совершенно секретно. РТР. 30.07.98]. Поводом для негативизации *русского* оказывается и система школьного образования, якобы ущербная, поскольку «во всем [?] мире принята двенадцатилетняя система школьного образования», и «именно поэтому *русские* аттестаты за границей недействительны» [Новости. Афонтово. 28.12.99], а следовательно, «переход на 12-летнее школьное образование позволит сделать *русский* аттестат престижным во всем мире» [Новости. Афонтово. 17.01.00].

Нередко в пределах атрибутивного сочетания сталкиваются (в духе «стёба», т. е. ёрничества [Земская 1996: 25]) прилагательные *русский* и *народный* (последнее некогда было стилистически приподнятым, а ныне стало иронически окрашенным); например, в анонсах телепередач, вроде: «*Русская* н а р о д н а я

программа «Плейбой» [ТВ-6. Янв.-февр. 2000] или «Русская народная передача «Городок» [РТР. 1999-2000] (ср.: «В России появилась новая народная игра – размышления вслух о здоровье президента» [Вести. РТР. 17.01.99]). Также: «Национальная русская демократическая забава – накопление компромата на политического противника» [Вести. РТР. 26.11.98]. «Пемяют на телевидение... Это такая старинная русская забава теперь: если что-то не нравится, разбить зеркало» [М. Швыдкой, председатель ВГТРК. Вести. РТР. 24.01.99]. «Русская народная группа «Бони М» [РТР. 16.07.06]. «Портрет идеального русского солдата. С таким защитником Родина может спать спокойно!» [анонс телесериала «Солдаты». – RenTV. 10.02.07 (любой, кто удосужился посмотреть хотя бы одну серию этого шедевра, легко усомнится в целесообразности существования российской армии как таковой)].

Отсюда – логическое оправдание сентенций (которые одновременно во многом и задают программируемый тон), подобных следующей: «Я (будучи за границей) называю свою не престижную русскую национальность и готова отвечать [?!] за принадлежность к этой неблагоприятной нации» [В. Новодворская. Зеркало. РТР. 26.10.97].

Негативизация русского производится с помощью различных приемов.

Это, например, чрезвычайно обобщенные и при том инвективные характеристики русской ментальности, которые, как правило, имеют безапелляционно-аксиоматичную тональность. Ср.: «При жизни били наотмашь, а после смерти начинаем ценить. Это совсем по-русски. Шок – это по-нашему!» [депутат Законодательного собрания Красноярского края В. Бибикова –

по поводу смерти А. Лебедея. ИКС. 29.04.02]. «Любопытство ко всему патологическому, которое является неотъемлемой чертой наших соотечественников» [некоторая двусмысленность: «неотъемлемой чертой» является то ли «любопытство», то ли «всё патологическое». – О. Суслов. Культура за неделю. ТВК. 23.09.02]. «*Русский* народ ничего не хочет делать, но считает себя непобедимым» [7 канал. 18.11.06]. «Может ли забота о будущем победить *русскую* безалаберность?» [по-видимому, вопрос является риторическим: речь идет о нежелании «россиян» иметь по 5-6 страховых полисов, как в «цивилизованных странах» – анонс передачи «Перекресток». Афонтово. 03.02.07]. «...Несмотря на *русский* менталитет – любовь к блеску – как можно меньше одежды со стразами» [Новости. Прима ТВ. 18.09.08]. «Так ли мы ленивы, как принято считать?» [Доброе утро, Россия. РТР. 24.07.08]. «*Русский* характер – это способность в любую секунду создать шокирующую ситуацию» [Д. Марьянов. Очевидец. RenTV. 14.09.08] и т. п. В общем, говоря словами литературного персонажа (а отчасти, возможно, – и цитируемого далее автора), «если у *русского* человека попадается хороший характер, так это действительно роскошь» [Бабель 1989: 147].

Конечно, пытливым изыскателям приходится познавать эту очевидно ущербную ментальность самыми разными путями; анонс передачи М. Гуревича «Живые мысли» таков: «Красноярские сортиры. Исследование *русской* души. Взгляд из туалета» [7 канал. 14.01.06].

Кстати, при этом употребление вульгарной брани оценивается и как всё объясняющий лингвомен-

тальный знак, и как неперемное условие успешной речевой коммуникации, ср.: «А известно, что Шнуров [солист группы «Ленинград»] будет матом выражаться?» – [С. Иванов, гендиректор ЕТК:] «Какой народ – такая и речь, какой народ – такие люди...» [Новости. 7 канал. 29.08.08]. «[А. Кончаловский:] «Я, наверное, непонятно выражаюсь» – [В. Соловьев:] «Вы непонятно выражаетесь: вы не материтесь, вы непонятны *русскому* народу» [К барьеру! НТВ. 11.12.08] (подробнее см.: [Васильев 2000: 122-126], [Васильев 2003: 169-172], [Васильев 2008: 36-37 и др.]).

Поводом для уничижительных характеристик целого народа может оказаться всё, что удобно в пропагандистских целях. Так, от кого-то якобы исходившие предложения отметить 130-ю годовщину со дня рождения И. Сталина (причём, по словам корреспондента, опросы показывают «тревожную тенденцию» роста популярности этого исторического деятеля среди российских граждан), политолог А. Ципко прокомментировал решительно: «... Значит, мы не полноценный народ и неполноценная нация» [24. RenTV. 21.12.09] – хотя от специалиста его профиля было бы оправданно ожидать не вселенских инвектив, а анализа действительных причин подобных современных общественных умонастроений и симпатий.

Во многих случаях негативизация русского утверждается за счет сочетаемости слов корня *рус-* со слованосителями отрицательной оценки обозначаемого, что носит уже довольно устойчивый (чтобы не сказать – назойливый) характер, ср.: «Конкурс *русского* к о м п р о м а т а » [Пресс-экспресс. РТР. 26.11.96]. «Борьба Брынцалова с *русским* экономическим и политическим

м а р а з м о м» [RenTV. 04.01.99]. «Еще один любопытный механизм *русской* бюрократии» [Человек и закон. ОРТ. 03.02.99]. «*Русский* фашизм» [Военная тайна. RenTV. 13.12.02]. «Правила во дворце военными методами, убивала... жестокая *русская* чародейка (Роксолана)» [Завтрак с «Дискавери», пер. с англ. Афонтово. 05.03.03]. «Кто заказывает охоту на человека? Репортаж «*Русская* дичь» [НТВ. – Здесь, вероятно, предполагалась и игра значениями полисемичного существительного *дичь* – 1) «дикие птицы и звери, на которых охотятся и мясо которых употребляется в пищу»; 2) разг. «дикое, глухое место»; 3) разг. «нелепость, вздор, чепуха» [МАС₂, I, 1981: 404]. «Р а з б о й н и к и с б о л ь ш о й д о р о г и *по-русски*» [анонс телесериала «Охота на дорогах». Афонтово. 23.06.08]. «*Русская* тюрьма» [НТВ. 12.07.08]. «Догадываются, что маньяк – *русский*, по тому, что он выбирает жертв по буквам русского алфавита» [Новое утро. ТВК. 19.11.08]. «Наказывают проштрафившихся чиновников очень *по-русски*: переводят из одного государственного ведомства в другое» [Е. Бачурин, глава «Росавиации». Новости. ТВК. 12.09.08]. «*Русский* средний класс – это мелкий коррупционный чиновник..., капитан милиции ... Он жулик и проходимец – средний класс» [С. Доренко. 24. RenTV. 28.06.09]. «*Русские* сенсации. Тайная жизнь нацистских вождей» [НТВ. 18.08.09]. «*Русское* порно» [НТВ. 25.06.10].

Русской ментальности, русским как её носителям приписывают и явно импортные модели поведения: «С а м о с у д *по-русски*: л и н ч е в а т ь , не дожидаясь правосудия» [анонс док. фильма. 7 канал. 02.10.08]. Ср. в словарях советской эпохи: *линчевать* –

«подвергаться самосуду, суду Линча»; *линчевание* – [вероятно, от имени жившего в 18 в. полковника-расиста Ч. Линча] – с у д Л и н ч а – «самосуд, зверская расправа без суда и следствия, совершаемая в США реакционными элементами над неграми и прогрессивно настроенными белыми» [СИС – 1979: 287]; *линчевать* – «подвергнуть (подвергать) так наз. суду Линча, представляющему собой жестокую расправу, учиняемую в США реакционерами над неграми и прогрессивными деятелями» [МАС₂ 1984, I: 185]²⁰.

Другой, по-видимому, тоже эффективный прием – противопоставление *русский / не русский*, где первый компонент призван выражать заведомо негативную оценку, второй – столь же заведомо положительную и является фоном, рельефно выделяющим негативность *русского*. Ср.: «Как отличить марсиан от русских? У марсиан морды красные до безобразия, а у русских – после безобразия» [NB: у русских – м о р д ы. – ТВК. 18.04.01]. «Японцы, в отличие от русских, рассчитываются [с рыболовами-браконьерами] на месте» [24. RenTV. 02.07.02]. «Русский террор будет намного хуже, чем чеченский!» [Д. Rogozin. Неделя. RenTV. 09.09.06]. Здесь же (конечно!) вспомнили пушкинские слова о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Надо заметить, что хотя в авторитетных изданиях в этой фразе присутствует запятая – «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1978, VI: 349], – но, как полагают, «к запятым Пушкин питал явную неприязнь. В прижизненных публикациях частенько запятых либо вовсе нет...: «Не приведи Бог видеть

²⁰ Также: «Что такое современный русский к и д н э п п и н г?» [анонс телепередачи «Заложники». Неделя. RenTV. 14.05.11].

русский бунт бессмысленный и беспощадный!» – до сих пор эти слова толкуют по-разному, а смысл их тоже может определяться знаками препинания. Это, например, может быть оборот «второй винительный», который следует перевести так: «видеть бунт бессмысленным и беспощадным» (а может быть, и не таким)» [Колесов 1999: 67]. «К европейскому качеству [еще один мифоген! – А. В.] русские машины поедут на французских моторах... В условиях конкуренции русскому автомобилю без хорошей начинки не обойтись» [о покупке концерном «Рено» блокирующего пакета акций «АвтоВАЗа». – Неделя. RenTV. 09.12.07]. «Русский зритель привык к тому, что анимация – это детское... А весь мир давно увлекается ею и знает, что это – взрослое кино» [24.RenTV. 04.02.08]. «Сотрудники ДПС говорят, что если бы на месте «Нисана» был русский автомобиль «Жигули», последствия [аварии] были бы куда серьезнее» [Вести-Красноярск. КГТРК. 21.03.08]. «Президент Карачаево-Черкесии мечтает построить русский Куршавель, но сервис не европейский пока» [24. RenTV. 17.04.08]. «Вызов технике и природе: стартовало «Русское ралли» ... по аварийным дорогам ... русские гонщики на японских машинах» [анонс. НТВ. 05.05.08]. «Теперь главное, чтобы русские повара и иностранное оборудование [на кухне красноярского лица] нашли общий язык» [Новости. Прима ТВ. 21.08.08] и т. п.

Кстати, о языке. Решительные утверждения о якобы немислимой сложности (и, следовательно, ущербности) русского по сравнению со всеми остальными национальными языками нередки; из недавних, например: на международном конгрессе переводчиков

в Москве Мира Литвак из Израиля говорит, что «*русский* язык многословен, что за двадцать минут то, что говорится на *русском*, на иврите – два слова...» [Сегодня. НТВ. 06.09.10]. «А еще они [родители пятилетней «афроамериканки», будто бы суперполиглота] мечтают поехать в Россию: ведь с л о ж н ы й *русский* дается девочке [по их словам] лучше других языков» [Вести. РТР. 01.06.11] и т. п. (подробнее см. также: [Васильев 2000: 80-84], [Васильев 2007: 64-65, 99-101]).

Смутный облик *русскоязычного*

К особенностям статуса и функционирования слова *русскоязычный* в современной речи уже обращались некоторые лингвисты. Так, указывая первую лексикографическую фиксацию слова в «Орфографическом словаре русского языка» (изд. 29-е. М., 1991), приводят как аналоги прилагательные *франкоязычный* – ‘имеющий французский язык в качестве государственного языка (главным образом о странах Африки – бывших французских и бельгийских колониях)’ (Новые слова и значения. М., 1971) и *франкоговорящий* – ‘говорящий на французском языке; имеющий французский язык в качестве государственного’ (Новые слова и значения. М., 1984) [Хан-Пира 1992].

Цитируемый автор ссылается также на академическую «Русскую грамматику» (1980), указывающую на наличие подобных конструкций (правда, само слово *русскоязычный* там не приводится), и полагает, что термины типа *франкоязычный* многозначны (что, заметим попутно, несколько противоречит критериям, предъявляемым к терминологической лексике),

формулируя одно из значений *русскоязычный* как 'о многонациональной общности людей внутри государства, объединяемой по признаку владения данным языком как родным, в отличие от большинства населения' (*«русскоязычные жители Литвы»*). Он считает, что подобные слова, созданные по моделям русского словообразования, не имеют экспрессивно-эмоциональной окраски, не выражают оценочных понятий и являются стилистически нейтральными. Ср. подачу соответственно прилагательного и существительного *русскоязычный*: *русскоязычный*, *-ая*, *-ое* – 1) 'владеющий русским языком как родным; русский'; 2) 'написанный на русском языке'; *русскоязычный*, *-ого*, м. – 'тот, для кого русский язык является родным; русский, живущий за пределами России' [ТССРЯ 2001: 685].

Однако известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» и что они вследствие конкретных обстоятельств внеязыкового характера способны приобретать коннотации. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные примеры и относительно далекого прошлого, и совсем недавние.

Терминоиды *русскоязычный*, *русскоговорящий* и под. также активно используются в словосочетаниях вроде *«русскоязычная мафия»* [Человек и закон. Останкино. 21.09.95], *«русскоговорящий бандит»* [Вести. РТР. 30.07.95] и т. п. В сообщениях об условиях жизни тех, кого причисляют к *русскоязычным*, в бывших республиках СССР обычно присутствует оттенок некоей снисходительности, слабо прикрываемой флером объективности, например: «... В первую очередь речь идет о защите прав *русскоязычного* населения (на Украине)» [Доброе утро, Россия. РТР.

12.02.99]. «(Кроме Крыма) в российско-украинских отношениях есть и другие проблемы: проблемы *русскоязычного* населения» [Вести. РТР. 18.02.99]. Несколько противоречивы суждения по поводу рассматриваемого терминоида, звучащие из уст официальных лиц ныне совершенно суверенных государств: «Я лично не респектирую термин «*русскоязычное* население», но это – личное дело людей, которые так себя сами называют» [генеральный консул Эстонии. РТВ. 22.02.93]. Заметим, что даже и среди телередакторов отношение к этому слову всё же не является абсолютно единодушным, ср.: «Мне неловко и стыдно, когда употребляют такой термин, как *русскоязычные*» [А. Соловьева. ТеКто. ТВ-6. 24.07.98]. Искусственность, семантическую несостоятельность словосочетания *русскоязычное население* и его аналогов, по-видимому, хорошо понимают некоторые российские политики: «Когда мы говорим о *русскоязычном населении*, мы имеем в виду и значительную часть так называемых титульных наций республик СНГ... *Русскоговорящих* там много не только среди интеллигенции. Это – единое информационное пространство» [премьер-министр РФ Е. Примаков. Подробности. РТР. 08.12.98].

В последующий период прилагательное *русскоязычный* используется аналогичным образом, ср.: «*Русскоязычное* население в Эстонии ... ущемляется до сих пор» [В. Путин. РТР. 24.06.02]. «Президент говорил ... о проблемах возвращения на р(Р?)одину *русскоязычного* населения» [Сегодня. НТВ. 26.09.08] и т. п. Интересно, что сегодняшняя пропаганда эксплуатирует этот терминоид-мифоген, что называется, «применительно к обстоятельствам». Так, в замет-

ке с двусмысленным заголовком «Неонацисты добрались до Израиля» сообщается: «Израильская полиция арестовала 8 *русскоязычных* израильтян... Молодые люди организовали банду и стали нападать на иностранных рабочих, религиозных евреев, инвалидов, гомосексуалистов и наркоманов... Большинство задержанных признались, что придерживались нацистской расовой идеологии и считали себя сторонниками Гитлера ... Бывший глава «Натива» ... Кедли считает, что в неонацисты «записалась» та часть *русскоязычной* молодежи, которая оказалась неприкаянной и обозленной на государственные структуры и общество в целом, поскольку те не понимают её и проявляют к ней высокомерие» [Гельман 2007: 12]. При этом «израильские обозреватели прямо говорят, что еще лет 20 назад подобные явления были просто немыслимы. Несомненно, часть израильского общества феномен неонацизма в еврейском государстве объясняет приездом более чем миллиона репатриантов из СССР – СНГ» [там же]. Иначе говоря, получается, что неонацисты «добрались» (ср.: *добраться* – 1) разг. 'с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-л. места, предмета'; ... 3) прост. 'получить возможность принятая за кого-, что-л., расправиться с кем-л.' [МАС₂ 1981, I: 408]) до Израиля извне, с «неисторической родины», где, как известно от тех же российских СМИ, процветает *русский фашизм*. Так происходит пропагандистски логичное развитие и надстраивание мифа.

Еще относительно недавно в телевизионных текстах довольно часто фигурировало весьма туманное по семантике существительное *этнороссиянин*, выступавшее как эвфемизм к слову *русский* (например:

«... переселение *этнороссиян* из бывших союзных советских республик». [Новости. Останкино. 24.05.94]²¹). В высказываниях подобной тематики обычно преобладает упомянутый выше терминоид *русскаязычные* (ср.: «Рижская полиция избилла *русскаязычных* пенсионеров». ТВ-6. 07.03.98; в тех же выражениях отзывались об этом факте и другие российские телекомпании; или: «Как видите, *русскаязычные* (в Таджикистане, где, по существу, с переменной активностью идет гражданская война) чувствуют себя довольно-таки комфортно» [Вместе. ОРТ. 17.06.98]); ср.: «Он (бывший начальник цеха крупного завода) и миллион других *русских* вынуждены были бежать из Таджикистана, где подвергались притеснениям только за то, что они *русские*» [П. Федоров. Реноме. RenTV-7 канал. 25.01.99]). Таким образом, большинству телезрителей предлагалось воспринимать подобную информацию столь же бесстрастно-отстраненно, сколь она подавалась. Однако затем стали было намечаться иные тенденции, внешне свидетельствующие об отказе от псевдоэвфемизации: «О притеснениях же *русских* в Казахстане говорить (президенты РФ и Казахстана) не стали совсем» [Новости. ТВ-6. 07.07.98]. «Никто не говорит о правах пяти с половиной миллионов *русских* переселенцев [еще один эвфемизм? – А. В.], вынуж-

²¹ Ср. в пассаже политкорректного (за исключением безразличности к ленивым и бескультурным неимущим, кажется, олицетворяющим таким образом типично русские ментальные черты) производителя бестселлеров: «И уж совсем неясно, отчего сей компот называется «Русь Великая». К этническим россиянам на нем относится лишь селянин с багетом, да и тот не в самом выигрышном положении» [Донцова 2010: 26]; *этнические россияне* – действительно «компот»...

денных переехать в Россию из бывших союзных республик» [С. Кучер. Обозреватель ТВ-6. 13.12.98]. «Заявление российского президента по вопросу *русского* населения в Латвии» [Новости. ОРТ. 16.05.98]. «Ни разу не слышал, чтобы такое мнение (о притеснениях) исходило от *русских*, живущих в Казахстане» [Н. Назарбаев. Обозреватель. ТВ-6. 17.01.99]. Это можно объяснить, во-первых, тем, что скрывать с помощью вербальной маскировки истинное положение дел становилось всё более затруднительным; во-вторых, по-видимому, общественное мнение уже достаточно сориентировано должным образом и русские телезрители в Российской Федерации теперь не воспринимают невзгоды и лишения, выпадающие на долю русских в «ближнем зарубежье», как затрагивающие их собственные интересы. Иными словами, процесс раскола и дробления этноса по территориальному признаку приблизился к своей завершающей стадии, а возможно, уже и вступил в неё.

Россияне: материализация мифогена

Уже в течение ряда лет в речевой оборот активно вводится слово *россиянин*, ранее – в советскую эпоху – стилистически ограниченное в использовании: *россиянин* – устар. и высок. 'русский' [МАС₂ 1983, III: 732]. Современные лексикографы, упомянув об этих пометах, данных в цитируемом словаре, но почему-то не приведя имеющееся там толкование, предлагают совершенно иную дефиницию, очевидно, основанную на характере насаждаемого употребления слова в последние годы. В качестве заглавного слова статьи здесь предлагается форма множественного числа,

вероятно, рассматриваемая как исходная: *россияне* – 'жители, уроженцы России; граждане России' [ТССРЯ 2001: 680]; также [ТСРЯ 2007: 866].

Слово *россиянин* выступает теперь не только в качестве своеобразного гиперонима по отношению к существительным, обозначающим представителей любых национальностей, которые населяют Российскую Федерацию, но зачастую также и в роли стилистически окрашенного компонента, призванного придавать публичным высказываниям официальных должностных лиц высокую, торжественную тональность. Именно вследствие усиленной частотности в подобных текстах слово *россиянин*, в том числе как вербальный символ этнической идентификации, подменяемой этатической, всё глубже укореняется в повседневном бытовом дискурсе многих носителей русского языка (т. е. *русскоговорящих* в самом широком понимании), то ли утрачивающих представление о чёткой соотносительности наименований с реалиями, то ли по каким-то причинам желающих от этого представления избавиться; тем более, что перенос акцента семантики на государственную принадлежность – гражданство – интенсивно стимулируется свыше.

Обычно употребление слова *россиянин* является индикатором и инструментом нивелирования именуемых по национальному (или, точнее, по «вненациональному» или «безнациональному» признаку); иногда при этом, возможно, интенцией говорящего действительно является стремление способствовать внутригосударственной интеграции хоть на каких-либо принципах. Например: «... Мы перестали гордиться тем, что мы *россияне*... Основное для всех *россиян*, вне зависимости от национальности, вероисповедания, – это культура, это то, что всех объединяет»

[М. Кривцова. Доброе утро. ОРТ. 12.98]. Однако всё же более распространенными являются высказывания, в которых *россиянин* выступает как стилистически и оценочно нейтральное, что, по-видимому, имплицитно должно неоспоримо констатировать реальность денотата: «Для телезрителя, то есть *россиянина*, потасовки на политических мероприятиях уже стали привычными» [Вести. РТР. 31.01.99]. «Свыше десяти миллионов *россиян* работает на продовольственных и вещевых рынках» [Доброе утро. ОРТ. 02.12.98]. «Потребность в празднике неистребима у *россиян*, как и способность выживать» [Неделя высокой моды в Москве. РТР. 28.11.98]. «Вчера у нас, у *россиян*, появился новый чемпион по хоккею» [Доброе утро. ОРТ. 16.04.99]. «Немецкая нация в годы войны уничтожила более двадцати миллионов *россиян* [очевидно, имеются в виду советские граждане]» [И. Долгушина. Чай вдвоем. 7 канал. 13.09.01]. «[Социологи установили:] большинству *россиян* нравится жить в современной России» [Новости. Афонтово. 20.01.07]. «Уже давно известно, что *россияне* и шотландцы похожи открытым характером и дружелюбностью» [Вести. РТР. 05.09.03]. «По официальной статистике, более 30 % *россиян* вообще не читают книг» [Доброе утро, Россия. РТР. 03.09.02]. «*Россиянин* Смирнов – профессор Женевского университета, но часто бывает на родине» [Утро России. 20.08.01]. «Михаил Громов – *россиянин*, которому досталась престижная Абелевская премия» [Доброе утро, Россия 19.05.09].

По словам Андрея Малахова²², «это [ведомая им телепередача] новое прочтение современной жиз-

²² Этот телеперсонаж заявляет: «... То, что я делаю, Лари Кинг делает за 20 миллионов долларов в год, а Опра Уинфри – за 80. А я что?..» [Андрей Малахов: Пусть говорят! // РГ-неделя. № 155. 15.07.10. С. 26].

ни в России... Вопрос многонациональных браков, в данном случае между цыганами и *россиянами*» [РГ-неделя. № 155. 15.07.10. С. 26]. «Душ – это главное, с чего должно начинаться утро каждого *россиянина*» [Доброе утро, Россия. РТР. 05.03.09]. «Поскольку *россияне* сами не заботятся о своей старости..., государству приходится [!] взять заботу на себя [о размещении инвестиций в пенсионные фонды и т. п.]» [Вести. РТР. 23.07.07]. «Первую свою книгу написал о Москве и *россиянах*... Миша Азнавур» [Утро России. РТР. 04.09.08]. «Я рекомендую *россиянам* танцы» [А. Смехова. Доброе утро, Россия. РТР. 25.04.08]. «За последние два года жертвами заокеанских [приемных] родителей стали тринадцать маленьких *россиян*» [Доброе утро, Россия. РТР. 29.04.08]. «Уилл Смит [киноактер – «афроамериканец», т. е. американский негр] признался, что он хотел бы сыграть еще одного супергероя – *россиянина*» [Новости. ТВК. 09.07.08]. «Граждане России скоро смогут свободно пересекать границу Израиля... Это могут сделать все *россияне*» [Новости. 7к. 28.08.08] и мн. др. В общем, в России все поголовно «мы *россияне*, истинные *россияне* мы... Выйди на рынок – там все *россияне*...» [М. Эсамбаев. Новости плюс. ВГТРК. 03.12.94], тем более, что «быть *россиянином* – это вообще-то клево, как это называется» [В. Аксенов. Время. ОРТ. 27.03.05] .

Иногда считалось нужным уточнить семантику слова («Присутствуют ли *россияне*, *российские* граждане на церемонии вручения [Нобелевской] премии?» [А. Малахов. Доброе утро. ОРТ. 04.12.98]) или дать ссылку на наиболее авторитетного из известных его популяризаторов («объяснить уважаемым *россиянам*, как любит называть их [не «нас»! – А. В.] прези-

дент...» [А. Разбаш. Час пик. ОРТ. 02.11.98], хотя можно предположить, что эта назойливая новация не всеми воспринималась одинаково лояльно, пусть даже и будучи освящена высшей государственной властью – а может быть, как раз именно поэтому: «Мне противно, когда президент говорит: «*Россияне!*..» Какие *россияне*? Откуда взялись?» [С. Колтаков. Перпендикулярное кино. РТР. 27.04.97]. Ореол обращения *россияне* как интенсивно насаждаемого официально-го штампа естественно (на фоне тогдашних внутри-российских реалий) вызвал довольно ощутимый резонанс широкого диапазона, прежде всего обусловленный некогерентностью вербальных претензий на державность – и хорошо ощущавшейся большинством «уважаемых россиян» трудновыносимой нелегкостью бытия и полным отсутствием его оптимистических четких перспектив; иначе говоря, пропагандистская словесная шелуха отнюдь не скрывала – и не скрывает – несоответствия амбиций и потенциалов. Ср. вроде бы юмористическое обыгрывание штампа: «Доброе утро, *россияне!* Добрый вечер, японцы!» [Доброе утро, Россия. РТР. 03.02.99] – и: «О *русской* идее напоминало только блатное обращенье «*россияне*», всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина «арестанты», которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые «*малявы*» [Пелевин 1999: 180].

Академик РАН О. Н. Трубочёв совершенно справедливо оценивал и интенции культивирования «*россиян*» – возникших сначала как словесный идентификатор, – стимулируемые трансформации ментальности этносоциума и его перспективы: «Невеселые размышления приходят, когда видишь не одну

только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже и сам *русский* себя готов назвать *россиянином* [и ведь называет! Цитируемая статья О. Н. Трубачёва была впервые опубликована в 1997 г. – А. В.]. Ведь *россиянин* – это житель России, в принципе, любой национальности... Стойкость тенденции, при любой смене режимов, даёт повод опасаться, что на этом не кончится. Эти игры в слова, замешенные на дурной политике, скорее, еще продолжатся...» [Трубачёв 2004: 72].

Очевидно риторическим можно считать разумный вопрос: «Является ли сложившимся социальным субъектом нация «Россияне», или она пока еще также идеологически утопична (в смысле у - нет, топия - места), как в свое время «Советский народ»?» [Арапова 2007: 9] (кстати, ср.: «Что касается чувств *российского народа* к американскому народу, то это нормальные дружественные чувства» [Д. Медведев – Б. Обама. Новости. ТВК. 06.07.09]). А хорошо известная судьба социальных утопий действительно весьма трагична [там же], но в первую очередь не для их изобретателей и распространителей, а для тех, кто оказался в роли манипулируемых такими мифогенами объектов.

Активно усугубляемая тенденция к «безнациональности» русских, при демократическом режиме парадоксальным, казалось бы, образом, но по-своему логично продолжающая советский интернационализм в худших его воплощениях, проявляется в дискурсе СМИ прежде всего путем подмены номинаций (т. е. *россиянин* используется там, где очевидно подразумевается *русский*). Ср.: «Положение *россиян* за рубежом обсуждается на встрече в Баку... Посланцы диаспор...» [Вести. РТР. 06.09.06] (кстати, верно замечено:

«Если быть точным, *диаспора* – это такой же лексический иудаизм эпохи эллинизма, как и *синагога* и *холокауст* (или в плохом переводе с английского *холокост* «всесожжение»). Говорить о диаспоре, иначе о рассеянии, можно лишь применительно к народу, лишившемуся своей метрополии, т. е. исторически – только о еврейском народе» [Агафонова и др. 1998: 92]. По-видимому, *русская диаспора* вместо *община* – одновременно и более привычный для кого-то стандарт, и скрытая попытка прогноза для русской государственности). «...В приоритетном порядке способствовать трудоустройству *россиян*» [Вести. РТР. 06.10.06 – о последствиях конфликта в Кондопоге между укоренившимися там успешными предпринимателями-чеченцами и местными небогатыми, зачастую безработными жителями]. «События в Южной Осетии вызывают боль не только у осетин, грузин и *россиян*» [Вести-Красноярск. 12.08.08]. «По прогнозам ООН, через век *россияне* могут исчезнуть с лица земли» [Афонтово. 17.10.08]. «Есть на Маврикии небольшая *русская* диаспора... Чем экзотический остров так привлекает *россиян*?» – «Я знаю, что *россияне* очень любят роскошь», – отвечает администратор местного отеля» [Неделя. RenTV. 09.12.07] и мн. др. Особенно интересно чуть ли не демонстративное жонглирование словами *русский* и *россиянин*, которое довольно точно обозначает приоритеты телевизионных деятелей. См. следующие микродиалоги: «[Беженцы из бывших союзных республик:] «Все м [мигрантам] помогают фонды: туркам, эфиопам..., но – не *русским*». [Ведущий передачи В. Познер переадресует этот вопрос присутствующему здесь же чиновнику:] «Почему не помогаете *россиянам*?» [Мы. Останкино. 13.12.94]. «Они

[семья Петровых в Таиланде] остались *россиянами*». – [Петрова:] «У нас собираются *русские*...» [Я – путешественник. RenTV. 23.08.08] и т. п.

Можно предположить, что столь интенсивное внедрение в публичный дискурс (и общественное сознание) слова *россиянин* и вытеснение им полноценного этнонима *русские* имеют своих инициаторов: ведь «в политических дискурсах идёт борьба за власть в сфере обозначения и, тем самым, за фундаментальные групповые ценности» [Базылев 2005: 13]. По некоторым сведениям, «в 1994 году на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем *русский*, а заменять его прозвищем *россиянин*... Заинтересованность в этом лично президента и его соправителей понятна» [Миронова 1997: 6].

Целенаправленно и сконцентрированно возможности и подходы (от умеренных до радикальных) к решению зачастую ими же и создаваемой проблемы декларировались в высказываниях главных специалистов по вопросам государственной политики и межнациональных отношений. Так, Р. Абдулатипов считал, что «отказаться от графы ‘национальность’ в паспорте не позволяет отсутствие зрелого гражданского общества... Со временем, когда национальность для *россиян* перестанет быть понятием правоопределяющим, от него можно будет отказаться» [Доброе утро. ОРТ. 25.10.97]. В. Новодворская решительно резюмировала: «Пусть у нас все будут *россиянами*... Убрать национальную идентичность из этнического сознания...» [Зеркало. РТР. 26.10.97]. С точки зрения В. Познера, «в конце двадцатого века делить людей по национальности – это п о з о р и щ е ...

Об этом надо говорить... не в смысле «кто виноват», а «что делать»... Это важнейший вопрос...» [Мы. ОРТ. 07.12.98]. Эмоционален был в той же передаче В. Зорин, председатель комитета по делам национальностей Государственной думы: «Избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем (т. е. указывать национальность в документах)... Пора всем становиться *россиянами*» [Мы. ОРТ. 07.12.98]. Известно, что указание национальности владельца было затем удалено из паспортов российских граждан (хотя, согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ, «каждый в праве определять и указывать свою национальную принадлежность»).

Позднейшие данные отчасти подтверждают достоверность информации об изобретателях и популяризаторах нововведения *россияне*. Ср. реплики участников некоего подобия дискуссии (по-видимому, заочной), материалы которой озаглавлены «Россияне или русские»? [Российская газета. № 203. 14.09.07. С. 30]:

1) «Слово «россиянин» – искусственное. В английском языке есть только одно слово – «русские», все его используют, и никого это не смущает. Причём речь не об этнических русских, а о многонациональной России. До недавнего времени, когда мы говорили «русские», то подразумевали всех наших соотечественников, людей разных национальностей, но говорящих по-русски и живущих в атмосфере русской культуры, воспитанных русской культурой» [глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл];

2) «Мне кажется, правильнее – «россияне». Это слово позволяет не задевать чувства людей, которые остро реагируют на национальные нюансы, помогая

избежать национальной розни. Оно даёт человеку право считать себя полноценным гражданином страны, который трудится на её благо, строит здесь свою семью, живёт. В нашей исторической ситуации это более точное слово. Хотя, конечно, многим оно режет слух своей искусственностью, потому что возникло в устах Бориса Ельцина. Но тот произнёс его в момент, когда очень остро чувствовал пик, после которого могла быть катастрофа. Он почувствовал это слово сердцем [т. е. с подачи Е. Боннер – А. В.]. Так что слово «россиянин» – хорошее. Слово «русский» – тоже [!] хорошее, но сегодня оно применяется как «я лучший, я главный». И это начинает раздражать. Когда всё успокоится, все мы будем русскими» [Иван Дыховичный, режиссёр];

3) «Согласен: слово «россиянин» – искусственное. Оно какое-то архаичное и возникло-то искусственно. Появление этого слова – результат какой-то ложной политкорректности. Я помню, как впервые оно прозвучало в устах Бориса Ельцина. Видимо, его советники боялись слова «русский», потому что от него (как им, наверное, казалось) отдаёт этничностью, им же хотелось уйти от этнического оттенка в этом слове. Но я считаю, что слово «русский» применимо к любому гражданину России, независимо от того, татарин он, еврей или калмык. За пределами России нас всех называют по-английски *russian*, по-французски – *russe*. Мы – гражданская нация, и слово «русский» вполне можно было бы употреблять, как минимум, в обозначении гражданства, независимо от происхождения» [Александр Даниэль, историк].

При некоторой разнооформленности высказываний, принадлежащих участникам квазидискуссии, интенции их во многом совпадают.

1) Соглашаясь с митрополитом (ныне – патриархом) Кириллом в том, что «слово «россиянин» – искусственное», нельзя не заметить некоторые странности аргументации этой оценки. Непонятна ссылка – как на некий эталон – на английский язык, где Russian, а вовсе не «русские», по существу, синкретично: это и ‘русский’, и ‘российский’, и ‘россиянин’; наверное, никого в России и не должно «смущать», как англоговорящие употребляют слова **своего** языка. Иностранцы традиционно и не различают жителей т. н. многонациональной России. Видимо, активность внешних связей затруднила понимание церковным иерархом этих очевидных фактов.

2) И. Дыховичный, кажется, не осознаёт, что «остро реагировать на национальные нюансы» пока ещё могут и этнические русские. Он тоже замечает, что слово «россиянин» – искусственное; любопытно объяснение: «...потому что возникло в устах Бориса Ельцина», собственно, и введшего страну в состояние управляемой катастрофы (известно, сколь богат может быть улов рыбы при замутнении воды). Трудно понять, почему «русский» сегодня применяется как «я лучший, я главный» – см. вышеприведённые примеры из теледискурса, никоим образом не подтверждающие такой оценки, – и кого именно это раздражает, кроме самого Дыховичного. Его позиция в общем согласуется с позицией X съезда РКП(б) 1921 г., который «направлял главный свой удар против великодержавности как главной опасности, то есть против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великодержавные шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246].

3) А. Даниэлю слово «россиянин» также представляется искусственным; его активизацию он тоже связывает с именем Ельцина. Правда, Даниэль не объясняет, почему так «боялись слова *русский*» ельцинские советники и почему им так «хотелось уйти от этнического оттенка». Между тем газета «Известия» 9 июля 1996 года, со ссылками на газету «Вашингтон пост» и журнал «Тайм», сообщала, что штаб по избранию Б. Ельцина в президенты на 2-й срок прибег к услугам группы американских специалистов (Дж. Гортон, С. Мора, Дж. Шумейта, Р. Дрезнера), которых свёл и доставил в Москву разбогатевший в США эмигрант из Белоруссии Феликс Брайнин (не говоря уж о «семибанкирщине», олигархах и иже с ними). Кроме того, по-видимому, по аналогии с уже известным т.н. *гражданским обществом*, Даниэль употребляет маловразумительный терминоид «гражданская нация», не удосужившись его истолкованием. Ссылки на иноязычные аналоги, как уже сказано, вряд ли точны и уместны, когда речь идёт о характере использования русского этнонима внутри России.

Можно сказать, что позиции всех участников этой псевдодискуссии в той или иной степени основываются на лозунге прежнего, гипертрофированного советского интернационализма.

О том, что массированное внедрение *россиянин* вместо *русский* далеко не случайно и, по существу, играет роль информационно-психологической мины, предназначенной для подрыва самоидентификации этноса, лингвисты говорили неоднократно.

По мнению О. Н. Трубачёва, это одна из препон, чинимых русскому возрождению, которые воплощают отчетливую идеологическую и политическую уста-

новку [Трубачёв 2005: 225], направленную на то, что «русскоязычное общество... утратит свою русскость» [Трубачёв 2004: 185]. Последнее понятие, как считает Н. К. Фролов, включает в себя и консолидирующую миссию русского народа; «неправ был советский историк М. Н. Покровский, называвший царскую Россию «тюрьмой народов», призвавший, вслед за Бухариным, ставить русский народ «ниже» других. Это в наше время усиленно «вколачивают» в сознание народа разномастные бжезинские и радзинские. Между тем русское лидерство никогда не было легкой ношей» [Фролов 2005в: 507-508]. Ведь историческая судьба русского народа была далеко не самой счастливой, но именно «русский народ, который никогда не надо было учить самоотверженности, как известно, принял на себя максимальную тяжесть последних войн, экономических усилий и подъемов. Можно сказать, что он во многом добровольно потеснился, сознательно помогая другим нациям и народностям» [Трубачёв 2004: 21]. И при этом «наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире» [Чудинов 2003: 227]. Однако именно русскому народу через средства массовой информации, действующие на территории РФ, внушаются установки, которые в обобщенном виде можно квалифицировать «как «мысль-вирус о национальной ущербности или неполноценности *русских (россиян)* [впрочем, как раз насчет *россиян* здесь упоминать вряд ли следовало: что может быть подлинно национального у людей, объединяемых лишь местом проживания и применения своих весьма разнообразных предпринимательских устремлений? – А. В.]» [Пугачев 2003: 77]. По-видимому,

кому-то было бы чрезвычайно выгодно такое положение дел, при котором *русских* нет вообще – начиная с самоназвания: перефразируя афоризм, приписываемый обычно одному советскому руководителю, «нет номинации – нет проблемь». Ведь семантически якобы диффузная номинация даже специалиста заставляет сомневаться в реальности денотата; тем более, та же номинация оказывается маложелательной для её носителей, если отягощена еще и негативными коннотациями. Уход русских (начиная от спровоцированной утраты автоэтнонима) с геополитической арены – вожделенная удача для «новых кочевников» – собирателей трофеев [Калашников 2003: 60].

Пока что русским в РФ, вероятно, имплицитно навязывается модель поведения, которой придерживался литературный персонаж – «типичный кадровый офицер сильно обветшавшей австрийской монархии» поручик Лукаш, который, «когда преподавал в школе для вольноопределяющихся, состоящей сплошь из чехов, то говорил им конфиденциально: «Останемся чехами, но никто не должен об этом знать. Я – тоже чех...». Он считал чешский народ своего рода тайной организацией, от которой лучше всего держаться подальше» [Гашек 1956: 179].

Один из парадоксов современной российской внутрисполитической ситуации состоит в том, что, демонстративно отказываясь от несомненных завоеваний советского социализма, которые были достигнуты за счет беспримерных людских жертв, лишений и страданий,²³ новейшие идеологи в силу почти необъяснимой

---

²³ Впрочем, остатки промышленности СССР эксплуатируются «эффективными собственниками» весьма активно – ср. аварию 2009 г. на Саяно-Шушенской ГЭС и т. п.

инерции продолжают «позиционировать» (как теперь модно выражаться в их среде) Российскую Федерацию в качестве многонационального государства – наподобие СССР, действительно бывшего таковым. Сегодня же, в совершенно иных условиях (и этнических, и территориальных), пропагандистски обеспечивается «бесконечно муссируемый миф, что Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная. А ведь Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена *русскими*... По научным воззрениям – если страна на восемьдесят пять процентов населена каким-то этносом, она в принципе называется однопациональной» [Трубачёв 2004: 206-207].

Столь же неслучайно, что сегодня совершенно в глобалистском духе, которым одержимы «новые кочевники», по терминологии Ж. Аттали [Калашников 2003: 60], критикуется «идея национального государства как якобы себя изжившая, муссируется государствообразование наднациональное – очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с национальным государствообразованием. ...Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что передоверит бразды правления какому-то наднациональному, транснациональному корпоративному руководству, можно... только в дурном сне [увы, и дурные сны могут сбываться. – А. В.]. ... Кто будут эти «варяги» – мировая финансовая олигархия или «малый народ», по терминологии Шафаревича? Или – «два в одном»?» [Трубачёв 2004: 184-185]. Главное – конечно, то, что неминуемо последует за исчезновением государствообразующей нации (ср.: «По прогнозам ООН, через

век *россияне* могут исчезнуть с лица Земли» [Афонтово. 17.10.08] – вряд ли этот прогноз равно относится ко всем национальностям, населяющим территорию РФ). Всё-таки трудно пока сказать, на какой стадии в наши дни находится паралингвистический эксперимент по трансформации *русских* в *россиян*, индуцирующий элиминацию этноса с помощью отмены его самоназвания; следует ли считать, что какая-то фаза процесса завершена или еще продолжается. Несколько лет назад уже звучали радостные рапорты о некоторых светлых перспективах, достаточно гармонично согласующихся с экстраполяцией глобалистского мифогена *мировое сообщество* на реальность: «Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени» [Д. Радышевский. Пресс-Экспресс. ОРТ. 15.01.97].

Однако, несмотря на массивную пропагандистскую обработку, зачастую обнаруживается, что промывание русских мозгов пока всё же не возымело должного эффекта. Например, автор книги, повествующей предположительно о *русских* как таковых (скорее, всё-таки, как раз о *россиянах*), сообщает, что, согласно некоторым исследованиям, «фактор национальности оказывается гораздо важнее, чем гражданство. Интересно, что *русские* в 2 раза чаще предпочитают называть себя именно этим словом, а не словом *россияне*. Это очень показательно...» [Сергеева 2004: 240]. Не менее показательными следует считать и результаты интернет-анкетирования, проведенного после грузино-осетинского конфликта одной из местных так называемых независимых те-

лекомпаний в 2008 г.; на вопрос, предложенный аудиторией: «Кем вы себя считаете – *русским* или *россиянином*?» – к довольно явному разочарованию ведущего, «80% посетителей даже [!] нашего сайта предпочитают считать себя *русскими*, и лишь каждый пятый – *россиянами*» [В. Перекотий. Дела. Афонтово. 18.08.08]. Непродвинутые какие-то...

Жонглирование *русским* / *российским*

Иногда, однако, противопоставление *русского* (в традиционном этнически-национально ориентированном значении) и *российского* (в новейшем смысле – не имеющий национальности либо нерусский) производится откровенно-демонстративно, ср.: «[Ведущий:] Так вы *русский*, украинский или советский художник? [Б. Краснов:] Я, скорее, *российский*, как теперь принято говорить» [Астролябия. ТВ-6 01.07.94]. «[В пьесе «Чайка» показано] формирование нашего *российского* характера» [М. Захаров. Вести. 22.09.94]. «*Российский* – вне национальности! – землевладелец-собственник способен обеспечить...» [Ю. Черниченко. Тема. ОРТ. 12.05.98]. «Преступный мир блокирует усилия тех государственных деятелей, которые способствуют созиданию *российской* культуры, я подчеркиваю, именно не *русской*, а *российской*» [Н. Подгорнов, бывший глава администрации Вологодской области, – после оглашения ему судебного приговора и объявления амнистии. Вести. РТР. 02.12.98]. «**Кино без национальности.** В Венеции всех [?!] взбудоражило то, что в *российском* фильме [«Бумажный солдат» А. Германа-мл.] главную роль сыграл грузинский актер» [Кичин 2008: 27].

Следующий пример заслуживает более внимательного рассмотрения: «Говорим – Швыдкой, подразумеваем – культура... Швыдкой – это не фамилия, это – профессия... Тип нового *российского* интеллигента, не того *русского* интеллигента...» [24. RenTV. 06.09.08]. В этом юбилейном панегирике шоумен-культуртрегер с широкими административными возможностями выдается за некий действительно «новый тип интеллигента». Согласно некоторым лексикографическим дефинициям: *интеллигент* – «тот, кто принадлежит к интеллигенции»; *интеллигенция* – 1) «социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом»; 2) «люди, принадлежащие к этому общественному слою; интеллигентъ» [МАС₂ 1981, I: 671] – и : *интеллигент* – 1) «тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твердыми нравственными принципами (независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения)»; 2) *п р е з р и т .* в советское время: «о человеке умственного труда, наделенном такими качествами, как нерешительность, склонность к сомнениям, малодушие» [ТССРЯ 2001: 307]. Здесь любопытна и перефразированная хрестоматийная некогда цитата, ср.: «Партия и Ленин – близнецы-братья, кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин» [Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин. 2]; очевидная аллюзия таким образом ставит знак равенства между чиновником-шоуменом – и культурой; швыдкой – это, конечно, своего рода лицедейская профессия...

Впрочем, производимая культурная продукция сегодня тоже весьма показательна: «Филипп Киркоров – самый кассовый исполнитель» [Доброе утро, Россия! РТР. 22.01.09]. «У нас на всех [членов ансамбля исполнителей блатных песен] – 16 лет строгого режима!» [далее – реплика диктора: «Настоящие *народные* артисты!»] – анонс передачи «Чистосердечное признание». НТВ. 21.01.09] и т. п. Кроме того, равновеликими представлены В. И. Ульянов-Ленин – и назойливый телеперсонаж-шоумен; просматривается определенная тенденция; например, о писательнице Е. Лениной говорится, что «у нее есть все шансы издать собрание сочинений не хуже [!], чем у ее однофамильца» [RenTV. 23.12.08]. По всей видимости, и эта рекламируемая (наверное, коммерчески успешная) литературная предпринимательница тоже представляет «новую *российскую* интеллигенцию».

«Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция... В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред» ... Маленькие люди торопятся за большими. Они понимают, что должны быть созвучны эпохе и только тогда их товарец найдет сбыт» [Ильф, Петров 1957: 411-412]. «Созвучными эпохе» в сегодняшней России оказываются и те, кто, пытаясь выдать свой «маленький мир» за «большой» и, разумеется, внушить это мироощущение окружающим, в духе то ли карнавала (по М. М. Бахтину), то ли ярмарочного балагана пародируют

прецедентные ранее тексты либо каким-то иным образом «ниспровергают» прежние ценности и всё, что с ними связано. Психологически точные суждения по этому поводу оставили великие русские писатели: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы, – иначе» [Пушкин 1979, X: 148]. – «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии» [Толстой 1981, VII: 197].

Нередки случаи, когда наглядно демонстрируется неразличение *русского* и *российского*; при этом последнее подаётся как некий общий знаменатель, позволяя говорящему подчеркнуть лишний раз собственную приверженность генеральной линии прогрессивного решения национального вопроса (т. е., как принято выражаться в тех же кругах, «продвинутость»). «Все равно... *российские* или *русские* приоритеты... они как бы известны» [Г. Волчек. Времена. ОРТ. 09.11.02]. «Федор Михайлович – замечательный психолог, который хорошо знает душу *русского* человека, *российского*, скажем так» [актриса и режиссер Д. Михайлова. НТВ. 09.02.04]. «Контракт с настоящими *русскими*, *российскими* профессионалами» [х/ф «Рыжая». РТР. 07.12.08]. «*Русская* мафия так и не смогла найти Ирину... Бразильянки, польки, болгарки... – все они приехали на заработки [в голландские публичные дома] по желанию, только *русских* привезли обманом и удерживали насильно... Ежегодно шестьдесят тысяч *российских* женщин попадают в рабство...» [Частные истории. RenTV.

31.08.08]. «Другой дороги на Цхинвал у *русских* [т. е. частей российской армии] не было» [Л. Канфер. Неделя. RenTV. 14.09.08]. «Тайная жизнь нацистских вождей. *Русские сенсации*» [НТВ. 29.03.07] (опять же: кому-то понадобилось сблизить нацизм – и русских).

Весьма показательными для иллюстрации истинного положения дел в области межнациональных отношений, которое пытаются затушевать нивелированием «россиян» под одну псевдоэтническую (этническую) гребенку либо замаскировать страшилкой «русского фашизма» (например: «На улицах Москвы началась необъявленная война между *русскими* наци и антифашистами» [последние, видимо, – то ли нерусские, то ли *россияне*. – Неделя. RenTV. 18.04.08]), якобы существующего в реальности, являются некоторые несоответствия между видеосюжетами и комментирующими их вербальными текстами. Так, «плакат с *антироссийским* лозунгом обнаружен недалеко от Ростова» [однако по чьей-то оплошности (?) в кадре оказался упомянутый плакат с надписью «*русские свиньи*». – Вести. РТР. 10.09.02]; появились «надписи *антироссийского* содержания [как потом выяснилось, сделанные «уроженцем Казахстана»] на памятниках участникам Великой Отечественной войны в Ачинске» [опять же каким-то образом на экран попали эти надписи – «*руским* смерт». – Новости. 7 канал. 17.09.08] и т. п.

Статистические данные, впрочем, свидетельствуют: «В 2005 году... граждане России совершили преступлений против гостей из других государств в 4 раза меньше, чем сами иностранцы совершили преступлений против нас. ...В 2006 году за январь-март иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 14 тыс. преступлений, в том числе

гражданами государств СНГ – 12, 6 тыс. преступлений, их удельный вес составил 89,8 %. В отношении [же] иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 3328 преступлений – в 4 раза меньше. ... В... 2005 году в московские суды было направлено 121 дело об изнасиловании, в 79 случаях обвиняются мужчины, нелегально приехавшие из ближнего зарубежья... На территории Подмосковья действуют 47 этнических преступных группировок. Особые проблемы милиции доставляют выходцы из Чечни, Дагестана, Грузии и Азербайджана. ... По информации начальника отдела 3-го ОРБ ГУБОП МВД России полковника милиции Г. Захарова, 65 процентов всех воров в законе – выходцы с Кавказа» [Соколов-Митрич Д. «Негаджикские девочки. Нечеченские мальчишки». – Цит. по: ЛДПР. Вып. № 5 (216). С. 1, 4]. Весьма вероятно, что вышеприведенные статистические данные меняются – и уже изменились. Ведь в течение нескольких лет российские руководители разных уровней всячески пропагандировали – якобы как единственно возможное – решение проблемы трудовых ресурсов за счет широчайшего использования гастарбайтеров-мигрантов (можно только догадываться, какие аргументы для воздействия на власть имущих применяли заинтересованные в низкооплачиваемых работниках предприниматели)²⁴. Теперь же, когда многие «эффективные собственники» закономерно претерпевают банкротство, оставшиеся без работы гастарбайтеры будут еще энергичнее искать новые пути удовлетворения своих естественных и других потребностей. Цитируемый автор

²⁴ «Они [мигранты из СНГ] могут легче адаптироваться на территории как бы нашей» [А. Хлопонин. РТР. 26.03.05].

считает также, что усилиями специально ориентированных СМИ, постоянно извещающих о т. н. конфликтах на национальной почве (т. е. когда жертвами оказываются представители меньшинства – пока еще – населения России), уже сложилось такое странное, но устойчивое мнение, что когда русский убивает нерусского – это преступление ненависти, проявление фашизма. «А когда, наоборот, нерусский убивает русского – то это просто криминал» [там же: 4]. Полагают, например, что участились случаи преступлений, совершаемых гастарбайтерами, выходцами из «южных республик», потерявшими работу на московских стройках в результате кризиса; однако эта информация не разглашается во избежание провоцирования националистов [очевидно – русских. – А. В.] и чтобы не дать повода к разговорам о международных конфликтах [24. RenTV. 11.02.09].

Прилагательное *российский* обычно используется как эмоционально и оценочно нейтральное. Например, директор Института всеобщей истории РАН А. Чубарьянц был награжден французским орденом Почетного легиона «за вклад *российских* историков в мировое научное сообщество» [прежде всего, за рассекречивание документов, подписанных И. Сталиным; обладатель награды тут же заявил, что при написании новейшей всеобщей истории собирается предложить роль наблюдателей прибалтийским ученым – правда, не было объяснено, почему именно и только им. – Вести. РТР. 07.07.05].

Небезынтересно, что с прилагательным *российский* происходят приблизительно те же метаморфозы, что и с почти любым другим «брендом» (т. е. торговой маркой, особенно популярной у покупателей).

Оказывается, с января 2008 года вступила в силу статья 1473 части 4 Гражданского кодекса РФ, запрещающая фирмам включать в свои наименования официальные названия (и производные от них) государств. «Гордое право носить имя своей страны давалось лишь тем компаниям, в которых доля государства составляет не менее 75 процентов. А их – единицы. Для большинства же компаний ребрендинг [т. е. переименование] был бы неизбежен, а это – дело дорогостоящее» [Теплых 2008: 1-2]. Так, для Сбербанка России это стоило бы около 200 миллионов долларов, а для «Аэрофлота – Российских авиалиний» – более 10. Поэтому законодатели поступили так, как и можно было предполагать: чтобы избежать от расходов «отдельные компании, остающиеся «российскими», по сути дела, незаконно.., в Госдуму внесли законопроект, необходимость смены фирменного наименования отменяющий» [там же].

Впрочем, во многих случаях можно уже отметить формирующуюся негативизацию того, что именуют *российским*: этот эффект достигается, как и в случае с прилагательным *русский*, за счет коннотативного «заражения» вследствие сочетаемости с определенными словами, а также в результате регулярной подмены *русского* (уже снабженного устойчивой отрицательной оценкой) на якобы абсолютный синоним *российское*.

Прилагательное *российский* уже нередко употребляется как полный синоним *русского* – и в соответствующих сочетаниях также обретает некоторую сниженную оценочность. Это обнаруживается иногда в акцентированной игре слов, построенной на омофонии. Например, по поводу высказываний индийского дипломата (не очень четко – как, впрочем, и мно-

гие деятели российского телерадиоэфира – произносящего звуки русской речи) который заявил, что «российскому народу чужд расизм», журналист каламбурит: «*Российский* народ и расистский народ – какое страшноватое созвучие!» [Сегоднячко. НТВ. 02.02.99]. Ср. также: «Что отличает наш *российский* народ? Прежде всего то, что называется словом «халява» [Федерация. РТР. 29.11.98]. «*Российская* политика – это постоянный перехлест... Например, в Англии лорды выступают спокойно...» [Человек и закон. ОРТ. 03.02.99]. «Это обычная *российская* безалаберность» [Э. Гутман, директор лицея, – о причинах гибели гражданского пассажирского самолета рейса Тель-Авив – Новосибирск. Новости. ТВК. 15.10.01; кстати, к этому моменту уже было официально установлено, что лайнер сбит ракетой украинских войск ПВО во время учений]. «Вечное *российское* лицемерие и фарисейство» [Д. Быков. Культурная революция. РТР. 14.05.02]. «Истинное лицо *российской* преступности – бессмысленной, беспощадной, жестокой» [Внимание, розыск. НТВ. 20.01.03]. «Нюша [дочь преподавательницы русского языка и вьетнамского художника] любит *Россию*, несмотря на то, что вьетнамцев в *России* убивают за разрез глаз» [Неделя. RenTV. 19.11.06]. «Высоцкий часто пропускал съемки по причине известного *российского* недуга» [Б. Криштул. Кино без грима. Афонтово. 29.08.09] и т. п.

Амбивалентность *российского* также имеет место, например: «Он [Ельцин] был *российский* президент, и относились к нему по-*российски*» [24. RenTV. 23.04.08] (ср. очень интересный и, вероятно, активно использовавшийся в высших сферах тест для проверки на профпригодность: «Если политик водки выпил

и излагает всё логично – это надежный, крепкий человек. У нас в Сибири проверяли так [?!]... А если падает после первой рюмки – что ему делать в политике?!» [И. Ройтман. Господа-товарищи. РТР. 08.09.93]).

Как уже отмечалось, взаимные замены *русского* и *российского* нередко могут происходить по причине не вполне адекватных переводов иноязычных текстов. Известно, что в некоторых языках отсутствует различие понятий ‘русский’ и ‘российский’. Например, в английском прилагательное *Russian* является, по существу, синкретичным, так как служит для выражения референтов, не различаемых сознанием носителей этого языка – и с их точки зрения является естественным. Однако ту же недифференцированность ‘русского’ и ‘российского’ можно обнаружить как во многих синхронных переводах иностранных текстов, так и в текстах оригинальных, возможно, дублирующих (имитирующих) это неразличение. В качестве наиболее вероятных причин последнего выступают предположительно воспроизведение черт иного (не русского) языкового сознания, призванное объективизировать содержание высказываний чужестранцев, и подчеркнуть рационалистично-беспристрастное отношение журналиста к излагаемой информации, либо стремление теледеятелей, заведомо уверенных в «нецивилизованности» и России, и русского языка, подняться хотя бы с помощью вербальных приемов до «уровня мировых стандартов».

Самым наглядным образом подобные факты заметны при сопоставлении сообщений об одном и том же событии: «Нефть из *российского* танкера «Находка» достигла префектуры Фукуи» [Вести. РТР. 08.01.97]; ср.: «Нефтяное пятно от *русского* танкера

достигает японских берегов» [пер. с англ. WTN – Афонтово. 08.01.97]. Ср. интересные примеры вариативности: «Сегодня там (на международном экономическом форуме в Давосе) – *российский* день» [Вести. РТР. 30.01.99] – «Именно *русские* вносят в их (давосцев) жизнь приятное разнообразие» [Зеркало. РТР. 31.01.99] – «Блестящая история *русских* в Давосе подошла к концу» [Обозреватель. ТВ-6. 31.01.99] – «Вчера в Давосе был пресловутый большой *русский* день. Ну, не такой уж большой, но *русский*» [Н. Сванидзе. Зеркало. РТР. 31.01.99] – «Борис Березовский считает, что напрасно опустел когда-то *русскоязычный* Давос» [Обозреватель. ТВ-6. 31.01.99].

Наряду с этим всё чаще можно наблюдать подмену *российского* *русским* в русле упомянутой тенденции к неразличению соответствующих понятий. Так, встреча «двух первых леди» (т. е. Х. Клинтон и Н. И. Ельциной) в редакции одного из московских журналов проходила в рамках мероприятия «*Русские* женщины на пороге XXI века» [Время. ОРТ. 02.09.98]; объявленной целью приезда американской делегации в Москву было установить, «насколько откат правительства [России] влево повлияет на судьбу *русских* реформ» [Новости. ОРТ. 10.12.98]. В переводе заявления вице-президента Международного валютного фонда С. Фишера говорится: «*Русским* придется сделать очень много, прежде чем эти средства (предполагаемые кредиты МВФ) будут выделены» [Вести. ОРТ. 02.09.98]. Некий «француз вместе с *русскими* учеными разрабатывает сейчас способ извлечь гиганта (мамонта) из вечной мерзлоты (на о. Таймыр)» [О. Шоммер. Новости. ОРТ. 10.01.99]. «Западные телекомпании снимают только то, что интересно их

зрителям. А события создаете вы, *русские*», – с хитрой улыбкой говорит датчанин» [С. Рахлин. Вести. РТР. 17.05.98]. Ср. то ли подражание подобным суждениям, то ли логическое продолжение их в речи российских журналистов: «Иностранные корреспонденты (в репортажах из Чечни) будут продолжать рассказывать миру, как *русские* решают свои внутренние дела в своей непредсказуемой России» [Вести. РТР. 17.05.98]. «Ни *русские*, ни чеченцы пока не представили ясных планов возвращения останков погибших (трех англичан и одного новозеландца, сотрудников телекоммуникационной фирмы, как выяснилось позже, агентов западных спецслужб) на родину» [Вести. РТР. 11.12.98]. «Хроника *русской* жизни в репортажах иностранных журналистов» [Реноме. RenTV-7 канал. 02.02.99]. «Американцы поставили балет специально для *русской* балерины (Н. Ананиашвили)» [Время. ОРТ. 21.10.98]. «Французы вручают приз С. Маковецкому как лучшему *русскому* актеру» [РТР. 30.1.99]. «В ходе операции (весьма гипотетической – А. В.) им (офицерам российской ФСБ) пришлось бы убивать *русских* милиционеров» [Время. ОРТ. 24.01.98]. «Экономический ежегодник «*Русский фокус*» – для тех, кто может самостоятельно принимать решения в бизнесе и политике» [Доброе утро. ОРТ. 26.04.01]. «*Русский* «Титаник» [анонс передачи о крушении лайнера «Адмирал Нахимов». RenTV-7 канал. 30.08.01] и проч. Еще пример подобной отстраненности: «После 17 августа всем на Западе стало ясно, что *русские* не могут заплатить такие деньги (долги по ГКО)» [А. Лившиц. Подробности. РТР. 16.11.98] (ср. пример иного смешения: «В 79-м году на (Авиньонский театральный) фестиваль впервые была пригла-

шена *русская* (т. е. *советская*? – А. В.) труппа Георгия Товстоногова» [Доброе утро. ОРТ. 10.7.98]. Такова «*российская, русская* наша кухня...» [шеф-повар ресторана японской кухни. – НТВ. 13.10.08].

Отношение к *российскому*, а зачастую – уже и к России выражается в оценках разных сторон отечественной истории и современной жизни. Подчас трудно определить, чего в этих оценках больше: обыкновенного невежества или чего-то иного. Так, оказывается, что «в России первое письмо было отправлено в 1147 г. Юрием Долгоруким» [Доброе утро, Россия. РТР. 09.10.98], хотя хорошо известно, что письменность на Руси существовала задолго до XII в. Плох климат: «Вот и у нас всё чаще используют понятие «комфортность погоды». Жаль, что в России, скорее, она дискомфортна» [Вести-11.РТР. 17.12.95]; заведомо бездарны политические деятели: «И не делайте ошибок, а об ошибках наших политиков мы узнаём из выпуска «Вестей» [концовка детского раздела программы «Доброе утро, Россия». РТР. 22.09.98]. Нравственность и законопослушность весьма относительны: «В России взятки – это как снег, без него и земля вымерзнет» [Э. Радзинский. ОРТ. 11.01.98]. «Вечной болезнью России ... остается взятка» [В. Перекопный. Дела. Афонтово. 18.09.01]. «Вопрос: «Быть или не быть?» в России в с е г д а означает: «Убить или не убить?». Реклама фильма «Исчадие ада» [РТР. 09.17.97]. Вообще: «У нас (в России) какую эпоху ни возьми – там и кровяца, и грязь...» [Н. Сванидзе. Зеркало. 06.12.98]. «Меня всегда поражает в нашей стране уровень ожесточенности» [В. Познер. Мы. ОРТ. 19.07.99]. Поэтому неудивительно и «понятно, что венгры, чехи, поляки от нас наплакались. А кто

от нас, от России [не «от СССР»! – А. В.], не наплакался?!» [В. Познер. Мы. ОРТ. 20.07.98].

И хотя за Россией иногда, хотя и с оговорками, признают некоторые достоинства: «В этой стране, пусть она плохенькая [!], человек не одинок, всегда придут на помощь» [Доброе утро. ОРТ. 03.09.98], всё же она, как и менталитет большинства ее народа, оценивается весьма односторонне: «Что отличает наш *российский* народ? Прежде всего то, что называется словом *халява*» [Федерация. РТР. 29.11.98]. «В нашей неадекватной России... театр больше, чем театр» [Фрак народа. РТР. 16.02.99]. «Во многих странах коллекции находятся под охраной государства. В России собиратели старины могут стать жертвой преступления» [Дежурная часть. РТР. 19.01.99]. «Несмотря на то, что во всем мире борются за здоровый образ жизни..., Россия находится в самом начале пути к оздоровлению нации» [ИКС. КГТРК. 01.02.99]. «Верите ли вы в справедливость суда присяжных в такой непростой стране, как Россия, в которой покупаются не только судьи, но и высокие государственные чиновники?» [В мире людей. ТВ-6. 02.02.99]. «Россия – страна потрясающая, в том смысле, как обдурить начальство» [Ю. Ряшенцев. До 16 и старше. ОРТ. 26.02.99]. «Только в одной стране жизнь роллера (француза, который решил на роликовых коньках обогнуть земной шар) оказалась под угрозой. Угадайте: в какой? В России он чуть под трейлер не попал» [Вы – очевидец. ТВ-6. 13.02.99]. «Удивительная у нас страна... Она не умеет бережно относиться к людям талантливым» [И. Кириллов. ОРТ. 03.03.99]. «[За рубежом] уничтожают дома аккуратно, а вот до нашей родины такие новшества еще не дошли» [Вы – очевидец.

ТВ-6. 13.02.99]. «Оказывается, в России, славящейся своими великанами, обувь больших размеров ни купить, ни сшить невозможно. Помощь из-за океана пришла вовремя» [Сегоднячко за неделю. Афонтово – ГНТ. 03.02.01]. «Вообще журналистов и телевизионщиков не любят только в России» [О. Романова. Пятая колонка. Рен-TV – 7 канал. 24.09.00]. «У нас, к сожалению, страна дикая» [А. Смехова. Большая стирка. ОРТ. 23.08.01].

Оказывается: «Славнефть» – кусок нашей общей акционерной родины» [М. Соколов. Намедни. НТВ. 15.12.02]. «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – один из них. Первые 240 тысяч тонн *российской* нефти точно 4 июля доставлены в Хьюстон» [как сказано в комментарии к этому праздничному сюжету, для ослабления энергетической зависимости США от стран ОПЕК. – Вести. РТР. 07.07.02]. «Кому принадлежит Россия? Она принадлежит акционерам, и они извлекают из нее дивиденды» [А. Пивоваров. НТВ. 04.03.02]. «Нынешнюю, сырьевую Россию в ВТО уже ждут с нетерпением» [Доброе утро, Россия. РТР. 29.10.02]. «Каждая пятая американская АЭС будет работать на *российском* уране» [1 к. 07.05.08; здесь, правда, не говорится, куда именно благодарные американцы станут вывозить отработанное ядерное топливо...].

«Сподвижники покойного [польские пасторы] говорят, что с подобной жестокостью сталкивались только в Африке» [об убийстве в п. Ярцево Красноярского края католического священника новообращенным им уголовником. – Новости. ТВК. 13.05.02]. «В России игра в гольф имеет свои особенности. «Вороны у нас так адаптировались [на игровом поле], что воруют

мячи» [Доброе утро. ОРТ. 05.09.02]. «День памяти жертв холокоста отмечали в США, Европе, других странах... В России этот день отмечали скромно... Собралось человек двести, а в других странах правительственные органы проводили многотысячные мероприятия» [24. RenTV. 28.01.04]²⁵. «В умении делать

---

²⁵ Заметим попутно, что слово *холокост*, которое, как и слово *диспора*, квалифицированные лингвисты считают лексическим иудаизмом эпохи эллинизма (а в плохом переводе с английского его значение определяют как «всесожжение») [Агафонова 1998: 92], в постсоветское время употребляют весьма активно. Так, по свидетельству О. Соколовой, директора музея холокоста, «училась в школе, в институте – и ни разу не слышала слова *холокост*. В нашей стране слова *холокост* вовсе не существовало. [Комментатор:] И до сих пор в наших учебниках истории нет слова *холокост*» [Вести. 26.01.00]. Это досадное упущение усиленно исправляют, причем слово *холокост* используется сугубо специализированно, применительно к представителям далеко не всех национальностей: «В синагоге на Поклонной горе открыт музей памяти жертв *холокоста* – жертв геноцида во время второй мировой войны» [Доброе утро. ОРТ. 30.09.98]. «... Погибли не только евреи – десятки и сотни тысяч другой национальности» [А. Гербер, президент научно-просветительского центра «Холокост». РТР. 04.05.97]. Правда, по ранее известной статистике число жертв нацистского геноцида измеряется многими миллионами, но получается, что они как бы не в счет. Ср.: «В Одессе было уничтожено 200 тысяч евреев; сколько русских, украинцев, греков и других – не известно» [Сегодня. НТВ. 20.04.05]. «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше – 27 миллионов... С п е ц и а л ь н о г о т е р м и н а , обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели. ТВ-6. 08.05.00]. Может быть, и потому, что, по мнению методистского священника Я. Кротова, Россия еще далека от покаяния за то, что «в ГУЛАГе, кроме тысяч русских [которые опять-таки не в счет. – А.В.], уничтожены тысячи евреев... В о в с е м м и р е эту трагедию называют *холокост*» [Новости ТВ-6. 02.05.00].

деньги наша страна не имеет себе равных, так же, как и в умении их подделывать» [И. Прокопенко. Военная тайна. RenTV. 12.01.03]. «У д и в и т е л ь н о , но образ России в сегодняшней Эфиопии стоит достаточно высоко» [Вокруг света. РТР. 25.10.03]. «Самое трудное – это заставить людей работать, в России – особенно» [С. Бобров, главный балетмейстер театра. ТВК. 24.05.04]. «В е с ь а в т о м о б и л ь н ы й м и р з а и с к л ю ч е н и е м Р о с с и и сошел с ума от экологически чистых автомобилях [24. RenTV. 28.08.08]. «Каждый четвертый американец получил свой первый сексуальный опыт на сиденье автомобиля. В Р о с с и и , к сожалению, в с ё и н а ч е » [Первая передача. НТВ. 29.08.10] и т. д., и т. п.

Если кратко подытожить, то «противно жить в такой стране, но надо жить...» [И. Кобзон. Скандалы недели. ТВ-6. 13.03.99].

Актуальными в связи с этим являются следующие суждения: «... Писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ubi bene, ibi patria*, для коих всё равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить всё русское – были бы только сыты» [Пушкин 1978, VI: 171]. – «К понятию «русскоговорящие». И любят Россию, и любят язык, и зарабатывают здесь, но сердце и все приоритеты в другом месте» [Есин 2002: 152] ...

Следует напомнить, какие геополитические прогнозы тиражировались через российские СМИ совсем недавно. Вопросы будущего России рассматривались весьма радикально: «Пусть наши дети поймут, что лучше: про з я б а т ь на 1/6 части суши или жить в небольшом [!] независимом государстве» [В. Портников. Пресс-клуб. ОРТ. 09.04.96]. Перспективы России рисовались довольно определенно:

«Это наша проблема – слишком большая страна» [А. Любимов. Один на один. ТВ-1. 05.10.95]. «Широка страна моя родная»... Действительно ли «широка?» А нужна ли нам[?] такая большая страна? А если нам просто взять – и провести границу по Уральским горам?» [Один на один. 26.10.95]. «[Петр:] Есть т[э]рмин «территория бывшего Советского Союза», а я придумал т[э]рмин «территория будущей России». [Настя:] А не слишком ли маленькой она окажется? [Петр:] Не знаю, посмотрим...» [Те Кто. ТВ-6. 30.07.98]. Ср. следующий диалог по поводу заявления С. Говорухина о том, что «Россию распродают»: «[Л. Жуховицкий:] Это еще хорошо, что Россию продают – за это деньги можно получить. [А. Вайль:] И лучше в розницу, чем оптом» [Пресс-клуб. Останкино. 20.06.94].

Казалось бы, никаких зримых действий в рекомендуемом направлении пока не последовало. Но ведь «в информационной войне большинство выпадов делается только для того, чтобы увидеть реакцию противника [в этом случае, как и во многих других, – российской телеаудитории] на те или иные входные данные, осмыслить ее и, собрав по крупицам все доступные знания, создать адекватную информационную модель» [Расторгуев 2003: 342]. А она, в свою очередь, «позволит в дальнейшем получить ответы на вопросы типа: «А что будет, если...?» и т. п. ... А потом придет ответственный наблюдатель и радостно констатирует: «Процессы приобрели необратимый характер!» [Там же: 324-343]. И «уважаемым россиянам» вовсе не стоит обольщаться тем, что окончательное территориальное расчленение страны пока не состоялось: в нем заинтересованы слишком влиятельные и целеустремленные силы. Ведь и СССР когда-то казался нерушимым... Об этом его фунда-

ментальном качестве сообщал и текст тогдашнего государственного гимна. Впрочем, через несколько десятилетий С. Михалков столь же талантливо, вдохновенно и убежденно (а главное – искренне) написал текст гимна уже совсем другого государства.

Надо иметь в виду, что «сонмище больших и малых албаний», которые «будут поставлять на мировой рынок только сырье, местные сувениры, красивых женщин и детей» [Калашников 2003: 70] – это уже вовсе не прогноз перспектив России, а констатация во многом реального положения дел (правда, в качестве «местных сувениров» выступает экспортируемое российское оружие).

Ср.: «Это настоящие черты *русского* характера – хотеть и добиваться своей цели ... Вы увидите одну из самых красивых девушек в мире, и, конечно, это *русская* девушка [Инга Дроздова, фотомодель журнала «Плейбой», которая живет и трудится в Австралии и США. – Башня. РТР. 27.11.98]. – «Наши девушки куда лучше западных порнозвезд» [РТР. 22.11.98]. – «Ежегодно шестьдесят тысяч российских женщин попадают в рабство [т. е., будучи якобы обманным путем вывезенными за рубеж, принуждаются там к занятию проституцией]» [Частные истории. RenTV. 31.08.08]. – «Всё больше иностранных фотографов обращает свои взоры на Россию ... [Московские] папы и мамы приводят своих детей (чтобы сфотографировать их в специфических сюжетах – в журналах для педофилов). Дети привлекают новозеландского фотографа своей чистотой, особенно – *русские* ... Учительница математики получила десять долларов за два часа съемок её десятилетней дочери» [Сегоднячко. Афонтово – ТНТ. 03.02.01]. – «Секс-туры [иностранцев-педофилов] в Россию... Провести ночь с ребенком в Москве считается

шиком... Родители возмущаются не тем, что их детей растлевают, а тем, что иногда не получают за это денег» [Обратная сторона. РТР. 04.07.01] и т. п.

Не так давно центральные и местные телеканалы восторженно рассказывали о массовом усыновлении маленьких «россиян» в США; очастливленные «тысячи *русских* детей не вспоминают свое прошлое» [М. Добровольская. ТВК. 20.11.98]. Эта благотворительная кампания широко рекламировалась, однако столь же широкую известность получила и смерть ребенка из России по вине его приемного отца-американца, о чем сообщалось так: «В США оправдан Майлз Харрисон, убийца *российского* ребенка» [Доброе утро, Россия. РТР. 18.12.08], и «американцы понимают: теперь им годами придется отвечать за халатность земляка» [Новости. Афонтово. 19.12.08], – но и последний из цитированных каналов, и некоторые другие тут же выпустили серию репортажей о безоблачной жизни русских детей на «их новой родине». Можно предполагать, что такое рекламное обеспечение («информационную поддержку») может позволить себе только очень серьезный, высокорентабельный бизнес. О конечных целях подобного предпринимательства ранее проговорился [?] участник телепередачи: «В России **всё** должно быть распродано!» [Акулы пера. ТВ-6. 05.10.98].

Дерусификация

Самоназвание народа, выступая в качестве первого компонента оппозиции «свой»/«чужой», является одним из главных составляющих национального менталитета. Целенаправленные манипуляции автоэтнонимом способны существенно трансформировать

картину мира в сознании носителей языка. Примеров этого достаточно и в истории России, включая новейший период; таковы коннотативные эволюции этнонима государствообразующей нации – *русские*, по крайней мере с начала XX в. и по настоящий момент оказывающегося мишенью пропагандистских упражнений внешне, казалось бы, самых разных и даже взаимно противоположных политических сил и пропагандистских доктрин. Контекстуальное окружение в текстах СМИ, в которых он употребляется, постоянно и безапелляционно рисует русских и всё русское в самых негативных тонах (ср. сугубо отрицательные коннотации, индуцируемые в слове *русский* за счет назойливого повторения мифогенов вроде «русская мафия» – кстати, используемого преимущественно тогда, когда речь идет вовсе не о русских, но о бывших гражданах СССР или России, – и «русский фашизм», которого попросту не существует). В дискурсе СМИ применяются и терминоиды *русская-зычный* и *русскоговорящий* по отношению именно и главным образом к этнически русским. Имеет место явно нарочитое неразличение *русского* и *российского*; последнее всё чаще заменяет собой и *советское*, ставшее почти пейоративным и – в ряде коммуникативных ситуаций – обретающее статус табуированного. Наиболее вероятными катализаторами таких манипуляций следует считать влияние иностранных языков (например, английского, где *Russian*, по сути, синкретично; это и «русский», и «российский»); воздействие чужой и чуждой для множества граждан РФ культуры (в частности, в Израиле именуют «русскими» выходцев из СССР, а также России и ряда других ныне суверенных государств); возможно, реали-

зуются и рекомендации новейших политтехнологов, различного рода специалистов по проведению национальной (т. е. по отношению к нациям, этносам) политики. Стараясь «растворить *русское* в *российском*» (О. Н. Трубачёв) и преуспевая в этом, подчеркнута не предпринимают подобных попыток применительно к другим этническим группам России.

Налицо очередная попытка элиминировать этноним *русские*; правда, идеологическое обоснование теперь иное, хотя и столь же мифическое, как прежние, – набившие оскомину «общечеловеческие ценности». Это далеко не ново, ср.: «...Как же мы теперь самоуверенны..., как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только система податей, душа – *tabula rasa*, вошпичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки» [Достоевский 1956, 4: 79]. Можно заметить, что сегодня здесь очевидно влияние сконструированной и культивируемой в США, а оттуда распространяемой по всему миру *political correctness*; это, конечно, закономерно в свете сегодняшних реалий на фоне глобализации. Успехи такого подхода к регулированию межнациональных отношений в России довольно ощутимы. Многоликая модернизированная смердяковщина, настоящая на бывшем «интернационализме» и обычно обозначающая себя как «цивилизованность», чрезвычайно активна. Отказ в признании русских нацией заметен, хотя и косвенно, в лингвистических исследованиях, посвященных «национально-русскому двуязычию», где изучаются владение и пользование языком одного

из народов РФ – и русским, т. е., подразумевается, не национальным. И удаление из российского паспорта указания национальности его владельца, поданное как шаг в сторону призрачного «мирового сообщества» (и уже реального «нового мирового порядка») тоже вполне логично. В русле этой же тенденции («игр в слова») следует рассматривать и отсутствие в тексте закона «О государственном языке Российской Федерации» определения самого понятия «русский язык» и каких-либо упоминаний о русском народе.

Прилагательное *русский* планомерно изымают из речевого оборота даже в тех случаях, когда оно употребляется как термин; говорят уже о появлении учебников ирреального «русского языка». Вряд ли здесь можно усмотреть демонстративную преемственность, скажем, с лингвистическими трудами М. В. Ломоносова: сын своего времени, он мыслил о языке Державы – демонстративны в таких опусах лишь попытки материализации фантомов-мифогенов. Поскольку и здесь допустимо предполагать некоторую последовательность, то, по аналогии с тем языком, которым пользуются фантастические марсиане (в первых переводах Г. Уэллса на русский – «марсияне») – марсианским, надо бы именовать язык столь же фантастичных *россиян* не «русским», но «россиянским». Тогда можно будет с полным правом толковать о его невсамделишности и об острейшей необходимости замены на какой-либо иной («настоящий», «цивилизованный» и т. п.).

Ведь «народ и язык – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ» [Срезневский 1986: 106].

«Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими, проще

говоря, «идеологическими диверсантами» [Трубачёв 2004: 207]. Видимо, в последнем случае кавычки излишни: ведь давно говорилось о бесплодности попыток вооруженного нападения на «диктатуры» (в иной терминологии – социалистические государства) и о единственно возможном “свержении государственной власти изнутри» [см., например, суждения по этому поводу К. Г. Юнга].

Подобного рода идеологические диверсии имеют свою длительную малопочтенную традицию; их активные исполнители неоднократно упоминаются, например, в романах Ф. М. Достоевского.

«...Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность вещей..., не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть ли не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё... Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел» [Достоевский 1957, 6: 379-380]. – Либерал же заявляет, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты!» [Достоевский 1957, 7: 229], а еще один свободомыслящий персонаж в результате неких исследований «вывел, что русский народ есть народ второстепенный..., которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого... господин Крафт пришел к выводу, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована,

так сказать, у всех должны опуститься руки» [Достоевский 1957, 8: 57]. Иначе говоря, в терминах информационной войны это называется деморализацией противника (в данном случае – русских).

Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то кажется не особенно затруднительным предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически – довольно непродолжительное) соответствующие речедеятели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова.

Этноним, как и другое однозначное слово, можно рассматривать в качестве сжатого, свернутого текста, представляющего собой более или менее многочленный набор стереотипизированных характеристик устойчивых национально-ментальных свойств, реально присутщих или намеренно приписываемых каждому представителю того или иного народа. Следовательно, чуть ли не любой случай использования этнонима в речи почти неминуемо приводит в действие механизмы ассоциативного мышления, способствующие моментальной классификации именуемого индивидуума в рамках заранее заданных и хранящихся в памяти параметров. При этом этнические стереотипы и автостереотипы могут вступать в отношения конкуренции, и зачастую это действительно происходит. Кроме того, «легитимные», коренные обладатели какого-либо этнонима, отчетливо понимая окружающий его ореол стереотипов, особенно – негативных, естественно стараются от него избавиться, и, пожалуй, одним из наиболее доступных и дейст-

венных, а потому и распространенных способов выхода из неприятной ситуации оказывается фиктивная смена этнонима на какой-то другой, не отягощенный неприятными коннотациями или попросту принадлежащий преобладающему большинству населения данного государства. Это позволяет носителю «нехорошего» этнонима, опережая развитие событий в неблагоприятном для себя направлении, отвести от себя возможное недоброжелательство либо переложить ответственность за собственные действия и их общественную оценку на всю совокупность ни в чем не повинных правомочных носителей этнонима, присвоенного предприимчивым самозванцем.

В некотором смысле такой манипулятивно эффективный прием напоминает и принятые у многих народов обычаи, связанные с магией антропонимов. Например, табуирование личных имен: «подлинное имя надо держать в тайне от врагов, которых так много, – и злые люди, и злые духи; если они узнают настоящее имя, могут повредить его носителю, даже похитить жизнь. ... Другой способ обмануть злых духов – давать ребенку отталкавающее имя, с такими значениями, как «негодный», «дурак», «вонючий», «собачий хвост» и т. п. в расчете, что злой дух такого не возьмет...» [Никонов 1974: 29]. Вербально-магическое представление (пусть и неосознанно-рудиментарное) о функциях и роли этнонима отчасти объясняет присвоение именованного *русские* многими представителями иных национальностей, унификацию еще большего числа жителей государства с помощью этнонима *россияне* и неутомимые попытки их словесной интеграции посредством автоматически-бессмысленного мифогена *российский народ* (взамен семантически более точного *народ России*).

Активно насаждаемое употребление слова *россиянин*, семантически нечеткого и расплывчатого, знаменующее качественно иное направление в решении национальных вопросов, позволит заполнить наметившуюся лакуну (которая в немалой степени из-за него и возникла). Прилагательное *российский*, предлагаемое как нейтральный, эвфемистический эквивалент *русского*, вследствие психолого-пропагандистских манипуляций также способно приобрести негативно-оценочный оттенок, но сегодня пока неизвестно, какое слово придет ему на смену («россиянский?»). По крайней мере, довольно скоро собственно русские рискуют остаться без полноценного этнонима, что, в свою очередь, в совокупности с другими факторами может обоснованно поставить под сомнение само существование русской нации как таковой. Поскольку же речь идет именно о нации государствообразующей, то дерусификация является одним из кардинально важных направлений антироссийской информационной войны.

Заключение

Современная вербальная магия является не менее актуальным социокультурным феноменом, чем в прежние времена, поскольку остаются константными обуславливающие и обеспечивающие её существование факторы: речевая способность человека, социальная природа языка, взаимосвязь между языком и мышлением, общественная иерархия и проч. Что же касается постоянно совершенствуемых технически способов хранения и передачи информации, то они делают вербально-магические операции гораздо более эффективными, нежели прежде, подвергая их воздействию одновременно многомиллионные аудитории. Любопытно при этом, что высокотехнологичные устройства теперь распространяют рекламу колдунов и знахарей, ясновидцев и хиромантов – наряду с популяризацией шаманства, трансляцией религиозных проповедей и душеспасительных бесед (есть даже специальные радиостанции и телеканалы, предназначенные для этих «разговоров в пользу бедных»).

Однако, по всей вероятности, далеко не вышеуказанным ловцам душ сегодня принадлежит пальма первенства в вербально-манипулятивных актах. Обработка человеческого сознания теперь стала самой привычной в двух (хотя и несомненно связанных между собой) ипостасях. Это коммерческая реклама и политическая пропаганда. И та, и другая вовсе не обязательно могут иметь эксплицированную форму – скажем, в виде рекламных блоков или выступлений политических деятелей: преимущества по сравнению с другими подобными товарами или персонажами (равно как и очернение конкурентов) могут проводиться

словами и словесными микроблоками, выполняющими функции имплицатур. Например, постоянные упоминания о страшных злодеяниях тоталитарного режима очевидно призваны заставить адресата убедиться в редкостном счастье своего существования в иное время (пусть даже и в «переходный период»); назойливое муссирование «холокоста» нацелено на утверждение в общественном сознании мысли о том, что вся вторая мировая война и сопряженные с нею события — это истребление богоизбранного народа и его героическая борьба за выживание²⁶ и т. п.

Следует признать справедливыми мнения специалистов о том, что и сопутствующим реформам, и символизирующим их в России стало построение общества Спектакля, которое наиболее полно и буквально наглядно воплотилось в деятельности телевидения. Собственно, манипулятивные возможности средств массовой информации достигают здесь высших пределов по сравнению с предшествующими эпохами: слова в сочетании со зрелищами, транслируемые совокупно, обладают огромными возможностями влияния на психику людей. В этом бесконечном спектакле на телеэкране выступают актеры, проговаривающие тексты порученных им ролей, и кривляются паляцы, самым фактом своего появления подчеркивающие незыблемость («стабильность», ничем не лучшую, чем постоянно клеймимый «застой») существующего социального устройства. Аудитория же безмолвствует либо изредка подаёт реплики, впрочем

---

²⁶ По другой популяризируемой РПЦ версии, гитлеровское нападение на СССР — кара для тогдашней безбожной советской власти. В таком случае не совсем понятно, почему же эта власть всё-таки победила.

ни в коем случае не способные хоть в малейшей степени изменить ни реальность, ни даже телепередачу, эту реальность имитирующую или заменяющую. Причём в абсолютном большинстве случаев аудитория не подозревает о том, что тоже играет – и всё больше вживается в уготованную ей роль совершенно пассивного наблюдателя. Разобщенная виртуальная толпа телезрителей – это созерцатели-одиночки, как правило, не способные ни на какие решительные действия, прежде всего совместные, даже во имя собственного спасения. Они мыслят (если мыслят) крайне иррационально, почему и становятся легко уязвимыми мишенями манипуляций.

Социокультурная ситуация, создаваемая с помощью средств массовой информации и поддерживаемая перманентным реформированием (точнее, конечно, – разрушением) образования, включая сюда и многие факторы другого порядка, которые определяют повседневное существование большинства «уважаемых россиян», чрезвычайно способствует успеху современного мифотворчества. В нём обнаруживается определенная преемственность, невзирая на всеобъемлющие государственно-политические и идеологические катаклизмы. Скажем, исторически не так уж давно советским людям было предписано верить в неизбежно скорое построение коммунизма (кажется, к 1980 году). Теперь же декларируется создание в России в ближайшее время 20-25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест, что не очень согласуется с обыденной логикой и хотя бы фрагментарной осведомленностью о сегодняшней ситуации (впрочем, если объявить «высококвалифицированными» дилеров, менеджеров, брокеров, супер-

вайзеров, риэлторов и мерчендайзеров, а также чиновников и депутатов разных уровней, то такое, в общем-то, более или менее возможно). Однако небезынтересно и симптоматично, что сегодня уже стараются не вспоминать о разрекламированных несколько лет назад «национальных проектах», по всей вероятности, так и оставшихся «проектами» в исконном смысле этого слова (хотя тогда их финансирование из государственного бюджета всё-таки состоялось). При этом чрезвычайно симптоматичной стала новейшая реанимация «нацпроектов» как средства неминуемого осуществления неких «прорывов» – при объективном понимании реальной действительности, идеологического обеспечения и потенциала конкретных руководящих деятелей остающегося весьма проблематичным. Одна из главнейших мифотворческих установок – «верьте, и вам воздастся» – сохраняет свою актуальность в перманентном ожидании очередного «светлого будущего».

Таким образом, мифотворчество в его новейших модификациях (например, в виде политтехнологических речевых актов) продолжает оставаться неотъемлемым фрагментом жизнедеятельности социума и, по всей вероятности, останется таковым, ибо основывается на эксплуатации неисчерпаемых возможностей Слова.

БИБЛИОГРАФИЯ

Специальные издания

1. Агафонова Л. Л., Богатова Г. А., Гарбовский Н. К., Денисов П. Н., Дурновцев В. И., Зотов Ю. Б., Комлев Н. Г., Миронова Т. Л., Смолина К. П., Трубачёв О. Н. Языковая политика и закон о защите русского языка // Вестник МГУ. – Сер. 19. 1998. – № 1. – С. 88-93.
2. Алпатов В. М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 20-26.
3. Арапова М. А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург. УрГПУ. – 2007. С. 8-9.
4. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ. 2003. – С. 32-49.
5. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. 512 с.
6. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Вып. 15. Екатеринбург, 2005. – С. 5-32.
7. Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Уч. зап. Самарского ун-та. Вып. 2-й. Самара, 1919. С. 64-80.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250-296 [Бахтин 1986а].
9. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. С. 297-325 [Бахтин 1986б].
10. Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 28-29.

11. Бессер-Зигмунд К. Магические слова. СПб., 1997.
12. Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул. АлтГУ. 2005. – С. 156-167.
13. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965. 492 с.
14. Булгаков С. Н. Философия имени. Paris, 1953. 230 с.
15. Варбот Ж. Ж. Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 596-597.
16. Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991-2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
17. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта-Наука, 2003. 224 с.
18. Васильев А. Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск, 2000. – 166 с.
19. Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство. – Красноярск, 2007. – 152 с.
20. Введение в политологию. 1996.
21. Вендина Т. И. Введение в языкознание. М., 2002. 288 с.
22. Веселитский В. В. Отвлечённая лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. – М.: Наука. 1972. – 320 с.
23. Ветров С. А. Идеология и её язык // Язык. Человек. Картина мира. Ч. I. – Омск, 2000. – С. 196-201.
24. Волконский С. М. О русском языке // Русская речь. 1992. № 4. – С. 46-47.
25. Воронин С. Э. Вопросы философии в современной юридической проблематике. – Красноярск, 2004. – 86 с.
26. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
27. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992. – 224 с.

28. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3 (4). – Томск, 2008. – С. 5-17.
29. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово-Барнаул. Изд. АлтГУ. 2007. – С. 7-13.
30. Горбаневский М. В. В начале было слово ... – М., УДН, 1991. – 256 с.
31. Грот Я. К. Филологические разыскания. – СПб., 1873.
32. Губаева Т. В. Язык и право. – М., 2004. – 160 с.
33. Гусар Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей // Человек-коммуникация-текст. Вып. 8. – Барнаул, 2008. – С. 31-38.
34. Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984. – С. 142-158.
35. Денисова С. П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004.
36. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. 287 с.
37. Дубичинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1995.
38. Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
39. Еленский Й. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980.
40. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 223-235.

41. Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX в. (К изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. М., 1957. С. 5-64.
42. Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. – 2003. № 8. – С. 87-94.
43. Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы // ПОЛИС. – 1994. – № 1. – С. 127-140.
44. Исаев М. И. Закон принят. Что дальше? // Русская речь. №1. 1991. С. 3-9.
45. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1953. – 352 с.
46. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М., 1981.
47. Калашников М. Вперёд, в СССР-2. М., 2003.
48. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
49. Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. – М., 1990. – С. 28-55.
50. Кожин А. Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. – М., 1985. – 325 с.
51. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова ...». – СПб., 1999. – 368 с.
52. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 13-24.
53. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
54. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики / Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. С. 16-36.
55. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб., 2004. – 240 с.
56. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.

57. Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. – М., 2003. – 216 с.
58. Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 75-80.
59. Корованенко Т. А. Источники Нового академического словаря // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб., 1995. – С. 31-43.
60. Костомаров В. Г. Перестройка и русский язык // Русская речь. – 1987. – С. 3-11.
61. Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. С. 48-63.
62. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск, 2008. 320 с.
63. Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. – М., 1974. 558 с.
64. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.
65. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М., 1981. 360 с.
66. Лопатин В. В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. 2001. № 2. С. 55-60.
67. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. С. 23-192.
68. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996. 464 с.
69. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М. – Барнаул, 2002. – 234 с.
70. Макьявелли Н. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли. – СПб., 1993. – С. 246-316.
71. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на-Дону, 1984.
72. Мечковская Н. Б. Язык и религия. – М., 1998. – 352 с.
73. Мирский Э. М. Национальная идеология и язык // Высшее образование в России. – 1999. – № 3. – С. 105-108.

74. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Вместо предисловия. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998. С. 5-21.
75. Немчинов В. М. Популяция, формация и цивилизация // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.
76. Непокупный А. В. (отв. ред.). Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.
77. Никитин М. В. Лексическое значение слова. – М., 1982.
78. Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974. 278 с.
79. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Мн., 1987. – 222 с.
80. Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. – Киев, 1994. – С. 53-60.
81. Одинцова М. П. Критическая реплика по поводу попытки А. Вежбицкой построить этнопсихологический портрет русского человека по данным русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. I. – Омск, 2000. – С. 79-81.
82. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 216-221.
83. Осипов Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 207-212.
84. Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 1. – 1998. – С. 94-104.
85. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М., 1991.
86. Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001. – С. 312-331 [Поливанов 2001а].

87. Поливанов Е. Д. Рецензия на книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917-1926» // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Смоленск, 2001. С. 335-339 [Поливанов 2001б].
88. Поршнева Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М., 1973.
89. Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35-220 [Потебня 1976а].
90. Потебня А. А. Язык и народность // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 253-285 [Потебня 1976б].
91. Райгородский Д. Я. К вопросу о социально-психологических и этнопсихологических проблемах эмиграции // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994. – С. 148-152.
92. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. – М., 2003. – 496 с.
93. Рёш О. Проблема стереотипов в межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 6. – М., 1998. С. 490-501.
94. Романенко А. П. Образ риторика в советской словесной культуре. – М., 2003. – 432 с.
95. Руделёв В. Г. Слово // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. – Харьков, 1991. – С. 70-72.
96. Секретарёва Е. В. Речевое внушение и речевая манипуляция: к постановке проблемы // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул, 2005. С. 266-269.
97. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004. – 328 с.
98. Синельникова Л. Н. Языковые симулякры как материализованная энтропия, или В мире заблуждений // Структура преставлення знань про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. Т. 1. – Луганськ, 2003. – С. 216-229.
99. Скрынников Р. Г. Святители и власти. – Л., 1990.

100. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30-е – 90-е годы XIX века). – М.-Л., 1965. – 566 с.
101. Суспицына И. Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007. – С. 71-73.
102. Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 236.
103. Трубачёв О. Н. /О состоянии русского языка // Русская речь. – 1992. – № 5. С. 43-44.
104. Трубачёв О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. – М., 2005. – 352 с.
105. Трубачёв О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. – М.: ИИПК «Ихтиос», 2004. – 224 с.
106. Трубачёв О. Н. Этимология и славянская пракультура // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». – Л., 1988. – С. 9-10.
107. Тулина Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связности слов // Системные семантические связи языковых единиц. – М., 1992. С. 79-89.
108. Ушаков Д. Н. /Из дискуссии 20-х годов о культуре речи // Русская речь. – 1991. – № 4. – С. 61-62.
109. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981. – 328 с.
110. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
111. Флоренский П. Столп и утверждение истины / Флоренский П. Собрание сочинений. Т. IV. – Paris, 1989.
112. Фомин А. И. Лошадка с ленцой хозяина бережёт (К национальному видению вопроса) // Русский язык и ментальность. Мат-лы XXXVII Международной филологической конференции. – СПб., 2008. С. 88-94.

113. Фролов Н. К. Введение в региональную русскую антропониимику / Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. – Тюмень, 2005. С. 4-135 [Фролов 2005а].
114. Фролов Н. К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики / Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. – Тюмень, 2005. – С. 485-490 [Фролов 2005в].
115. Фролов Н. К. Феномен русскости и истоки русофобии / Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. – Тюмень, 2005. – С. 504-509 [Фролов 2005в].
116. Хан-Пира Эр. Англиязычный, франкоязычный, русскоязычный и другие // Русская речь. – 1992. № 5. С. 54-57.
117. Хейзинга Й. Homo ludens: Статьи по истории культуры. – М., 1997. – 416 с.
118. Хрестоматия по истории государства и права России: 2-е изд. / сост. Титов Ю. П. – М., 2005.
119. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. – 238 с.
120. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972. – 328 с.
121. Шастина И. А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. н. Иркутск, 2009. 22 с.
122. Шеслер А. В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности. – Тюмень, 2004. – 61 с.
123. Шестаков С. А. Российский консерватизм: история и современность. – Тюмень, 2005. – 254 с.
124. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. 335 с.
125. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е. – М., 2003. – 244 с.

126. Щерба Л. В. Из дискуссии 20-х годов о культуре речи // Русская речь. №3. 1991. С.49-50.
127. Timroth W. von. Russian argo, jargon, slang and mat // Slavistische Beitrage. Band. 205, 1986.

Лексикографические и справочные источники

1. Англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер. – М., 1956 [АРС].
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
3. Большой англо-русский словарь / Под общим руководством И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. Изд. 4-е, исправленное, с дополнением. Т. I-II. М., 1987.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. – М., 1984.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. 1-4. – М., 1955 [Сл. Даля].
6. Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд. – М., 2006.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е. – М., 1996.
8. Словарь иностранных слов. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 1954 [СИС 1954].
9. Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. – М., 1979 [СИС 1979].
10. Словарь русского языка в 4-х т. Изд. 2-е. – М., 1981-1984 гг. [МАС2].
11. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, исправленное. – М., 1983.
12. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. – М., 1983 [СЭС].
13. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. – М., 2001 [ТС-2001].

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Т. 1-4. – М., 1964-1973 [Фасмер].
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. – М., 1993.
16. Hornby A. S. Oxford's Student's Dictionary of Current English. Special Edition for the USSR. – М.: Oxford. 1984.

Литературно-художественные и публицистические тексты

1. Андрей Малахов: Пусть говорит! // Российская газета-неделя. № 155. 15.07.10. С. 26.
2. Анофриев О. Пять событий недели // Российская газета-Неделя. № 31. 12.08.10. С. 2.
3. Антонов А. Вы, случаем, не «фараон»? // Советская Россия. 29.06.10. С. 2.
4. Артемьев З. Киевский «Мориарти» // Российская газета-неделя. № 20. 31.01.08. С. 9.
5. Бабель И. Э. Как это делалось в Одессе // Бабель И.Э. Конармия. – Алма-Ата, 1989. – С. 110-117.
6. Безрукова Л. В. В переводе на русский // Российская газета-Неделя. № 124. 09.06.11. – С. 26-27
7. Бобров А. Шапки не горят // Советская Россия. № 88. 19.08.10. С. 2.
8. Булгаков М. А. Бег // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. – М., 1990. – С. 216-278.
9. Булгаков М. А. Самоцветный быт // Набоков В. В. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 2. – М., 1989. – С. 316-320.
10. Булгаков М. А. Торговый дом на колёсах // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 2. – М., 1989. – С. 402-405.
11. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч. В 6-и т. Т. 6. – М., 1988. – С. 5-145.
12. Веллер М. И. Самовар. СПб., 1997.
13. Во И. Возвращение в Брайдсхед // Во И. Избранное. – М., 1974. – С. 188-500.

14. Вулф Т. Домой возврата нет. М., 1982.
15. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. – М., 1956.
16. Гельман З. Неонацисты добрались до Израиля // Российская газета-неделя. № 203. 14.09.07. С. 12.
17. Гоголь Н. В. Вий // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 2. – М., 1952. – С. 153-192.
18. Гоголь Н. В. Мёртвые души. К., 1956.
19. Гоголь Н. В. Ревизор. М., 1966.
20. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 2. – М., 1952. – С. 31-152.
21. Грин Г. Тихий американец // Грин Г. Наш человек в Гаване. Тихий американец. М., 1959.
22. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 7. – М., 1957.
23. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы Ч. I-III // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 9. – М., 1958.
24. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. IV. Эпизод // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 10. – М., 1958.
25. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 4. – М., 1957. – С. 133-244.
26. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 4. – М., 1956. – С. 61-132.
27. Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 4. М., 1956. С. 283-432.
28. Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и т. Т. 6. М., 1957.
29. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10-и т. Т. 8. М., 1957.
30. Достоевский Ф. М. Скверный анекдот // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10-и т. Т. 4. – М., 1956. С. 5-60.
31. Есин С. Н. На рубеже веков. Дневник ректора. – М., 2002.

32. Ефремов И. А. Час Быка // Ефремов И. А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5. Кн. 2. – М., 1989.
33. Ефремов О. /О Вампилове // Вампилов А. В. Дом окнами в поле. – Иркутск, 1981.
34. Замятин Е. И. Бич божий // Замятин Е. И. Мы. – М., 1989. – С. 501-556 [Замятин 1989а].
35. Замятин Е. М. Мы // Замятин Е. И. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 547-680 [Замятин 1989б].
36. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. В 2-х т. – М., 1990.
37. Зоценко М. М. Мемуары старого капельдинера // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 148-150.
38. Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. – Л., 1987. – С. 447-693.
39. Зоценко М. М. Учитель // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 122-123.
40. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. – Новосибирск, 1957.
41. Кастро Ф. ООН, безнаказанность и война // Советская Россия. № 88. 19.08.10. С. 7.
42. Кичин В. Кино без национальности // Российская газета-неделя. № 187. 04.09.08. С. 27.
43. Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9-ти т. Т. IX. – М., 1990. – С. 363-446.
44. Константинов А. Мент. – М., 2002.
45. Куликов В., Фалалеев М. Полиция уйдёт от палки // Российская газета-Неделя. № 146. 28.06.12. С. 8.
46. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Т. 4. – М.-Л., 1948. – С. 7-152.
47. Лермонтов М. Ю. Есть речи ... // Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. – М., 1970. С. 342.
48. Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. № 112. 25.09.97. С. 6.

49. Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. – М., 1990. С. 3-330.
50. Нилин П. Ф. Испытательный срок // Нилин П. Ф. Жестокость. Испытательный срок. – М., 1990. – С. 382-533.
51. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. С. 22-220 [Оруэлл 1989б].
52. Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. С. 309-341 [Оруэлл 1989в].
53. Оруэлл Дж. Присяжный забавник // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. С. 263-267 [Оруэлл 1989б].
54. Островский А. Н. За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) // Островский А. Н. Избранные пьесы. В 2-х т. Т. 1. – М., 1972. С. 290-332.
55. Пелевин В. Generation «П». – М., 1999.
56. Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А. П. Ювенильное море. – М., 1988. С. 188-511.
57. Поляков Ю. Гомо постсоветикус – человек недоумевающий // Поляков Ю. М. Порноκραтия. – М., 2005. С. 213-220 [Поляков 2005а].
58. Поляков Ю. Контрольный выстрел // Поляков Ю. Хомо эректус. Пьесы и инсценировки. – М., 2004. С. 151-222.
59. Поляков Ю. От империи лжи к республике вранья // Поляков Ю. Порноκραтия. – М., 2005. С. 67-72 [Поляков 2005б].
60. Прутков Козьма. Проект: о введении единомыслия в России // Прутков Козьма. Сочинения. – М., 1976. С. 138-140.
61. Пушкин А. С. 19 октября // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. II. – Л., 1977. С. 244-247.
62. Пушкин А. С. Борис Годунов [Сцены, исключённые из печатной редакции] // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. V. Л., 1978. С. 281-285.
63. Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. V. Л., 1978. С. 187-280.

64. Пушкин А. С. Дубровский // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. VI. – Л., 1978. С. 142-209.
65. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. V. – Л., 1978. С. 5-184.
66. Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. VII. – Л., 1977. С. 28-29.
67. Ремарк Э. М. Тени в раю // Ремарк Э. М. Тени в раю. Жизнь взаимы. – Мн., 1989. С. 5-400.
68. Россияне или русские? // Российская газета-неделя. № 203. 14.09.07. С. 30.
69. Саган Ф. Смутная улыбка // Саган Ф. Избранные произведения. В 4-х т. Т. 1. – М., 1992. С. 131-232.
70. Саймак К. Город. М., 1974.
71. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. – М., 1953.
72. Семеняко К. Адвокатский запрос в милицию // Российская газета-Неделя. № 32. 19.08.10. С. 5.
73. Твен М. Приключения Гекльберри Финна. – М., 1978.
74. Теплых Д. Россию вернут бизнесу // Городские новости. № 183. 05.12.08. С. 1-2.
75. Толстой А. К. Одарив весьма обильно ... // Толстой А. К. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. – М., 1981. С. 108.
76. Толстой А. К. Поток-богатырь // Толстой А. К. Соч. В 2-х т. Т. 1. – М., 1981. С. 186-193.
77. Толстой А. Н. Хождение по мукам. Тт. 1-2. Челябинск, 1982.
78. Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х т. Тт. IV-VII. – М., 1979-1981.
79. Тынянов Ю. Н. Малолетний Витушишников // Тынянов Ю. Н. Кюхля. Рассказы. – Л., 1973. С. 465-514.
80. Тэффи. Авантюрный роман // Тэффи. Всё о любви. – М., 1991. С. 331-428.
81. Тютчев Ф. И. Эти бедные селенья ... // Тютчев Ф. И. Стихотворения. – М., 1985. С. 238.

82. Фалалеев М. Рождённая без революции // Российская газета-Неделя. № 31. 12.08.10. С. 10.
83. Фет А. А. Как беден наш язык!.. // Фет А. А. Стихотворения. М., 1979. с. 263.
84. Хлебников В. «О стихах» // Хлебников Велимир. Творения. – М., 1986. С. 633-635.
85. Хлебников В. Зангези // Хлебников Велимир. Творения. – М., 1986. С. 473-504.
86. Честертон Г. К. Сломанная шпага // Честертон Г. К. Рассказы. – М., 1980. С. 76-95.
87. Чехов А. П. В Париж! // Чехов А. П. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 4. – М., 1955. С. 151-156.
88. Чехов А. П. Вишнёвый сад // Чехов А. П. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 9. – М., 1956. С. 407-461.
89. Шекспир У. Гамлет, принц Датский // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8-и т. Т. 6. С. 3-157.

Научное издание

Александр Дмитриевич Васильев

ПРЕВРАЩЕНИЯ СЛОВ.
СОВРЕМЕННЫЕ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Монография

Редактор *Н.А. Агафонова*

Корректор *А.П. Малахова*

Верстка *Н.С. Хасаншина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 11.11.19. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 19,75. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 11-РИО-004

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40